

"Обет Славы"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Морган Райс

Обет Славы

Авторское право 2011 Морган Райс

Все права защищены. Кроме случаев, разрешенных в соответствии с Законом США об авторском праве от 1976 года. Никакая часть данного издания не может быть скопирована, воспроизведена или передана в любой форме и любыми средствами, или сохранена в системе базы данных или поиска информации без предварительного разрешения автора.

Эта электронная книга лицензирована только для вашего личного пользования. Эта книга не может быть повторно продана или отдана другим лицам. Если вы хотите поделиться этой книгой с другим лицом, вам необходимо приобрести дополнительную копию для каждого получателя. Если вы читаете эту книгу, не купив ее, или она не была куплена только для вашего личного пользования, вы должны вернуть ее или приобрести свой собственный экземпляр. Спасибо за уважение к тяжелой работе этого автора.

Это художественное произведение. Имена, персонажи, предприятия, организации, места, события и происшествия являются плодом воображения автора. Любое совпадение с реальными людьми, живыми или мертвыми, является абсолютно случайным.

Jacket image Copyright RazoomGame, используется по лицензии от Shutterstock.com.

* * *

О Морган Райс

Морган Райс – автор бестселлеров № 1 «Журнал вампира», которые представляют собой серию для подростков, состоящую из 11 книг (и их число постоянно растет); серию бестселлеров № 1 «ТРИЛОГИЯ ВЫЖИВАНИЯ» – постапокалиптический триллер, включающий в себя две книги (и их число постоянно растет); и серии бестселлеров эпического фэнтези № 1 «КОЛЬЦО ЧАРОДЕЯ», состоящей из тринадцати книг (и их число постоянно растет).

Книги Морган доступны в аудио форматах и печатных изданиях. Переводы книг представлены на немецком, французском, итальянском, испанском, португальском, японском, китайском, шведском, датском, турецком, венгерском, чешском и словацком языках (их количество языков растет).

Морган нравится получать от вас письма, поэтому, пожалуйста, не стесняйтесь посетить www.morganricebooks.com, чтобы присоединиться к списку рассылки, получить книгу бесплатно, бесплатные призы, скачать бесплатное приложение, получить самые последние эксклюзивные новости, связаться по Facebook и Twitter и оставаться на связи!

Избранные отзывы о Морган Райс

«КОЛЬЦО ЧАРОДЕЯ» содержит все ингредиенты для мгновенного успеха: заговоры, дворцовые интриги, тайны, доблестные рыцари, зарождающиеся отношения, которые сопровождаются разбитыми сердцами, обманом и предательством. Книга продержит вас в напряжении не один час и подойдет для любого возраста. Рекомендовано для постоянной библиотеки всех любителей фэнтези»

Books and Movie Reviews, Роберто Маттос

«Райс делает отличную работу, вовлекая вас в историю с самого начала, используя отличное описательное качество, которое выходит за рамки простой картины сюжета... Хорошо написано и невероятно быстро читается»

Black Lagoon Reviews (о книге «Обращенная»)

«Идеальная история для молодых читателей. Морган Райс сделала отличную работу, решившись сплести интересный поворот... Освежающе и уникально. Серия посвящена одной девушке... необыкновенной девушке. Легко, но невероятно быстро читается! Рекомендуется читать под присмотром родителей»

The Romance Reviews (о книге «Обращенная»)

«Завладела моим вниманием с первых страниц и уже не отпускала... Эта история представляет собой удивительные быстро развивающиеся приключения, которые захватывают с самого начала. В книге нет ни одного скучного момента»

- Paranormal Romance Guild (о книге «Обращенная»)

«Насыщено действиями, романтикой, приключениями и неизвестностью. Вы влюбитесь в эту книгу снова и снова»

- vampirebooksite.com (о книге «Обращенная»)

«Прекрасный сюжет. Этот одна из тех книг, которую вы не сможете отложить в сторону ночью. Концовка настолько захватывающая, что у вас тут же появится желание купить следующую книгу, просто чтобы посмотреть, что случится дальше»

- The Dallas Examiner (о книге «Возлюбленный»)

«Книга, соперничающая с «СУМЕРКАМИ» и «ДНЕВНИКАМИ ВАМПИРОВ», которую вы не сможете отложить в сторону, пока не дочитаете до последней страницы! Если вы любите приключения, любовь и вампиров, тогда эта книга для вас!»

- vampirebooksite.com (о книге «Обращенная»)

«Морган Райс снова доказала, что она является чрезвычайно талантливой рассказчицей... Книга обращается к широкой аудитории, включающей юных поклонников жанра о вампирах / фэнтези. Неожиданная и захватывающая концовка книги потрясет вас»

- The Romance Reviews (о книге «Возлюбленный»)

«Закон судьбы мне честь моя. Иной предпочитает жизнь, мне честь дороже»

Уильям Шекспир «Троил и Крессида»

Глава первая

Андроникус гордо скакал по центру королевского города МакКлауда в окружении сотен своих генералов, волоча за собой самое ценное свое имущество – самого короля МакКлауда. Лишенный брони, полуголый, с волосатым, отягощенным лишним весом, телом, МакКлауд был привязан к заднему седлу Андроникуса длинной веревкой, обвивающей его запястья.

Проезжая медленно по городу, упиваясь своим триумфом, Андроникус тащил МакКлауда по улицам, покрытым грязью и галькой, поднимая клубы пыли. Люди МакКлауда собирались на улицах, разинув рты. Он слышал, как выкрикивал МакКлауд, корчась от боли, когда Андроникус проезжал по улицам, выставив короля напоказ в его собственном городе. Андроникус сиял. Лица этих людей исказились от страха. Здесь находился их бывший король, ставший низшим из рабов. Это был один из лучших дней на памяти Андроникуса.

Он поразился тому, как легко было захватить город МакКлауда. Казалось, что люди короля были деморализованы еще до того, как началась атака. Люди Андроникуса невероятно быстро завоевали их, тысячи его воинов напали, задавив нескольких солдат, которые осмелились защищаться, заполнив город в мгновение ока. Должны быть, они осознали, что нет смысла сопротивляться. Они все сложили оружие, предполагая, что если они сдадутся, то Андроникус возьмет их в плен.

Но они не знали великого Андроникуса. Он презирал капитуляцию. Он не брал пленных, а тот факт, что они опускают свое оружие, просто делает все это намного легче для него.

По улицам города МакКлауда потекла кровь, когда люди Андроникуса пронеслись по каждому переулку, по каждой улочке, безжалостно убивая каждого попадающегося на их пути мужчину. Женщины и дети были захвачены в плен – люди Андроникуса всегда так поступали. Они грабили дома – по одному за раз.

И теперь, когда Андроникус медленно проезжал по улицам, обозревая признаки своего триумфа, он повсюду видел мертвые тела, кучи награбленного добра и разрушенные дома. Он обернулся и кивнул одному из своих генералов, который тут же высоко поднял факел, подал знак свои людям, после чего те пронесли по городу, поджигая соломенные крыши. Повсюду вокруг них вспыхнуло пламя, достигающее самого неба, и Андроникус даже отсюда уже начал ощущать исходящий от него жар.

«НЕТ!» – закричал МакКлауд, размахивая руками на земле позади него.

Андроникус еще шире улыбнулся и прибавил скорость, направляясь к невероятно большому камню. Когда раздался удовлетворяющий звук, он понял, что тело МакКлауда налетело на камень.

Андроникус получал огромное удовлетворение, глядя на этот объятый огнем город. Завоевывая каждый город в своей Империи, сначала он стирал его с лица земли, а затем снова отстраивал его со своими собственными людьми, своими собственными генералами. Он строил свою собственную Империю. Таков был его метод. Андроникус не хотел никаких следов истории. Он строил новый мир. Мир Андроникуса.

Кольцо, священное Кольцо, которое ускользнуло от всех его предков, теперь стало его территорией. Андроникус с трудом мог себе это представить. Он глубоко дышал, удивляясь тому, насколько он велик. Достаточно скоро он пересечет Хайлэндс и завоюет другую половину Кольца. После чего на планете не останется такого места, на которое не ступала его нога.

Андроникус подъехал к возвышающейся статуе МакКлауда на городской площади и остановился возле нее. Она стояла здесь как святыня, пятьдесят футов в высоту, высеченная из мрамора, изображающая того МакКлауда, которого Андроникус не узнавал – молодого, подтянутого, мускулистого МакКлауда, гордо сжимающего в руках меч. Это было эгоистично – и за это Андроникус восхищался им. Часть его хотела отвезти эту статую домой и установить ее

в своем дворе в качестве трофея.

Но другая его часть испытывала отвращение при виде этой статуи. Недолго думая, Андроникус нагнулся, вынул свою пращу – в три раза больше любого человека, достаточно большую для того, чтобы вместить камень размером с небольшой валун – потянулся назад и метнул камень изо всех сил.

Маленький валун пролетел в воздухе и угодил по мраморной голове статуи, которая разлетелась на кусочки, отколовшись от тела. Затем Андроникус издал крик, поднял свой двуручный цеп, прицелился и изо всех сил замахнулся.

Андроникус разбил торс статуи, опрокинув мрамор, после чего она рухнула на землю, рассыпавшись с громким шумом. Андроникус развернул своего коня и, проезжая, убедился в том, что тело МакКлауда разлетелось на множество осколков.

«Ты заплатишь за это!» – слабо выкрикнул МакКлауд, находясь в агонии.

Андроникус рассмеялся. Он встречал множество людей в своей жизни, но этот, пожалуй, был самым жалким из всех.

«Неужели?» – крикнул Андроникус.

Этот МакКлауд был слишком бестолковым, он все еще не оценил мощь великого Андроникуса. Его следует проучить – раз и навсегда.

Андроникус пристально рассматривал город и его взгляд упал на то, что, разумеется, было замком МакКлауда. Он пнул своего коня и перешел на галоп. Его люди последовали за ним, в то время как он тащил МакКлауда через пыльный двор.

Когда Андроникус взобрался на десять мраморных ступенек, тело МакКлауда билось о них с глухим стуком, пока сам король выкрикивал и стонал на каждой ступеньке. После чего Андроникус продолжил скакать прямо через мраморный вход. Его люди уже стояли на страже у дверей, у их ног лежали окровавленные мертвые тела бывших стражников МакКлауда. Андроникус удовлетворенно улыбнулся, увидев, что каждый уголок этого города уже принадлежал ему.

Андроникус продолжал скакать прямо через огромные двери замка в коридор с парящими сводчатыми потолками, сделанными из мрамора. Он поразился чрезмерности короля МакКлауда. Он явно не жалел денег на потакание своим прихотям.

Теперь пришел его день. Андроникус продолжал скакать вместе со своими людьми по широким коридорам, направляясь туда, что, очевидно, было тронным залом МакКлауда. Эхо лошадиных копыт отражалось от стен. Он ворвался через дубовые двери прямо в центр зала, к неприличному трону, сделанному из золота, который находился посреди комнаты.

Андроникус спешил, медленно поднялся по золотым ступенькам и сел на трон.

Он глубоко вздохнул, повернувшись и оглядывая своих людей – десятки своих генералов, сидящих верхом на лошадях в ожидании его приказа. Он бросил взгляд на окровавленного МакКлауда, который все еще был привязан к его коню и стонал. Андроникус рассматривал этот зал, изучал стены, знамена, броню и оружие. Он посмотрел на качество изготовления этого трона, восхищаясь им. Андроникус подумал о том, чтобы расплавить его или, возможно, оставить его для себя. Может быть, он отдаст этот трон одному из своих мелких генералов.

Разумеется, этот трон не шел ни в какое сравнение с собственным тронном Андроникуса, самым большим тронном всех королевств, на создание которого ушло сорок лет работы двадцати чернорабочих. Создание трона началось еще при жизни его отца, и было завершено в день, когда Андроникус убил своего собственного родителя. Время для этого было выбрано идеально.

Андроникус посмотрел на МакКлауда, этого жалкого мелкого человека, спрашивая себя, как наилучшим образом заставить его страдать. Андроникус рассмотрел форму и размер его черепа и решил, что он высушит его и присоединит к своему ожерелью – к остальным высушенным головам вокруг его шеи. Тем не менее, он осознавал, что прежде чем он убьет этого человека, ему понадобится немного времени на то, чтобы это лицо и скулы стали меньше. Тогда оно будет лучше смотреться вокруг его шеи.

Андроникус не хотел, чтобы толстое, пухлое лицо испортило эстетику его ожерелья. Он оставит его в живых на какое-то время, тем временем подвергая его пыткам. Он мысленно улыбнулся. Да, это очень хороший план.

«Приведите его ко мне», – приказал Андроникус одному из своих генералов древним глубоким рычанием.

Генерал без малейшего колебания подбежал к МакКлауду, разрезал веревку и протащил окровавленное тело по полу, окрашивая его в красный цвет. Он бросил его у ног Андроникуса.

«Тебе это так с рук не сойдет!» – слабо пробормотал МакКлауд.

Андроникус покачал головой – этот человек никогда не научится.

«Я здесь, сижу на твоём троне», – сказал он. – «А ты там, лежишь у моих ног. Полагаю, для тебя безопаснее сказать, что мне сойдет с рук все, что угодно. И уже сошло».

МакКлауд лежал, корчась и издавая стоны.

«Мой первый приказ заключается в том, что ты должен оказывать должное уважение своему новому королю и хозяину», – сказал Андроникус. – «Подойди ко мне сейчас же и получи честь быть первым, кто встанет передо мной на колени в моем новом королевстве, первым, кто поцелует мою руку и назовет меня Королем того, что когда-то было стороной Кольца МакКлауда».

МакКлауд поднял глаза вверх, встал на руки и колени и насмешливо улыбнулся Андроникусу.

«Никогда!» – сказал он, после чего отвернулся и плюнул на пол.

Андроникус откинулся назад и рассмеялся. Он искренне наслаждался этим. Уже долгое время он не встречал ни одного человека с такой волей.

Повернувшись, Андроникус кивнул и один из его людей схватил МакКлауда сзади, в то время как другой вышел вперед, чтобы держать его голову неподвижной. Третий воин подошел спереди с длинной бритвой. Когда он приблизился, МакКлауд согнулся от страха.

«Что вы делаете?» – спросил он в панике. Его голос поднялся выше на несколько октав.

Воин нагнулся и быстро сбрил половину бороды МакКлауда. Тот смотрел на него в недоумении, явно сбитый с толку из-за того, что этот человек не причинил ему боли.

Когда Андроникус снова кивнул, шаг вперед сделал другой воин с длинной палкой, на конце которой в железе была вырезана эмблема королевства Андроникуса – лев с птицей в пасти. Она светилась оранжевым цветом, из нее исходил жар, и пока два воина держали МакКлауда, третий опустил палку на его, теперь лишенную растительности, щеку.

«НЕТ!» – закричал МакКлауд, осознав, что он собирается сделать.

Но было слишком поздно.

Воздух прорезал ужасный крик, сопровождаемый шипением и запахом горелой плоти. Андроникус с ликованием наблюдал за тем, как кочерга все глубже и глубже прожигала клеймо на щеке МакКлауда. Шипение становилось громче, крики стали практически невыносимыми.

В конце концов, после добрых десяти секунд, они бросили МакКлауда.

Он упал на пол без сознания, истекая слюной, в то время как над половиной его лица поднимался дым. Теперь там была эмблема Андроникуса, выжженная на его плоти.

Андроникус наклонился вперед, посмотрел на МакКлауда, который лежал без сознания, восхищаясь ручной работой.

«Добро пожаловать в Империю».

Глава вторая

Эрек стоял на вершине холма на окраине леса и смотрел на приближение небольшой армии, в то время как его сердце наполнялось огнем. Он был для рожден для такого дня. В некоторых битвах граница между тем, что правильно, а что – нет, размыта. Но не в этот день. Лорд из Балистера бесстыдно похитил его невесту, он был хвастливым и непримиримым. Будучи осведомленным о своем преступлении, он получил шанс исправить свою ошибку, но отказался это сделать. Лорд сам виноват в своих бедах. Его людям следовало отпустить эту ситуацию, особенно теперь, когда он был мертв.

Но они скакали сюда – сотня воинов, наемники этого ничтожного лорда – намереваясь убить Эрека только потому, что этот человек заплатил им. Они мчались к нему в своей ярко-зеленой броне и, приближаясь, издавали боевой клич. Словно это могло напугать его.

Эрек не боялся их. Он видел множество подобных битв. Если он и научился чему-нибудь за все годы своих тренировок, так это не испытывать страха, когда ты сражаешься на стороне правды. Он усвоил, что справедливость, может, и не всегда одерживает победу, но она дает своему защитнику силу десятерых человек.

Глядя на сотни приближающихся мужчин, понимая, что, вероятно, в этот день он умрет, Эрек испытывал не страх, а предвкушение. Ему предоставляется шанс встретить свою смерть самым благородным способом, и это был подарок. Он дал обет славы, и сегодня его клятва требовала того, что ей причитается.

Эрек вынул свой меч и пешком бросился вниз со склона, направляясь к армии, пока она приближалась к нему. В эту минуту больше чем когда-либо он хотел, чтобы рядом был его проверенный конь Варкфин, чтобы он поскакал навстречу противнику верхом на нем. Но Эреку было спокойно от осознания того, что Варкфин вез Алистер обратно в Саварию, безопасный двор Герцога.

Когда он приблизился к солдатам, находясь теперь всего в пятидесяти ярдах от них, Эрек прибавил скорость, бросившись на главного рыцаря в центре. Они не замедлили хода, так же, как и он, и рыцарь подготовился к предстоящему столкновению.

Эрек знал, что у него было одно преимущество – триста воинов не могли физически подойти достаточно близко для того, чтобы атаковать одного человека в одно и то же время. Годы тренировки научили его тому, что максимум шесть человек верхом на лошадях смогут приблизиться и одновременно наброситься на одного человека. Эрек увидел, что его шансы сводились не к трестам воинам к одному, а только шести к одному. При условии, если ему удастся все время убивать шестерых мужчин перед собой, у него будет шанс одержать верх. Вопрос заключался только в том, хватит ли ему выносливости довести дело до конца.

Когда Эрек бросился вниз с холма, он снял с пояса оружие, которым умел управлять лучше всего – цепь длиной десять ярдов, на конце которой находился шипованный металлический шар. Это оружие было предназначено для того, чтобы устроить ловушку на дороге – как раз для подобной ситуации.

Эрек ждал для последней минуты, пока у армии не осталось времени для того, чтобы отреагировать, после чего он взмахнул своей цепью высоко над головой и швырнул ее через поле боя. Он целился в небольшое дерево, и шипованная цепь вытянулась через поле. Когда шар обернулся вокруг дерева, Эрек свернулся клубком и упал на землю, избегая ударов копий, которые чуть не вонзились в него, и изо всех сил вцепился в рукоять.

Он сделал это как нельзя кстати – времени на реакцию у армии не было. Они увидели это в последнюю секунду и попытались натянуть удила своих лошадей, но те скакали слишком быстро, поэтому времени не было.

Вся линия фронта мчалась через него, шипованная цепь прорезала ноги лошадей, которые сбросили всадников лицом вниз на землю. Сами кони упали на них сверху. Десятки воинов погрузились в хаос.

У Эрека не было времени на то, чтобы гордиться произведенным им разрушением – другой фланг армии развернулся и помчался на него, издавая боевой крик, и Эрек вскочил на ноги, чтобы встретиться с ними.

Когда главный рыцарь поднял метательное копьё, Эрек воспользовался имеющимся у него преимуществом – у него не было коня, и он не мог встретиться с этими людьми на их высоте, но поскольку он находился внизу, то мог воспользоваться почвой под своими ногами. Эрек внезапно пригнулся к земле, свернувшись клубком, поднял свой меч и отрубил ноги коню одного из воинов. Лошадь оступилась, и воин упал на землю лицом вниз до того, как ему представился шанс воспользоваться своим оружием.

Эрек продолжал сидеть, свернувшись клубком, и ему удалось не попасться под ноги обращенных в бегство лошадей вокруг него, которые вынуждены были разделиться, чтобы избежать столкновения со сбитыми лошадьми. Многим это не удалось, и они споткнулись о мертвых животных, и еще несколько десятков лошадей рухнули на пол, поднимая клубы пыли и становясь причиной затора среди армии.

Именно на это и рассчитывал Эрек – пыль и беспорядок, и еще несколько рухнувших на землю воинов.

Эрек вскочил на ноги, поднял свой меч и отразил удар меча соперника, опускающегося на его голову. Он развернулся и блокировал сначала дротик, затем копьё и топор. Он защищался

от ударов, которые сыпались на него со всех сторон, но знал, что он не сможет сдерживать их вечно. Эрек должен броситься в атаку, если ему представится такой шанс.

Рыцарь свернулся в клубок, развернулся, встал на колени и метнул свой меч так, словно это было копьё. Тот пролетел в воздухе и вонзился в грудь одного из нападавших – его глаза широко распахнулись, и он замертво упал на бок с коня.

Эрек воспользовался этой возможностью и запрыгнул на его коня, выхватив из его руки цеп, прежде чем соперник умер. Это был отличный цеп, который Эрек выделил не без причины – у него была длинная шипованная рукоятка из серебра, четырехфутовая цепь с тремя шипованными шарами на конце. Эрек откинулся назад и замахнулся им высоко над головой, одновременно выбивая оружие из рук нескольких противников. Затем он снова размахнулся своей цепью и сбил их с коней.

Эрек осмотрел поле боя и увидел, что он нанес значительный ущерб, сбив около сотни воинов. Но другие – как минимум, двести солдат – перегруппировались и бросились на него. И все они были настроены решительно.

Эрек выехал им навстречу – один воин атаковал две сотни – и издал свой собственный боевой клич, подняв цеп над головой еще выше, молясь Господу о том, чтобы ему хватило сил выстоять.

* * *

Алистер плакала все то время, когда она изо всех сил держалась за Варкфина, который мчался галопом, везя ее по слишком знакомой дороге в Саварию. Она кричала и пинала коня всю дорогу, изо всех сил пытаясь заставить его развернуться и скакать обратно к Эреку. Но Варкфин не подчинялся. Девушка никогда прежде не встречала такого коня – он непоколебимо подчинялся команде своего хозяина, не колеблясь ни секунды. Разумеется, он вез ее именно туда, куда приказал Эрек, и Алистер, наконец, смирилась с тем, что она ничего не может с этим поделать.

Пока Алистер въезжала в городские ворота – в город, в котором она так долго жила в качестве связанной договором служанки – у нее были смешанные чувства. С одной стороны, город был ей знаком, но с другой он принес с собой воспоминания о трактирщике, который угнетал ее, все то, что было плохого в этом месте. Алистер с нетерпением ждала того момента, когда двинется дальше, когда покинет его вместе с Эреком и начнет с ним новую жизнь. В то время как девушка чувствовала себя в безопасности за этими воротами, вместе с тем ее дурное предчувствие насчет Эрека, который находился сейчас один на один с армией, нарастало.

Осознав, что Варкфин не развернется, она поняла, что следующим лучшим шагом может стать поиски помощи для Эрека. Рыцарь попросил ее остаться здесь, в безопасности этих ворот, но это будет последнее, что Алистер когда-либо сделает. В конце концов, она была дочерью короля, а потому не станет убегать от страха или от столкновения. Эрек нашел в ней свою пару – Алистер так же благородна и решительна, как и он. И она не сможет жить в ладах с самой собой, если с ним там что-нибудь случится.

Хорошо зная этот королевский город, Алистер направила Варкфина к замку Герцога. И теперь, когда они находились за воротами, конь ее послушался. Девушка подъехала к входу в замок, спешила и пробежала мимо слуг, которые попытались остановить ее. Она отмахнулась от них и помчалась по мраморным коридорам, которые хорошо изучила, будучи служанкой.

Алистер оперлась плечами о большие королевские двери в комнату, открыла их и ворвалась

в личные покои Герцога.

Несколько членов совета, все облаченные в королевские одеяния, обернулись и посмотрели на нее. Герцог сидел в центре комнаты в окружении нескольких рыцарей. Лица у них были изумленные – очевидно, она прервала какое-то важное дело.

«Кто ты, женщина?» – выкрикнул один из них.

«Кто осмелился прервать официальный прием Герцога?» – крикнул другой.

«Я узнаю эту женщину», – сказал Герцог, поднимаясь.

«И я», – добавил Брандт, в котором девушка узнала друга Эрека. – «Это Алистер, не так ли?» – спросил он. – «Новая жена Эрека?»

Алистер подбежала к нему со слезами на глазах и сжала его руки.

«Пожалуйста, милорд, помоги мне. Эрек!»

«Что случилось?» – встревоженно спросил Герцог.

«Он находится в серьезной опасности. Даже сейчас он один на один с неприятельской армией! Он не позволил мне остаться. Пожалуйста! Ему нужна помощь!»

Не говоря ни слова, все рыцари вскочили на ноги и побежали из зала – ни один из них не колебался ни секунды. Алистер развернулась и побежала вместе с ними.

«Оставайтесь здесь!» – попросил Брандт.

«Никогда!» – сказала она, продолжал бегать за ним. – «Я отведу вас к нему!»

Они все, как один, бежали по коридорам, после чего выбежали из дверей замка к большой группе ожидающих лошадей. Каждый из них оседлал коня без секундного колебания. Алистер вскочила на Варкфина, пнула его и повела группу, так же отчаянно желая скакать туда, как и все остальные.

Когда они скакали через двор Герцога, все солдаты вокруг них начали седлать лошадей, присоединившись к ним, и ко времени, когда они покинули ворота Саварии, их сопровождала огромная и растущая армия, как минимум, из сотни воинов. Алистер скакала впереди, рядом с ней ехали Брандт и Герцог.

«Если Эрек узнает, что Вы едете с нами, мне за это влетит», – сказал ехавший рядом с ней Брандт. – «Пожалуйста, просто скажите, где он, миледи».

Но Алистер упрямо покачала головой, прогоняя слезы. Она поскакала еще быстрее, под огромный гул всех этих мужчин вокруг нее.

«Я скорее сойду в могилу, чем брошу Эрека!»

Глава третья

Тор с опаской скакал по лесной тропе. Рис, О'Коннор, Элден и близнецы скакали рядом с ним. Крон следовал за ними по пятам, когда они все выехали из леса на дальней стороне Каньона. Сердце Тора билось быстрее от предвкушения, когда они, наконец, добрались до периметра

густого леса. Он поднял руку, давая знак остальным хранить молчание, и воины застыли рядом с ним.

Тор окинул взглядом большой простор пляжа, открытое небо и большое желтое море перед ними, которое поможет им попасть в дальние земли Империи. Тартувиан. Тор не видел эти воды со дня их поездки в Сотню. Было странно снова сюда вернуться – и на этот раз с миссией, от которой зависела судьба Кольца.

После того, как они пересекли мост Каньона, их короткая поездка через лес Уайльдса прошла без происшествий. Кольк и Бром велели Тору найти небольшой корабль, пришвартованный на берегу Тартувиана, тщательно скрытый под ветвями огромного дерева, которые свисали над морем. Тор в точности следовал их указаниям и, когда они добрались до периметра леса, он заметил хорошо спрятанный корабль, готовый отвезти их туда, куда им нужно. Он почувствовал облегчение.

Но затем Тор увидел шесть войск Империи, которые стояли на песке перед судном, рассматривая его. Другой солдат взобрался на борт корабля, частично ушедший в песок, покачиваясь на нежно плещущих волнах. Здесь никого не должно быть.

Это был удар судьбы. Когда Тор посмотрел дальше на горизонт, он увидел отдаленные очертания того, что казалось целым флотом Империи – тысячи черных кораблей, плывущих под черными флагами Империи. К счастью, они не плыли в направлении Тора, а взяли курс в противоположную сторону, делая длинный круговой ход вокруг Кольца, к стороне МакКлауда, где они пробили брешь в Каньоне. К счастью, их флот был занят разными маршрутами.

Кроме одного этого патруля. Эти шестеро солдат Империи – вероятно, разведчики с обычной миссией – должно быть, каким-то образом наткнулись на корабль Легиона. Время было выбрано неудачно. Если бы Тор и его товарищи добрались до берега несколькими минутами ранее, они, вероятно, уже забрались бы на борт и отчалили. А теперь им предстоит столкновение на их земле. Иного пути нет.

Окинув взглядом пляж, Тор не увидел других групп войск Империи. По крайней мере, это было в их пользу. Вероятно, здесь находилась одинокая патрулирующая группа.

«Я думал, что корабль должен быть хорошо спрятан», – сказал О'Коннор.

«Очевидно, недостаточно», – заметил Элден.

Шестеро молодых людей сидели верхом на своих лошадях, глядя на корабль и группу солдат.

«Им не понадобится много времени для того, чтобы предупредить другие войска Империи», – вставил Конвен.

«И тогда нам предстоит тотальная война», – добавил Конвал.

Тор знал, что они правы. И что они не могут так рисковать.

«О'Коннор», – сказал он. – «Ты целишься лучше всех в нашей группе. Я видел, как ты попадал в мишень с пятидесяти ярдов. Видишь того воина на носу корабля? У нас для этого есть всего один выстрел. Можешь ли ты сделать это?»

О'Коннор уверенно кивнул, не отрывая взгляда от воинов Империи. Он медленно потянулся

через плечо, поднял свой лук, поместил стрелу и держал ее наготове.

Они все посмотрели на Тора, и он почувствовал, что готов руководить.

«О'Коннор, стреляй по моему сигналу. Затем мы нападём на тех воинов, что находятся внизу. Остальные используйте свое метательное оружие, когда мы подберемся ближе. Сначала постарайтесь подобраться как можно ближе».

Тор сделал жест рукой, и вдруг О'Коннор выпустил стрелу.

Стрела проплыла по воздуху со свистом, и это был идеальный выстрел. Металлический кончик стрелы пронзил сердце воина Империи, который находился на носу корабля. Солдат стоял там, широко распахнув глаза на мгновение, словно он не понял, что происходит. Затем он вдруг широко вытянул руки и упал лицом вниз, прыгнув в воду ласточкой, издав при этом всплеск на пляже у ног своих товарищей, окрашивая песок в красный цвет.

Тор и его собратья бросились вперед, представляя собой хорошо смазанную машину, синхронно взаимодействуя друг с другом. Звук их мчащихся галопом лошадей выдал их, и шесть других воинов Империи обернулись и встретились с ними лицом к лицу. Они оседлали своих коней и бросились в атаку, готовясь встретиться с ними посредине.

Тем не менее, у Тора и его людей было преимущество неожиданности. Тор откинулся назад и метнул камень своей пращей, угодив одному из воинов в висок с двадцати ярдов, когда тот как раз собирался оседлать своего коня. Он замертво упал с лошади, все еще сжимая в руках поводья.

Когда они приблизились, Рис бросил свой топор, Элден метнул копье, а каждый из близнецов бросил по кинжалу. Песок был неровный, и лошади то и дело поскальзывались, отчего метание оружия было сложение обычного. Топор Риса убил одного из воинов, но другие промахнулись.

Воинов осталось четверо. Их лидер вырвался из группы и бросился прямо на безоружного Риса. Он не успел вынуть свой меч после того, как бросил свой топор. Рис напрягся, но в последнюю секунду Крон прыгнул вперед, укусил коня воина за ногу и тот рухнул, сбросив своего наездника на землю, в последний момент спасая Риса.

Рис вынул свой меч и ударил им воина, убив его до того, как он смог подняться на ноги.

Воинов осталось трое. Один из них направился к Элдену с топором, замахнувшись ему в голову. Элден отразил удар своим щитом и тем же движением взмахнул своим мечом и разрубил ручку его топора пополам. После чего Элден развернулся со своим щитом и ударил нападавшего по голове, сбив его с коня.

Другой воин снял с пояса длинную цепь с шипованным концом и внезапно набросился на О'Коннора. Это произошло так быстро, что у того не было времени на реакцию.

Тор увидел его приближение и бросился вперед в сторону друга, подняв свой меч и разрубив цепь, прежде чем той удалось ударить О'Коннора. Раздался звук меча, разрезающего железо, и Тор удивился тому, насколько острым был его меч. Шипованный шар безвредно полетел вниз на землю, застряв в песке. Жизнь О'Коннора была спасена. Затем подъехал Конвал и ударил копьём воина, убив его.

Последний воин Империи увидел, что они значительно превосходят его числом. Со страхом в глазах он внезапно развернулся и обратился в бег, мчась на берег. Следы его коня оставляли

глубокие отпечатки в песке.

Они все не отрывали взгляда от отступающего солдата – Тор метнул камень своей пращой, О’Коннор поднял свой лук и выстрелил, а Рис метнул копье. Но воин скакал слишком хаотично, копыта его лошади погружались в песок, поэтому ни один из них в него не попал.

Элден вынул свой меч и Тор увидел, что он собирается броситься вслед за ним. Тор протянул руку и жестом велел ему оставаться на месте.

«Не стоит!» – крикнул он.

Элден обернулся и посмотрел на него.

«Если он останется в живых, то пришлет за нами других!» – возразил он.

Обернувшись, Тор посмотрел на лодку, понимая, что выслеживание воина займет драгоценное время, а потерю этого времени они не могли себе позволить.

«Империя придет за нами несмотря ни на что», – сказал Тор. – «Мы не можем терять времени. Сейчас для нас важно обратиться отсюда как можно дальше. На корабль!»

Они спешили, добравшись до корабля, и Тор, потянувшись к своему седлу, начал вынимать всю провизию. Остальные последовали его примеру, погрузив оружие и мешки с водой и едой. Кто знал, сколько продлится путешествие, сколько времени пройдет, прежде чем они снова увидят землю – *если* они снова увидят землю. Тор также погрузил еду для Крона.

Они перебросили мешки высоко через перила лодки и те приземлились на палубу со стуком.

Тор схватил толстую узловатую веревку, висящую сбоку. Грубая веревка порезала его руки, когда он проверял ее. Он перебросил Крона через плечо – вес их обоих был проверкой для его мышц – и подъехал поближе к палубе. Крон заскулил ему на ухо, обнимая его грудь своими острыми когтями, цепляясь за него.

Вскоре Тор уже перебрался через перила, Крон спрыгнул с него на палубу, и другие члены Легиона последовали за ними. Тор наклонился и бросил взгляд на лошадей на пляже, которые смотрели вверх так, словно ждали приказа.

«А как быть с ними?» – спросил Рис, встав рядом с ним.

Тор обернулся, рассматривая корабль – он был, возможно, двадцати футов в длину и полтора в ширину. Он был достаточно большим для всех семерых, но не для их лошадей. Если они попытаются взять их с собой, лошади смогут пробить древесину и повредить судно. Они должны оставить их позади.

«У нас нет выбора», – сказал Тор, с тоской глядя на лошадей. – «Нам придется найти новых».

О’Коннор наклонился через перила.

«Это умные лошади», – сказал он. – «Я хорошо их обучил. Они вернуться домой по моей команде».

Он внезапно свистнул.

Все как один, лошади развернулись и убежали по песку, исчезая в лесу, направляясь обратно

в Кольцо.

Обернувшись, Тор посмотрел на своих собратьев, на корабль, на море перед ними. Теперь они оказались в затруднительном положении – без лошадей, без другого выбора, кроме как двигаться вперед. До них начала доходить реальность происходящего. Они действительно были одни, у них не было ничего, кроме этого судна, на котором они собирались покинуть берега Кольца навсегда. Теперь обратного пути нет.

«И как нам толкнуть эту лодку в воду?» – спросил Конвал, когда они все посмотрели вниз, на корпус в пятнадцати футах внизу. Небольшая часть его находилась в плещущих волнах Тартувиана, в то время как большая часть надежно погрузилась в песок.

«Здесь!» – сказал Конвен.

Они поспешили к другой стороне, где с края свисала толстая железная цепь, на конце которой находился железный шар, лежащий на песке.

Конвен потянулся вниз и дернул цепь. Он застонал и потащил ее изо всех сил, но не смог поднять цепь.

«Она слишком тяжелая», – проворчал он.

Конвал и Тор подбежали к нему на помощь, и когда все трое схватили цепь и потянули ее, Тор поразился ее весу – даже трое из них смогли поднять эту цепь лишь на несколько футов. Наконец, они бросили цепь, и она упала обратно в песок.

«Позвольте мне помочь», – сказал Элден, делая шаг вперед.

Обладая огромными мускулами, Элден возвышался над ними. Он сам потянулся вниз и дернул цепь, и ему удалось одному поднять шар в воздух. Тор был поражен. Остальные молодые люди быстро вскочили и все, как один, начали тащить якорь вверх по одному футу за раз, пока, наконец, не перебросили его через перила на палубу.

Лодка начала двигаться, слегка покачиваясь на волнах, но осталась погруженной в песок.

«Шесты!» – сказал Рис.

Тор обернулся и увидел два деревянных шеста около двадцати футов длиной, встроенные вдоль сторон лодки, и понял, для чего они были предназначены. Он подбежал к Рису и схватил один шест, в то время как Конвал и Конвен схватили другой.

«Когда мы отчалим», – выкрикнул Тор. – «Все поднимайте паруса!»

Они наклонились, воткнули колья в песок и толкнули изо всех сил. Тор застонал от напряжения. Лодка медленно начала двигаться – всего лишь немного. В то же самое время Элден и О'Коннор побежали на середину лодки и натянули веревки, чтобы поднять паруса, поднимая их изо всех сил по одному футу за раз. К счастью, дул сильный ветер, когда Тор и его товарищи продолжали толкать лодку от берега, прилагая максимум усилий для того, чтобы вытолкнуть эту на удивление тяжелую лодку из песка. Поднятые выше паруса начали ловить ветер.

Наконец, лодка закачалась под ними, невесомо заскользив по воде, подпрыгивая. Плечи Тора тряслись от напряжения. Элден и О'Коннор подняли паруса на мачту и вскоре они уже вышли

в море.

Они все издали радостный крик триумфа, после чего поместили колья на место и побежали помочь Элдену и О'Коннору закрепить веревки. Крон лаял рядом с ними, взволнованный всем происходящим.

Лодка бесцельно дрейфовала, и Тор поспешил к штурвалу вместе с О'Коннором.

«Хочешь взяться за штурвал?» – спросил он О'Коннора.

О'Коннор широко улыбнулся.

«С радостью».

Они начали набирать настоящую скорость, плывя в желтых водах Тартувиана, в то время как ветер дул им в спины. Наконец, они двигались вперед, и Тор сделал глубокий вдох. Они отчалили.

Тор и Рис направились к носу корабля, в то время как Крон встал между ними и прислонился к ноге Тора. Молодой человек нагнулся и погладил его мягкую белую шерсть. Крон наклонился и лизнул его. Тор потянулся к небольшому мешку и вынул кусочек мяса для леопарда, который схватил его.

Тор посмотрел на огромное море перед ними. Дальний горизонт был отмечен черными кораблями Империи, которые, очевидно, направлялись к стороне Кольца, принадлежащей МакКлаудам. К счастью, они были отвлечены и не могли находиться на чеку из-за одинокой лодки, которая двигалась к их землям. Небо было чистым, в спину им дул сильный ветер, и они продолжали набирать скорость.

Глядя вдаль, Тор спрашивал себя, что же ждет их впереди. Он задавался вопросом, сколько времени пройдет, прежде чем они достигнут земель Империи, что может ожидать их там. Молодой человек не переставал спрашивать себя, как они найдут меч, как все это закончится. Зная, что шансы у них ничтожные, он, тем не менее, ощущал радость из-за того, что они, наконец, в пути, восторг из-за того, что им удалось пробраться так далеко, и сильное желание извлечь Меч.

«Что если его там нет?» – спросил Рис.

Тор обернулся и посмотрел на него.

«Меч», – добавил Рис. – «Что если его там нет? Или что если он потерян? Или уничтожен? Что если мы никогда его не найдем? В конце концов, Империя огромна».

«А что если Империя узнает, как поднять его?» – спросил Элден глубоким голосом, подходя к ним.

«Что если мы найдем его, но не сможем привезти обратно?» – спросил Конвен.

Группа молодых людей стояла на борту корабля, чувствуя себя подавленными тем, что ждало их впереди, морем вопросов без ответов. Тор знал, что это путешествие было сумасшествием.

Сплошным сумасшествием.

Глава четвертая

Гарет измерял шагами каменные полы в кабинете своего отца – небольших покоях на верхнем этаже замка, которые его отец так любил – и уничтожал его по крупницам.

Он переходил от одного книжного шкафа к другому, вынимая драгоценные тома, древние кожаные книги, которые принадлежали его семье на протяжении многих столетий, разрывал переплеты и кромсал страницы на мелкие кусочки. Когда он бросал их в воздух, они падали ему на голову подобно снежинкам, цепляясь за его тело и к слюне, текущей по его щекам. Гарет был настроен решительно разорвать каждую вещь в этом месте, которое любил его отец – по одной книге за раз.

Он поспешил к угловому столу, трясущимися руками схватил то, что осталось от его трубки для опиума, и жадно всосал опиум, нуждаясь в нем сейчас как никогда. Он пристрастился к нему, куря каждую свободную минуту, решив прогнать видения своего отца, которые преследовали его во снах, и даже теперь, когда он бодрствовал.

Когда Гарет опустил трубку, он увидел отца, который стоял перед ним в образе разлагающегося трупа. Каждый раз этот труп разлагался все больше и представлял собой больше скелет, чем плоть. Гарет отвернулся от этого ужасающего зрелища.

Прежде Гарет пытался атаковать это видение, но быстро понял, что ни к чему хорошему это не приводит. Поэтому сейчас он просто повернул голову, отводя взгляд в сторону. Все было как всегда – на голове его отца была поржавевшая корона, рот был открыт, а глаза смотрели на него с презрением. Вытянув один палец, отец осуждающе указывал на него.

В этом ужасном взгляде Гарет почувствовал, что его собственные дни сочтены, ему показалось, что теперь это только вопрос времени, когда он присоединится к своему отцу. Ему было ненавистно видеть отца больше всего на свете. Если и было нечто положительное в убийстве его отца, так это то, что ему не нужно было больше снова видеть его лицо. Но теперь, по иронии судьбы, он видел его чаще, чем когда-либо.

Гарет обернулся и швырнул трубку для опиума в видение в надежде на то, что если бросит ее достаточно быстро, то может в него попасть.

Но трубка просто пролетела в воздухе и врезалась в стену, разлетевшись на осколки. Его отец все еще стоял здесь, пристально глядя на него.

«Эти наркотики сейчас тебе не помогут», – выругал его отец.

Гарет больше не мог этого выносить. Он бросился на видение с вытянутыми руками, стремясь вцепиться в лицо отца, но, как всегда, он ухватился только за воздух, и в этот раз он пролетел по комнате и больно приземлился на деревянный письменный стол отца, поломав его и рухнув вместе с ним на пол.

Гарет покатился по полу, запыхавшись, и, подняв глаза, увидел рану на своей руке. Кровь стекала с нее на рубашку и, бросив взгляд вниз, он заметил, что на нем все еще была та же нижняя рубашка, в которой он спал уже в течение нескольких дней. На самом деле, он не менял ее уже несколько недель. Гарет посмотрел на собственное отражение и увидел свои взъерошенные волосы – он выглядел обычным разбойником. Часть его не могла поверить в то, как низко он пал. Но другую его часть это не волновало. Единственное, что осталось внутри него, было жгучее желание уничтожить – уничтожить любые напоминания о том, что его отец когда-либо существовал. Он хотел бы стереть этот замок с лица земли – и королевский двор вместе с ним. Это стало бы мстью за то обращение, которое он переносил в детстве. Воспоминания застряли внутри него подобно колючке, которую он не мог извлечь.

Дверь в кабинет отца широко распахнулась, и туда ворвался один из слуг Гарета, который посмотрел на него со страхом в глазах.

«Милорд», – сказал он. – «Я услышал грохот. Вы в порядке? Милорд, у Вас кровь идет!»

Гарет бросил на мальчика полный ненависти взгляд. Он попытался подняться на ноги, чтобы наброситься на слугу, но поскользнулся на чем-то и рухнул на спину, дезориентированный после последней порции опиума.

«Милорд, я помогу Вам!»

Мальчик бросился вперед и схватил Гарета за руку, которая была слишком худой – только кожа да кости.

Но у Гарета еще имелся запас силы и, когда слуга коснулся его руки, он оттолкнул его, отчего мальчик пролетел по комнате.

«Если ты еще раз прикоснешься ко мне, я отрежу твои руки», – кипел от гнева Гарет.

Мальчик в страхе отступил и в эту минуту в комнату вошел другой слуга в сопровождении старика, которого Гарет смутно узнавал. Где-то на задворках его памяти Гарет знал этого человека, но не мог вспомнить откуда.

«Милорд», – раздался старый скрипучий голос. – «Мы полдня ждали Вас в зале Совета. Но члены Совета больше не могут ждать. У них срочные новости, которыми они должны поделиться с Вами до конца дня. Вы придете?»

Гарет прищурился, глядя на этого человека, пытаясь заставить его уйти. Он смутно припомнил, что старик служил его отцу. Зал Совета... Заседание... Все это кружилось в его голове.

«Кто Вы?» – спросил Гарет.

«Милорд, я Абертоль. Доверенный советник Вашего отца», – сказал он, делая шаг вперед.

Память медленно возвращалась. Абертоль. Совет. Заседание. У Гарета кружилась голова. Он всего лишь хотел остаться один.

«Оставьте меня», – рявкнул он. – «Я приду».

Абертоль кивнул и поспешил выйти из комнаты вместе со слугой, закрывая за собой двери.

Гарет стоял на коленях, схватившись за голову, пытаясь думать, вспомнить. Это было слишком. Память начала возвращаться к нему обрывками. Щит пал; Империя атаковала; половина его двора покинула его; их увела его сестра; в Силегию... Гвендолин... Вот что произошло. Именно это он и пытался вспомнить.

Гвендолин. Гарет ненавидел ее с такой страстью, которую не смог бы описать словами. Сейчас, больше чем когда-либо, он хотел убить ее. Ему *нужно* убить ее. Все его проблемы в этом мире были из-за нее. Он найдет способ добраться до сестры, даже если он должен умереть, пытаясь сделать это. А затем он убьет всех своих братьев.

При мысли об этом Гарету стало лучше.

С усилием он поднялся на ноги и, спотыкаясь, прошел по комнате, опрокинув край стола по пути. Когда Гарет подошел к двери, то заметил алебастровый бюст своего отца – скульптуру, которую отец любил. Он нагнулся, схватил ее за голову и швырнул в стену.

Она разбилась на тысячу осколков, и впервые за этот день Гарет улыбнулся. Может быть, этот день, в конце концов, не будет таким уж плохим.

* * *

Гарет гордой походкой вошел в Зал Совета в сопровождении нескольких слуг, захлопнув огромные дубовые двери своей ладонью, заставляя всех присутствующих в переполненной комнате подпрыгнуть при его появлении. Они все быстро встали по стойке смирно.

Если в обычное время это принесло бы Гарету некоторое удовлетворение, то сегодня его это не волновало. Он был измучен призраком своего отца и закипал от ярости из-за того, что его сестра уехала. Чувства бурлили в нем, и он должен выпустить их наружу.

Гарет пошел, спотыкаясь, через большой зал в своем одурманенном опиумом состоянии, направляясь по центру прохода к своему трону. Десятки советников стояли в стороне, пока он проходил мимо. Его двор вырос, и сегодня здесь кипела неистовая энергия, поскольку все больше количество людей, казалось, появлялись с новостями об отъезде половины королевского двора и о падении щита. Словно все те, кто остался в королевском дворе, шли сюда за ответами.

И, разумеется, у Гарета не было ни одного ответа.

Когда Гарет подошел к ступенькам из слоновой кости к трону отца, он увидел терпеливо стоявшего за ним Лорда Култина, лидера наемников его личной боевой силы, единственного человека из всех оставшихся при дворе, которому он мог доверять. Рядом с ним находились десятки его бойцов, которые стояли молча, сжимая рукояти своих мечей, готовые сражаться на смерть за Гарета. Это было единственное, что еще способно было его утешить.

Гарет сел на свой трон и окинул взглядом комнату. Здесь было так много лиц – нескольких он узнал, в то время как многие лица ничего ему не говорили. Он не доверял ни одному из них. Каждый день он очищал свой двор от все большего количества людей – многих Гарет отправил в темницу, многих – к палачу. Не проходило ни дня, чтобы он не убил, как минимум, небольшую группу людей. Гарет считал это хорошей политикой – это держало людей в напряжении, предотвращая образование государственного переворота.

Комната погрузилась в тишину, все присутствующие смотрели на него в изумлении. Казалось, что они боялись заговорить, а именно этого Гарет и хотел. Ничто не радовало его больше, чем внушать страх своим подданным.

Наконец, вперед вышел Абертоль, стук его трости эхом отражался от стен. Он прокашлялся.

«Милорд», – заговорил он своим древним голосом. – «Мы находимся в эпицентре великого беспорядка в королевском дворе. Я не знаю, какие новости уже дошли до вас – щит пал, Гвендолин покинула королевский двор и увела с собой Колька, Брома, Кендрика, Атмэ, Серебро, Легион, половину Вашей армии и половину двора. Те, кто остались здесь, ждут Вашего руководства, и хотят узнать, каким будет Ваш следующий шаг. Людям нужны ответы, милорд».

«Это еще не все», – сказал другой член Совета, которого Гарет смутно узнавал. – «Ходят слухи

о том, что в Каньоне уже пробита брешь. Слухи о том, что Андроникус вместе со своей миллионной армией вторгся на сторону Кольца, принадлежащую МакКлаудам».

По залу пролетел возмущенный вздох, десятки храбрых воинов, преисполненные страха, зашептались между собой. Паника распространилась подобно лесному пожару.

«Это не может быть правдой!» – воскликнул один из воинов.

«Это правда!» – настаивал член Совета.

«Тогда нет никакой надежды!» – крикнул другой воин. – «Захватив МакКлаудов, Империя затем придет в королевский двор. У нас нет никаких шансов сдержать их».

«Мы должны обсудить условия капитуляции, милорд», – обратился Абертоль к Гарету.

«Капитуляции?» – крикнул другой мужчина. – «Мы никогда не сдадимся!»

«Если мы этого не сделаем», – выкрикнул воин. – «То будем уничтожены. Как мы можем противостоять миллиону человек?»

Комната разразилась возмущенным ропотом, солдаты и члены Совета начали спорить друг с другом. В зале начался беспорядок.

Глава Совета ударил своим железным жезлом по каменному полу и закричал:

«ПОРЯДОК!»

Постепенно в зале наступила тишина. Все присутствующие обернулись и посмотрели на него.

«Все эти решения для короля, а не для нас», – сказал один из членов Совета. – «Гарет является законным королем, и не мы должны обсуждать условия капитуляции – если вы вообще будем капитулировать».

Они все повернулись к Гарету.

«Милорд», – произнес Абертоль утомленным голосом. – «Как вы предлагаете уладить дело с армией Империи?»

В зале повисла мертвая тишина.

Гарет сидел на троне, глядя на мужчин, ожидающих ответа. Но ему становилось все сложнее и сложнее мыслить ясно. Он продолжал слышать голос отца в своей голове, который кричал на него, когда Гарет был ребенком. Это сводило его с ума, но этот голос не исчезал.

Гарет протянул руку и почесал деревянный подлокотник трона – снова и снова. Звук его скрежещущих ногтей был единственный звуком в комнате.

Члены Совета обменялись взволнованными взглядами.

«Милорд», – вставил другой член Совета. – «Если Вы решите не сдаваться, тогда мы должны тут же укрепить королевский двор. Мы должны укрепить все входы, все дороги, все ворота. Мы должны вызвать всех воинов, готовясь к защите. Мы должны подготовиться к осаде и к защите наших граждан, приготовить запасы питания. Нужно многое сделать. Пожалуйста, милорд. Дайте нам приказ. Скажите нам, что делать».

В зале снова стало тихо, когда все взгляды обратились к Гарету.

Наконец, Гарет поднял подбородок и посмотрел на присутствующих.

«Мы не станем сражаться с Империей», – заявил он. – «Но мы и не будем сдаваться».

Все мужчины переглянулись между собой, сбитые с толку.

«Что же тогда мы должны делать, милорд?» – спросил Абертоль.

Гарет прокашлялся.

«Мы должны убить Гвендолин!» – объявил он. – «Только это сейчас имеет значение».

Ответом ему послужила потрясенная тишина.

«Гвендолин»? – удивленно выкрикнул член Совета, когда в зале снова поднялся изумленный ропот.

«Мы отправим за ней все наши силы, чтобы убить ее и людей, которые ушли с ней, до того, как они доберутся до Силесии», – объявил Гарет.

«Но, милорд, как это нам поможет?» – выкрикнул член Совета. – «Если мы отправимся в путь, чтобы атаковать ее, это только сделает наши войска незащищенными. Они будут окружены и убиты Империей».

«Кроме того, это сделает королевский двор открытым для нападения!» – выкрикнул другой член Совета. – «Если мы не собираемся сдаваться, мы должны немедленно укрепить королевский двор!»

Группа мужчин закричала в знак согласия.

Гарет повернулся и бросил на члена Совета холодный взгляд.

«Мы используем каждого имеющегося у нас человека для того, чтобы убить мою сестру!» – мрачно сказал он. – «Мы не пощадим ни одного из них!»

В комнате повисла тишина, когда один из членов совета отодвинул свой стул, царапая каменный пол, поднимаясь.

«Я не стану смотреть на то, как королевский двор разрушается из-за Вашей личной одержимости. Что касается меня, я не поддерживаю Вас в этом!»

«И я!» – эхом повторила половина присутствующих в зале.

Гарет почувствовал, что закипает от ярости. Он уже собирался встать, когда внезапно дверь в зал распахнулась, и туда забежал командир того, что осталось от армии.

Все взгляды устремились на него. Он тащил за собой мужчину – небритого разбойника с жирными волосами и со связанными запястьями. Он протащил его до центра комнаты и остановился перед королем.

«Милорд», – холодно произнес командир. – «Этот человек был седьмым вором из той группы, которая была казнена за кражу Меча Судьбы. Он тогда сбежал. Он рассказывает невероятную

историю о том, что произошло».

«Говори!» – подтолкнул разбойника командир, встряхнув его.

Мужчина нервно посмотрел по сторонам, его сальные волосы прилипли к щекам. Он колебался, но затем выкрикнул:

«Нам приказали украсть меч!»

В комнате разразился возмущенный ропот.

«Нас было девятнадцать человек!» – продолжал вор. – «Дюжина человек унесли меч под покровом темноты через мост Каньона, в дебри. Они спрятали его в повозке и сопровождали через мост, так что солдаты, стоявшие на страже, и понятия не имели, что внутри. Остальным, семерым из нас, приказали оставаться в стороне после кражи. Нам сказали, что нас арестуют для показухи, а потом отпустят. Но вместо этого всех моих друзей казнили. Меня тоже казнили бы, если бы я не сбежал».

Все присутствующие перешли на долгий взволнованный ропот.

«А куда они отнесли меч?» – надавил на него командир.

«Я не знаю. Куда-то вглубь Империи».

«А кто отдал вам такой приказ?»

«Он!» – сказал вор, внезапно обернувшись и указывая своим костлявым пальцем на Гарета. – «Наш Король! Он приказал нам сделать это!»

По залу пролетел ропот ужаса, поднялись крики, пока, наконец, член Совета не постучал несколько раз своим железным жезлом и не призвал мужчин к тишине.

Присутствующие замолчали, но это далось им с трудом.

Гарет, которого уже трясло от страха и гнева, медленно поднялся со своего трона и воины в комнате притихли. Они все посмотрели на него.

Шаг за шагом Гарет спускался по ступенькам из слоновой кости, его шаги эхом отдавались в зале. Тишина была такой плотной, что ее можно было разрезать ножом.

Он прошел через зал, пока, наконец, не оказался рядом с вором. Гарет пронзал его своим холодным взглядом, находясь в одном футе от него. Мужчина переминался с ноги на ногу в руках командира, глядя куда угодно, но только не на Гарета.

«В моем королевстве воров и лжецов ждет только одна участь», – тихо произнес Гарет.

Он вдруг снял с пояса кинжал и вонзил его в сердце мужчины.

Вор закричал от боли, выкатив глаза из орбит, после чего вдруг замертво рухнул на пол.

Командир бросил на Гарета сердитый взгляд.

«Вы только что убили свидетеля, который выступил против Вас», – сказал он. – «Неужели Вы не понимаете, что это только говорит о Вашей вине?»

«Какого свидетеля?» – переспросил Гарет, улыбнувшись. – «Мертвые не говорят».

Командир покраснел.

«Если Вы забыли, я являюсь командиром половины королевской армии. Я не позволю делать из меня дурака. Судя по Вашим действиям, я могу только предположить, что Вы виновны в преступлении, в котором он Вас обвинил. Поэтому больше ни я, ни моя армия не будем Вам служить. На самом деле, я возьму Вас под стражу на основании измены Кольцу!»

Командир кивнул своим людям и все, как один, несколько дюжин солдат вынули свои мечи и вышли вперед, чтобы арестовать Гарета.

Лорд Култин сделал шаг вперед в сопровождении большего количества людей, они все вынули свои мечи и встали позади Гарета.

Они встали лицом к лицу с солдатами командира. Гарет стояли посредине.

Когда Гарет посмотрел на командира, на его губах играла победоносная улыбка. Люди Гарета превосходили числом его солдат, и командир знал об этом.

«Никто не возьмет меня под стражу», – усмехнулся Гарет. – «И уж тем более это не сделаете Вы. Забирайте своих людей и покиньте мой двор, иначе испытаете на себе гнев моей личной боевой силы».

После нескольких напряженных секунд командир, наконец, развернулся и подал жест рукой своим людям и все они, как один, с опаской отступили, выходя из комнаты с обнаженными мечами.

«С этого дня», – прогремел командир. – «Да будет Вам известно, что мы больше не служим Вам! Вы столкнетесь с армией Империи самостоятельно. Надеюсь, что они хорошо отнесутся к Вам. Лучше, чем Вы отнеслись к своему отцу!»

Все солдаты поспешили выйти из комнаты, издавая при этом громкий звон металла.

Дюжины членов Совета, слуг и дворян, стояли в тишине, перешептываясь.

«Оставьте меня!» – крикнул Гарет. – «ВСЕ ВЫ!»

Все присутствующие быстро покинули покои, включая личную боевую силу Гарета.

В зале остался всего один человек, который задержался позади других.

Лорд Култин.

В комнате теперь находились только Гарет и он. Култин подошел к Гарету, остановившись в футах от него. Он пристально посмотрел на короля, словно оценивая его. Как обычно, его лицо ничего не выражало. Это было истинное лицо наемника.

«Меня не волнует, что Вы сделали и почему», – начал он мрачным хриплым голосом. – «Политика меня не волнует. Я боец. Меня волнуют только деньги, которые Вы платите мне и моим людям».

Он помедлил.

«Тем не менее, я хотел бы знать, для своего собственного удовлетворения – неужели Вы на самом деле приказали тем людям унести меч?»

Гарет посмотрел на этого человека. В его глазах было нечто, что он узнал в себе – они были холодными, безжалостными и беспринципными.

«А что если это так?» – спросил Гарет.

Лорд Култин долго смотрел на него.

«Но почему?» – задал он вопрос.

Гарет молча смотрел на него.

Глаза Култина широко распахнулись, когда он все понял.

«Если Вы не смогли завладеть им, значит, никто не должен?» – спросил он. – «Не так ли?» – Он подумал о последствиях. – «Тем не менее, даже в таком случае», – добавил Култин», – «Разумеется, Вы знали, что кража меча опустит щит, сделает нас уязвимыми для атаки».

Глаза Култина стали еще шире.

«Вы *хотели*, чтобы на нас напали, не так ли? Что-то внутри Вас хочет, чтобы королевский двор был разрушен», – сказал он, внезапно все осознав.

Гарет улыбнулся в ответ.

«Не все местам предназначено существовать вечно», – медленно произнес он.

Глава пятая

Гвендолин шла вместе с большой группой солдат, советников, слуг, Серебра, Легиона и половины королевского двора. Они все направлялись в большой город, покинув королевский двор. Гвен переполняла противоречивые чувства. С одной стороны, она была рада тому, что, наконец, освободилась от своего брата Гарета, что будет находиться далеко от него в окружении доверенных воинов, которые могли защитить ее, не опасаясь его предательства или того, что ее выдадут замуж. Наконец, ей не придется каждую минуту оглядываться, опасаясь одного из убийц Гарета.

Кроме того, Гвен чувствовала себя воодушевленной и смиренной из-за того, что ее выбрали правительницей, ей доверили возглавить эту огромную группу людей, которые следовали за ней так, словно она была своего рода пророком. Они все шагали по бесконечной дороге в Саварию. Они видели в Гвен своего правителя – девушка читала это в каждом их взгляде – и смотрели на нее с надеждой. Она чувствовала себя виноватой, желая, чтобы одному из братьев выпала такая честь – любому из них, только не ей. Тем не менее, Гвендолин видела, сколько надежды в людей вселила возможность иметь справедливого и честного руководителя, и это осчастливило ее. Если Гвен может выполнить для них эту роль, особенно в такие мрачные времена, то она это сделает.

Гвен подумала о Торе, об их слезном прощании возле Каньона, и это разбивало ее сердце. Она смотрела на то, как он исчезает в тумане, переходя через мост Каньона, отправляясь в путешествие, которое почти наверняка приведет к его смерти. Это было отважное и благородное путешествие – она не могла этого отрицать, не могла не признавать, что оно

предпринято ради королевства, ради Кольца. Тем не менее, Гвен продолжала спрашивать себя, почему это должен делать *он*. Ей хотелось, чтобы это был кто-нибудь другой. Сейчас, больше чем когда-либо, девушка хотела, чтобы Тор был рядом. В эти времена потрясений, огромных перемен, когда ей предстоит править одной, Гвендолин хотелось, чтобы он находился здесь. Больше всего на свете она волновалась о нем. Гвен не могла представить свою жизнь без Тора. От одной только мысли об этом к горлу подступали слезы.

Но Гвен сделала глубокий вдох, оставаясь сильной, зная, что глаза всех этих воинов обращены на нее, в то время как они шагали – бесконечный караван на этой пыльной дороге – направляясь еще дальше на Север, в отдаленную Силесию.

Гвен все еще не оправилась от потрясения, будучи оторванной от своей родины. Она с трудом понимала, что древний Щит пал, что в Каньоне пробита брешь. От дальних шпионов приходили слухи о том, что Андроникус уже высадился на берегах МакКлаудов. Девушка не знала, чему верить. Она с трудом понимала, как это может произойти так быстро – в конце концов, Андроникусу ведь еще придется отправить весь свой флот через океан. Если каким-то образом это не МакКлауд был замешан в краже меча и это не он устроил падение Щита. Но как? Как ему удалось украсть его? Куда он его отнес?

Гвен чувствовала, насколько удручены были все окружающие ее люди, и она едва ли могла их за это винить. Над этой толпой в воздухе витало уныние, и на это была весомая причина – без щита они все беззащитны. Это был только вопрос времени – если не сегодня, то завтра или послезавтра Андроникус вторгнется в их земли. И когда он это сделает, у них не будет шанса сдержать этих людей. Совсем скоро это место, все то, что она любила и лелеяла, будет завоевано, а все те, кого она любит, будут убиты.

Они шли так, словно отправлялись навстречу своей смерти. Андроникуса здесь еще не было, но казалось, словно их уже захватили. Гвен вспомнила слова, которые ей однажды сказал отец: «Завоюй сердце армии – и битва уже выиграна».

Гвен знала, что именно она должна вдохновить всех этих людей, дать им ощущение безопасности, надежности – и, в некоторой степени, оптимизма. Она была настроена решительно именно так и сделать. Она не позволит своим личным страхам или чувству подавленности взять над ней верх в такое время. И девушка запретила себе утопать в жалости к самой себе. Теперь все это не касалось только ее одной. Теперь дело касалось всех этих людей, их жизней, их семей. Они нуждались в ней. Они смотрели на нее, в надежде получить помощь.

Гвен подумала о своем отце и о том, как поступил бы он. Мысль о нем вызывала улыбку на ее губах. Отец сделал бы хорошую мину при плохой игре, несмотря ни на что. Он всегда учил ее скрывать свой страх за бахвальством, и, вспоминая его жизнь, ей казалось, что отец никогда ничего не боялся. Ни единожды. Возможно, это была всего лишь бравада, но бравада *хорошая*. Будучи руководителем, отец всегда был на виду, он знал, что именно в такой демонстрации и нуждались люди. Возможно, она была им нужна даже больше, чем руководство. Он был слишком бескорыстен, чтобы предаваться своим страхам. Гвен возьмет с него пример – она тоже не станет предаваться страхам.

Оглядевшись по сторонам, Гвен увидела Годфри, который шел рядом с ней. Рядом с ним была Иллепра, целительница. Они оба были заняты разговором и, как заметила Гвен, казалось, что их симпатия друг к другу постоянно росла с того самого дня, когда Иллепра спасла жизнь Годфри. Гвен желала, чтобы и другие ее братья тоже были здесь. Но Рис ушел вместе с Тором, Гарет, разумеется, потерян для нее навсегда, а Кендрик все еще был в своем форпосте, где-то

на востоке, продолжая помогать восстанавливать тот отдаленный город.

Гвен отправила к нему гонца – это было первое, что она сделала – и молилась о том, чтобы тот вовремя добрался до Кендрика, чтобы вернуть его, привезти в Силесию, чтобы брат был рядом с ней и помогал защищать город. По крайней мере, тогда оба ее брата – Кендрик и Годфри – смогут укрыться в Силесии вместе с ней. Таким образом, были бы спасены они все. Кроме, разумеется, ее старшей сестры Луанды.

Впервые за долгое время мысли Гвен обратились к Луанде. Она всегда находилась в состоянии ожесточенного соперничества со своей старшей сестрой. Гвен несколько не удивилась тому, что Луанда воспользовалась первой предоставленной возможностью сбежать из королевского двора и выйти замуж за МакКлауда. Луанда всегда была амбициозной и всегда хотела быть первой. Гвендолин любила ее и восхищалась сестрой, когда была младше, но Луанда, продолжая соперничество, не отвечала взаимностью на ее любовь. И через некоторое время Гвен прекратила свои попытки.

Тем не менее, сейчас Гвен было жаль Луанду. Она спрашивала себя, что стало с ее сестрой, с МакКлаудами, на земли которых вторгся Андроникус. Убьют ли ее? Гвен содрогнулась при мысли об этом. Они были соперницами, но в конечном итоге они все же были сестрами, и Гвен не хотела, чтобы Луанда умирала раньше времени.

Гвен подумала о своей матери, единственном члене своей семьи, которая осталась в королевском дворе с Гаретом, все еще пребывая в своем тяжелом состоянии. От одной только этой мысли внутри у Гвен все похолодело. Несмотря на всю ту злость, которую девушка питала к своей матери, тем не менее, она не хотела, чтобы мать окончила свои дни таким образом. Что случится, если королевский двор будет завоеван? Убьют ли ее мать?

Гвен не могла избавиться от ощущения, что ее тщательно устроенная жизнь рухнет вокруг нее. Казалось, что только вчера лето было в самом разгаре, проходила свадьба Луанды, был дан великолепный пир, переполненный изобилием королевский двор, вся ее семья была вместе, празднуя это событие, а само Кольцо могло похвастаться неприступностью. Казалось, что все это будет длиться вечно.

А теперь все раскололось на части. Ничто уже не было прежним.

Поднялся холодный осенний ветер, и Гвен плотнее натянула на плечи свой синий шерстяной свитер. Осень в этом году была такой короткой, что на смену ей уже приходила зима. Девушка ощущала ледяные ветры, которые становились все тяжелее из-за влаги, когда они направлялись все дальше на север вдоль Каньона. Вскоре небо стало темнее, и воздух был наполнен новым звуком – криком зимних птиц, красных и черных грифов, которые низко кружились, когда упала температура. Они беспрестанно каркали, и эти звуки время от времени раздражали Гвен. Казалось, что это звуки приближающейся смерти.

После того, как она попрощалась с Тором, они все направились вдоль Каньона, следуя на север, зная, что это приведет их в самый западный город западной части Кольца – в Силесию. Пока они шли, жуткий туман Каньона накатывал волнами, облекая лодыжки Гвен.

«Мы уже близко, миледи», – раздался голос.

Оглянувшись, Гвен увидела Срога, который стоял по другую сторону от нее, облаченный в отличительную красную броню Силесии, в окружении нескольких своих воинов. Они все были облачены в красную кольчугу и красные сапоги. Доброта Срога по отношению к ней, его преданность памяти ее отца, его предложение Силесии в качестве убежища тронули Гвен.

Девушка не знала, что она и все эти люди делали бы в ином случае. Даже сейчас они все еще находились бы в королевском дворе, во власти предательства Гарета.

Срог был одним из самых благородных лордов, которых Гвен когда-либо встречала. Имея в своем распоряжении тысячи воинов, контролируя прославленный оплот Запада, Срогу не было необходимости оказывать почтение кому-либо. Но он платил дань уважения ее отцу. Это всегда было хрупким политическим равновесием. Во времена ее деда Силесия нуждалась в королевском дворе, во времена ее отца им требовалось уже меньше поддержки, а в ее времена она не нуждалась в ней вовсе. В действительности же, после падения Щита и хаоса в королевском дворе, именно они нуждались в Силесии.

Конечно, в состав Серебра и Легиона входили лучшие воины, и сейчас Гвен сопровождали тысячи солдат, что составляло половину королевской армии. Тем не менее, Срог, как и большинство других лордов, мог просто закрыть свои ворота и заботиться только о самом себе.

Вместо этого Срог отыскал Гвен, оказал ей дань уважения и настоял на том, чтобы предоставить убежище всем им. Гвен была полна решимости однажды любой ценой отблагодарить его за эту доброту. Если все они выживут.

«Вы не должны волноваться», – мягко ответила Гвен, положив свою нежную руку ему на запястье. – «Мы войдем в Ваш город. Нам очень повезло, что Вы проявили доброту по отношению к нам в такое тяжелое время».

Срог улыбнулся. Уже немолодой воин с лицом, испещренным от битв морщинами, с копной рыжевато-каштановых волос, с сильным подбородком, лишенным бороды, Срог был настоящим мужчиной – не только Лордом, но и истинным воином.

«Ради Вашего отца я бы прошел сквозь огонь и воду», – ответил Срог. – «Не стоит благодарности. Для меня большая честь отплатить мой долг ему, служа его дочери. В конце концов, он желал, чтобы Вы правили. Поэтому служа Вам, я служу ему».

Рядом с Гвен также шли Кольк и Бром, а за ними тянулся вездесущий стук тысяч шпор, звона мечей в ножнах, касания щитов о броню. Их сопровождала огромная какофония шума, пока они направлялись все дальше и дальше на север вдоль края Каньона.

«Миледи», – сказал Кольк. – «Меня не покидает чувство вины. Мы не должны были позволять Тору, Рису и другим воинам отправляться в Империю одним. Больше количество воинов должны были вызваться пойти с ними. Это будет на моей совести, если с ними что-нибудь случится».

«Они сами выбрали это путешествие», – ответила Гвен. – «Это дело чести. Те, кому суждено было уйти, ушли. Чувство вины здесь не поможет».

«А что случится, если они не вернуться вовремя с Мечом?» – спросил Срог. – «Армии Андроникуса не заставят себя ждать, скоро они появятся у наших ворот».

«Тогда мы должны выступить в защиту», – уверенно произнесла Гвен, придав своему голосу как можно больше храбрости, надеясь приободрить остальных. Она заметила, что другие генералы обернулись и посмотрели на нее.

«Мы станем сражаться до последнего вздоха», – добавила Гвен. – «Мы не станем ни отступать, ни сдаваться».

Девушка почувствовала, что ее слова произвели впечатление на генералов. Ее собственный голос впечатлил и саму Гвен, а сила, поднимающаяся в ней, удивляла девушку. Это была сила ее отца, семи поколений королей МакГиллов.

В то время как они продолжали идти, дорога резко повернула влево, и, свернув за угол, Гвен остановилась как вкопанная, замерев от представшего перед ней зрелища.

Силесия.

Гвен вспомнила, как отец брал ее с собой в путешествие сюда, когда она была маленькой девочкой. С тех пор это место не покидало ее во снах, оно казалось девушке волшебным. А теперь он лежал перед ней, когда она стала женщиной, и при взгляде на него у нее по-прежнему перехватывало дыхание.

Силесия была самым необычным городом из всех, которые Гвен когда-либо видела. Все здания, все укрепления – все было построено из древнего, ярко-красного камня. Верхняя половина Силесии – высокая, вертикальная, изобилующая парапетами и шпилями – была построена на большом острове, в то время как нижняя половина стояла на стороне Каньона. Кружащиеся туманы Каньона наплывали со всех сторон, обволакивая город, заставляя красный цвет блестеть и сверкать на свету, отчего казалось, что город построен в облаках.

Его укрепления вырастали до сотни футов, увенчанные парапетами и подкрепленные бесконечными рядами стен. Место представляло собой крепость. Даже если армия каким-то образом разрушит стены города, ей все еще придется спуститься в нижнюю половину города, расположенную прямо на скалах, и сражаться на краю Каньона. Было очевидно, что атакующая армия не захотела бы вступать в подобную войну. Именно поэтому этот город выстоял на протяжении тысячи лет.

Люди Гвен стояли, широко раскрыв глаза от изумления, и девушка чувствовала, что все они тоже испытывают благоговение.

Впервые за долгое время Гвен ощутила прилив оптимизма. Это было место, в котором они могли остановиться, подальше от досягаемости Гарета, место, которое они смогут защитить. Место, в котором она сможет править. И возможно – всего лишь возможно – королевство МакГилов снова сможет подняться.

Срог стоял, оперев руки в бедра, глядя на свой собственный город так, словно видел его впервые. Его глаза светились гордостью.

«Добро пожаловать в Силесию».

Глава шестая

Тор открыл глаза на рассвете и увидел плавно покачивающиеся волны океана, поднимающие и опускающие огромные гребни, которые застилали мягкий свет первого солнца. Светло-желтые воды Тартувиана сверкали в утреннем тумане. Корабль спокойно покачивался на воде, единственным звуком были только бьющиеся о корпус судна волны. Тор сел и огляделся по сторонам. Его веки отяжелели от усталости, в действительности же, никогда в жизни он не чувствовал себя таким уставшим. Они плыли уже много дней, и все здесь, в этой стороне мира, казалось другим. Воздух был тяжелым из-за влажности, температура была намного выше, из-за чего складывалось ощущение, что они дышат в постоянном потоке воды. Тор чувствовал себя вялым, ему казалось, что его руки и ноги были тяжелыми. Молодому человеку казалось, словно он прибыл в Лето.

Тор осмотрелся по сторонам и увидел, что все его друзья, которые обычно просыпались до рассвета, сейчас лежали на палубе, погрузившись в сон. Даже Крон, который всегда бодрствовал, спал рядом с ним. Эта туманная тропическая погода повлияла на всех присутствующих. Ни один из них больше не рвался стоять у штурвала – они отказались от этой идеи много дней назад. Это было бессмысленно – их паруса всегда были при полной мачте, гонимые западным ветром, и магические приливы океана непрерывно толкали корабль в одном направлении. Казалось, что волны несут их неизменно в одном направлении, несколько раз молодые люди пытались управлять штурвалом или изменить курс, но это было бесполезно. Они все смирились и позволили Тартувиану нести их куда угодно. «В любом случае мы не знаем, в какой стороне находится Империя», – размышлял Тор. Если приливы доставят их на сушу, это уже будет достаточно хорошо.

Крон, проснувшись, заскулил, после чего наклонился и лизнул Тора в лицо. Молодой человек потянулся к своему, уже практически пустому, мешку, и дал леопарду последнюю из его сушеных мясных палочек. К удивлению Тора, Крон не схватил мясо с его руки, как делал обычно. Вместо этого леопард посмотрел на мясо, перевел взгляд на пустой мешок, после чего снова выразительно посмотрел на Тора. Он колебался, думая, приниматься ли за пищу, и Тор понял, что Крон не хочет забирать у него последний кусок.

Молодой человек был тронут этим жестом, но он настаивал, заталкивая мясо в пасть леопарда. Тор знал, что совсем скоро они останутся без еды, и молился о том, чтобы они добрались до суши. Он понятия не имел, сколько еще продлится это путешествие. Что если оно займет месяцы? Что они будут есть?

Солнце здесь взошло быстро, слишком рано став сильным и ярким. Тор встал, когда туман начал сжигать воду, и пошел на нос корабля.

Тор стоял там и вглядывался вдаль, в то время как палуба мягко покачивалась под ним, наблюдал за тем, как рассеивается туман. Он моргнул, спрашивая себя, не видение ли это, когда на горизонте появились очертания далекой земли. Его пульс участился. Это была земля. Настоящая земля!

Земля появилась в самой неожиданной форме – два длинных, узких полуострова врезались в море как два конца зубца вил. И когда поднялся туман, Тор посмотрел налево и направо и поразился, увидев по обе стороны от них две полосы земли, которые находились приблизительно в пятидесяти ярдах друг от друга. Их затягивало прямо в центр длинного залива.

Тор свистнул, и его братья по Легиону поднялись. Вскочив на ноги, они поспешили к нему, встав на носу корабля и вглядываясь вдаль.

Все молодые люди стояли, затаив дыхание при виде открывшегося перед ними зрелища – это были самые экзотические берега, которые они когда-либо видели, плотно заросшие джунглями, где парящие деревья, выстроившиеся вдоль береговой линии, были такими густыми, что сквозь них невозможно было что-нибудь рассмотреть. Тор заметил огромные папоротники тридцати футов высотой, склонившиеся над водой, желтые и фиолетовые деревья, которые, казалось, достигают самого неба. И повсюду раздавались чужие и непрерывные звуки животных, птиц, насекомых и кого-то еще, кого Тор не узнавал, но кто рычал, кричал и пел.

Тор тяжело сглотнул. Ему казалось, словно они входят в непроходимое царство зверей. Здесь все казалось другим, даже пахло совершенно по-другому. Ничто в этом месте и близко не напоминало ему Кольцо. Все члены Легиона обернулись и посмотрели друг на друга, и Тор

читал нерешительность в их глазах. Все молодые люди задавались вопросом, какие создания ожидают их внутри тех джунглей.

Но выбора у них не было. Течение принесло их только сюда и, очевидно, именно здесь им нужно было высадиться для того, чтобы войти в земли Империи.

«Сюда!» – крикнул О'Коннор.

Молодые люди подбежали к перилам, у которых находился О'Коннор, когда он перегнулся и указал на воду. Там, рядом с кораблем, плавало огромное насекомое светящегося фиолетового цвета, десяти футов в длину, с сотнями ног. Оно засветилось под волнами, после чего засновало вдоль поверхности воды, в то время как тысячи его небольших крыльев начали жужжать, а само оно поднялось над водой. Затем насекомое снова заскользило вдоль поверхности и погрузилось ниже. После чего оно повторило весь процесс снова и снова.

Пока молодые люди наблюдали за ним, внезапно насекомое поднялось выше в воздух, на уровне глаз членов Легиона. Паря, оно началось приближаться к ним, выпучив свои четыре больших зеленых глаза. Оно зашипело, и они все невольно отскочили назад, потянувшись за своими мечами.

Элден вышел вперед и замахнулся на насекомое. Но к тому моменту, когда его меч достиг воздуха, оно уже вернулось в воду.

Тор и другие члены Легиона отлетели назад, рухнув на палубу, когда их лодка внезапно остановилась, сама по себе врезавшись на берег с толчком.

Сердце Тора забило бешено, когда он посмотрел через край – под ними был узкий пляж, выложенный из тысяч небольших острых камней ярко-фиолетового цвета.

Земля. Они добрались до нее.

Элден направился к якорю, и все молодые люди подняли его и перебросили через край. Каждый из них спустился вниз по цепи, спрыгнув с нее и оказавшись на берегу. Тор передал Крона Элдену, начав спускаться.

Тор вздохнул, когда его ноги коснулись земли. Ощущение почвы под ногами – сухой, устойчивой земли – приносило облегчение. Он будет чувствовать себя прекрасно, если ему больше никогда снова не придется плыть на корабле.

Все члены Легиона схватили веревки и протащили судно как можно дальше на берег.

«Ты думаешь, что прилив отнесет ее прочь?» – спросил Рис, глядя на лодку.

Тор взглянул на нее – она казалась в безопасности на песке.

«Не с этим якорем», – сказал Элден.

«Прилив не отнесет ее в море», – вмешался О'Коннор. – «Вопрос в том, не уведет ли ее кто-нибудь другой».

Тор бросил на лодку последний долгий взгляд, понимая, что друг прав. Даже если они найдут меч, велика вероятность того, что они вернуться на пустой берег.

«И как в таком случае мы вернемся назад?» – спросил Конвал.

Тор не мог избавиться от чувства, словно с каждым шагом этого пути они сжигают свои мосты.

«Мы найдем выход», – сказал он. – «В конце концов, в Империи должны быть другие корабли, не так ли?»

Тор пытался придать своему голосу уверенности, чтобы успокоить своих друзей. Но в глубине души молодой человек и сам не был в этом так уверен. Все это путешествие казалось ему все более и более зловещим.

Все молодые люди, как один, повернулись и посмотрели на джунгли. Перед ними была сплошная стена листвы, скрывающая тьму. Звуки животных вокруг них перешли в какофонию – из-за этого шума Тору сложно было слышать даже самого себя. Казалось, что каждый зверь Империи кричал, чтобы поприветствовать молодых людей.

Или предупредить их.

* * *

Тор и другие члены Легиона с опаской продвигались бок о бок. Каждый из них держался на страже, пока они шли через густые тропические джунгли. Тору не удавалось слышать собственные мысли – такими непрерывными были крики и вопли целого оркестра окружающих их насекомых и животных. Тем не менее, когда он вглядывался во тьму листвы, то не мог их заметить.

Крон следовал за ним по пятам, рыча и оцетинившись. Тор никогда не видел леопарда таким настороженным. Бросив взгляд на своих братьев по оружию, Тор увидел, что каждый из них, как и он, опустил руку на рукоять своего меча. Каждый из них тоже был как на иголках.

Они шли уже несколько часов, все глубже и глубже пробираясь в джунгли, где воздух становился все более влажным, плотным, отчего дышать было труднее. Они шли по следам того, что, казалось, когда-то представляло собой тропу – несколько сломанных веток намекали на тропу, которую могла проложить некогда-то прибывшая сюда группа людей. Тор надеялся только на то, что эти следы принадлежали группе, которая похитила меч.

Тор испытывал благоговение, глядя на природу – все заросло до эпической пропорции, каждый лист был размером с него. Он чувствовал себя насекомым в земле великанов. Молодой человек заметил какой-то шорох за некоторыми листьями, но на самом деле он ничего не смог разобрать. У Тора было зловещее ощущение, что за ними наблюдают.

Тропа перед ними внезапно окончилась сплошной стеной листьев. Они все остановились и растерянно переглянулись между собой.

«Но след не может просто исчезнуть!» – беспомощно произнес О'Коннор.

«Она не исчезла», – сказал Рис, рассматривая листья. – «Просто джунгли отрасли сами на себе».

«И куда теперь идти?» – спросил Конвал.

Тор обернулся и посмотрел по сторонам, задавая себе тот же вопрос. С каждой стороны росла все более плотная листва и, казалось, нет никакого выхода. У Тора появилось дурное предчувствие, и он почувствовал себя все более потерянным.

И тут у него возникла идея.

«Крон», – сказал он, опустившись на колени и прошептал леопарду на ухо. – «Заберись на то дерево. Посмотри и скажи нам, куда пойти».

Когда леопард взглянул на него, Тор почувствовал, что он его понял.

Крон побежал к огромному дереву, ствол которого был шириной с десятерых мужчин, и, ни секунды не колеблясь, прыгнул на него и начал пробираться вверх. Крон бросился вперед, после чего прыгнул на одну из самых высоких веток. Он добрался до ее верхушки, где огляделся по сторонам, наострив уши. Тор всегда чувствовал, что Крон понимал его, а теперь он знал это наверняка.

Леопард откинулся назад и задней стенкой глотки издал странное мурлыканье, после чего поспешно сбежал вниз по стволу и помчался в одном направлении. Молодые люди обменялись любопытными взглядами, после чего все повернулись и последовали за Кроном, который направлялся в ту часть джунглей, отодвигая толстые листья, чтобы они смогли пройти.

Через несколько минут Тор почувствовал облегчение, увидев, что тропа снова началась – перед ними предстали явные признаки сломанных веток и листва, показывающие, в каком направлении ушла группа. Тор наклонился и погладил Крона, целуя его в голову.

«Я не знаю, что бы мы делали без него», – сказал Рис.

«И я», – ответил Тор.

Крон замурлыкал – довольный и гордый.

Продолжив продвигаться все глубже в джунгли, петляя и сворачивая, молодые люди подошли к новому участку листвы с окружающими их цветами – огромными, размером с Тора, взрывающимися всевозможными цветами. С ветвей других деревьев свисали фрукты размером с валуны.

Все члены Легиона остановились в изумлении, после чего Конвал подошел к одному из фруктов, светящемуся красным цветом, и протянул руку, чтобы коснуться его.

Внезапно раздалось глубокое рычание.

Конвал попятился и схватил свой меч, а остальные посмотрели друг на друга с тревогой.

«Что это было?» – спросил Конвал.

«Звук раздался оттуда», – сказал Рис, указав в другую часть джунглей.

Они все обернулись и проследили за его рукой. Но, кроме листьев, Тор ничего не смог увидеть. Шум стал более громким и настойчивым и, наконец, ветви зашуршали. Тор и его друзья сделали шаг назад, вынимая свои мечи, и замерли, ожидая наихудшего.

Но то, что появилось из джунглей, превзошло даже самые худшие опасения Тора. К ним вышло огромное насекомое, в пять раз больше Тора, напоминая богомола, с двумя задними лапами, двумя передними лапами поменьше, которые болтались в воздухе, и длинными когтями на конце каждой лапы. Его тело было флуоресцентного зеленого цвета, покрытое чешуей. Кроме того, у него были маленькие крылья, которые гудели и дрожали. В верхней части головы

у насекомого было два глаза, а третий находился на кончике носа. Насекомое осмотрелось по сторонам и обнажило еще больше когтей, до сих пор спрятанных под его горлом, которые задрожали и защелкали.

Оно стояло, возвышаясь над ними, и из его живота показалась длинная тощая лапа с длинным когтем. Внезапно насекомое протянуло свою лапу быстрее, чем кто-либо из них сумел отреагировать, и схватило О'Коннора, три его когтя вытянулись и обхватили запястье молодого человека. Насекомое подняло его вверх в воздух так легко, словно он был листом.

О'Коннор замахнулся своим мечом, но он был не таким быстрым, как эта тварь. Насекомое несколько раз встряхнуло его, после чего вдруг открыло свою пасть, обнажая ряды острых зубов, развернуло О'Коннора боком и начало опускать его в рот.

О'Коннор закричал, когда перед ним замаячила мгновенная и мучительная смерть.

Тор приступил к действию. Не думая, он поставил камень в свою пращу, прицелился и метнул его в третий глаз монстра, расположенный на кончике носа.

Это было прямое попадание. Зверь истошно закричал, издав ужасный шум, достаточно громкий для того, чтобы расколоть дерево, после чего выронил О'Коннора, который кубарем упал вниз, приземлившись на мягкую землю джунглей с глухим стуком.

Затем разъяренное насекомое обратило свой взор на Тора.

Тор знал, что оказание сопротивления и борьба с этим монстром будут бесполезными. Как минимум, один из его собратьев будет убит и Крон, вероятно, тоже, и это только истощит ту драгоценную энергию, которой они обладали. Ему показалось, что они, возможно, вторглись на его территорию и что если они выберутся отсюда достаточно быстро, насекомое оставит их в покое.

«БЕЖИМ!» – крикнул Тор.

Члены Легиона развернулись и побежали, и зверь начал гнаться за ними.

Тор слышал звук когтей этого монстра, которые разрезали густую листву прямо позади них, рассекая воздух и промахнувшись мимо его головы всего на несколько футов. Измельченные листья взлетали в воздух и сыпались вокруг него. Они бежали все вместе, и Тору казалось, что если они убегут на достаточное расстояние, то им удастся найти какое-то укрытие. Если же нет, тогда им придется оказать сопротивление.

Но внезапно бежавший рядом с ним Рис поскользнулся, зацепившись за ветку, и упал лицом в листву. Тор понял, что другу не удастся подняться вовремя. Он остановился позади них, вынул свой меч и встал между Рисом и монстром.

«ПРОДОЛЖАЙТЕ БЕЖАТЬ!» – крикнул Тор через плечо другим собратьям, сам же оставшись для того, чтобы защитить Риса.

Монстр бросился на него, истошно закричав, и замахнулся на лицо Тора своими когтями. Тор пригнулся и в тоже время замахнулся мечом, и насекомое издало ужасающий крик, когда молодой человек отрубил один из его когтей. Зеленая жидкость брызнула в Тора и, подняв глаза, он в ужасе увидел, как на месте отрубленного когтя вырос новый – так же быстро, как он и был отрублен предыдущий. Словно Тор и не причинял ему этого увечья.

Тор сглотнул. Этого зверя невозможно будет убить. А теперь он еще и разозлил его.

Монстр замахнулся вниз другой рукой, выступившей откуда-то из другого места в его туловище, и так сильно ударил Тора по ребрам, что молодой человек отлетел в сторону и приземлился на группу деревьев. После чего насекомое опустило на Тора другой коготь, и молодой человек понял, что оказался в беде.

Элден, О'Коннор и близнецы побежали вперед и, когда монстр опустил на Тора другую лапу, О'Коннор выпустил стрелу из лука в пасть монстра, которая застряла в задней части его горла, заставив насекомое пронзительно закричать. Элден взял свой двуручный топор и бросил зверю в спину, в то время, как и Конвен, и Конвал бросили по копьё, пронзив его горло с другой стороны. Рис поднялся на ноги и вонзил свой меч в живот монстра. Вскочив на ноги, Тор замахнулся мечом на другую лапу зверя, отсекая ее. В это время к ним присоединился Крон, который прыгнул в воздух и вонзил свои клыки монстру в горло.

Монстр истошно кричал, не переставая, когда все молодые люди причинили ему больше повреждений, чем Тору казалось возможным. Ему показалось невероятным то, что зверь все еще стоит, что его крылья все еще колышутся. Этот зверь не собирался умирать.

Все молодые люди с ужасом наблюдали за тем, как зверь протянул лапу и вынул застрявшие в нем копья, мечи и топор – по одному за раз – после чего все его раны затянулись у них на глазах.

Этот монстр был непобедимым.

Он откинулся назад и взревел, и все собратья Тора по Легиону шокировано смотрели на него. Они приложили максимум усилий, но даже не смогли нанести ему рану.

Монстр приготовился снова броситься на них со своими острыми зубами и когтями, и Тор понял, что они больше ничего не могут поделать – они все умрут.

«С ДОРОГИ!» – раздался внезапный крик.

Голос доносился из-за спины Тора и, казалось, принадлежал молодому человеку. Обернувшись, Тор увидел маленького мальчика – возможно, одиннадцати лет – который подбежал позади них, неся в руках то, что напоминало кувшин воды. Тор прыгнул, и мальчик плеснул воду, расплескав ее по всему лицу монстра.

Зверь откинулся назад и закричал, когда от его лица пошел пар. Он поднял свои лапы и начал рвать свои щеки, глаза и голову. Монстр кричал снова и снова, издавая такой громкий звук, что Тору пришлось прижать руки к ушам.

Наконец, зверь развернулся и умчался прочь, обратно в джунгли, затерявшись в листве.

Все члены Легиона обернулись и посмотрели на мальчика с новым чувством удивления и благодарности. Облаченный в лохмотья, с длинноватыми каштановыми волосами и ярко-зелеными умными глазами, ребенок весь был в грязи. Судя по его босым ногам и грязным рукам, казалось, что он живет здесь.

Никогда еще в своей жизни Тор не испытывал такой благодарности.

«Оружие не причинит вреда Гарторбисту», – сказал мальчик, закатывая глаза. – «К счастью для вас, я услышал крики, потому что был поблизости. Иначе вы бы уже сейчас были мертвы.

Неужели вы не знаете, что вы никогда не должны противостоять Гарторбисту?»

Тор посмотрел на своих друзей – все они лишились дара речи.

«Это не мы противостояли ему», – сказал Элден. – «Это он противостоял нам».

«Они нападают только в том случае, если вы вторгаетесь на их территорию», – сообщил мальчик.

«Что мы должны были делать?» – спросил Рис.

«Ну, никогда не смотрите ему в глаза», – ответил ребенок. – «А если он нападет, ложитесь лицом вниз, пока он вас не оставит. И ни в коем случае никогда не пытайтесь убежать».

Тор сделал шаг вперед и положил руку на плечо мальчика.

«Ты спас наши жизни», – сказал он. – «Мы в большом долгу перед тобой».

Мальчик пожал плечами.

«Вы не похожи на войска Империи», – сказал он. – «Похоже, что вы пришли из какой-то другой части мира. Так почему бы мне не помочь вам? Кажется, на вас маркировка той группы, которая сошла с корабля несколько дней назад».

Тор и его друзья обменялись понимающими взглядами, после чего повернулись к мальчику.

«Знаешь ли ты, куда отправилась та группа?» – спросил Тор.

Мальчик пожал плечами.

«Это была большая группа, и они несли оружие. Оно казалось тяжелым – им всем пришлось нести его. Я следил за ними на протяжении нескольких дней. За ними легко было следить, поскольку продвигались они медленно. Кроме того, они были небрежными и беспечными. Я знаю, куда они пошли, хотя и не следил за ними за пределами деревни. Я могу отвести вас туда и указать вам верное направление, если хотите. Но не сегодня».

Молодые люди озадаченно переглянулись между собой.

«Почему не сегодня?» – спросил Тор.

«Всего через несколько часов наступит ночь. Нельзя разгуливать после наступления темноты».

«Но почему?» – задал вопрос Рис.

Мальчик посмотрел на него так, словно он был сумасшедшим.

«Этабагс», – ответил он.

Тор вышел вперед и взглянул на ребенка. Этот мальчишка ему сразу понравился – он был умным, искренним, бесстрашным и у него было большое сердце.

«Знаешь ли ты какое-нибудь место, в котором мы можем укрыться на ночь?»

Мальчик посмотрел на Тора, затем пожал плечами, заметно колеблясь. Он медлил.

«Я не думаю, что мне следует», – произнес он. – «Дедушка разозлится».

Вдруг из-за спины Тора появился Крон и направился к мальчику, глаза которого загорелись от восторга.

«Вот это да!» – воскликнул он.

Крон лизнул ребенка в лицо снова и снова, тот радостно захихикал и, протянув руку, погладил Крона по голове. После чего мальчик опустился на колени, положил свое копье и обнял леопарда. Казалось, что Крон обнимал его в ответ, отчего мальчик неистово смеялся.

«Как его зовут?» – спросил он. – «Кто он?»

«Его зовут Крон», – ответил Тор, улыбнувшись. – «Это редкий белый леопард. Он пришел с другой стороны океана, из Кольца. Мы родом оттуда. Ты ему нравишься».

Мальчик несколько раз поцеловал Крона, после чего, наконец, встал и посмотрел на Тора.

«Хорошо», – сказал он нерешительно. – «Полагаю, что я могу отвести вас в нашу деревню. Надеюсь, что дедушка не слишком рассердится. Иначе вам не повезло. Следуйте за мной. Мы должны поторопиться. Скоро наступит ночь».

Мальчик повернулся и быстро пошел вглубь джунглей, а Тор и остальные члены Легиона последовали за ним. Тора поразила ловкость мальчика, то, как хорошо он знает джунгли. Было сложно не отставать от него.

«Люди проходят здесь время от времени», – сообщил ребенок. – «Приливы океана приводят их прямо к гавани. Некоторые люди приходят сюда с моря и сокращают путь через эту дорогу, направляясь в какое-то другое место. Большинству из них это не удается – они становятся пищей того или иного создания в джунглях. Вам повезло, ребята. Здесь можно наткнуться на кого-то страшнее, чем Гаторбист».

Тор сглотнул.

«На кого-то страшнее? Например?»

Мальчик покачал головой, продолжая идти вперед.

«Поверь, ты не хочешь этого знать. Я видел здесь довольно-таки ужасных тварей».

«Как долго ты находишься здесь?» – спросил охваченный любопытством Тор.

«Всю свою жизнь», – ответил ребенок. – «Мой дедушка привел нас сюда, когда я был маленьким».

«Но почему сюда, в это место? Конечно же, здесь должны быть гораздо более гостеприимные места».

«Вы не знаете Империю, не так ли?» – спросил мальчик. – «Войска находятся повсюду. Не так-то просто не попадаться им на глаза. Если они поймают нас, то превратят в рабов. Они редко появляются здесь, хотя это еще не самая глубь джунглей».

Когда они стали проходить через густой участок листвы, Тор протянул руку, чтобы отбросить лист со своего пути, но мальчик, обернувшись, толкнул его руку, закричав:

«НЕ ТРОГАЙ ЭТО!»

Все молодые люди остановились, и Тор взглянул на лист, которого едва не коснулся. Он был большим и желтым и казался достаточно безобидным.

Мальчик протянул зажатую в руке палку и осторожно коснулся кончика этого листа и, как только он это сделал, лист внезапно невероятно быстро обернулся вокруг палки, издав шипение, после чего кончик палки испарился.

Тор был поражен.

«Лист мук», - сообщил мальчик. - «Ядовитый. Если бы ты прикоснулся к нему, то сейчас был бы без руки».

Тор оглядел окружающую их листву с новым уважением. Он поразился тому, как им повезло, что они встретили этого мальчишку. Молодые люди продолжили свой путь, Тор прижимал руки к бокам, впрочем, как и все остальные. Они старались быть более осторожными с каждым пройденным шагом.

«Держитесь поближе друг к другу и следуйте точно по моим следам», - велел мальчик. - «Ничего не трогайте. Не пытайтесь есть эти фрукты. И не нюхайте эти цветы, иначе потеряете сознание».

«Эй, что это?» - спросил О'Коннор, обернувшись и взглянув на огромный фрукт, свисающий с ветки - длинный и узкий, сверкающий желтым цветом. О'Коннор сделал шаг вперед по направлению к нему, протянув руку.

«НЕТ!» - крикнул мальчик.

Но было слишком поздно. Когда О'Коннор прикоснулся к фрукту, земля под всеми ними пошла ходуном, и Тор почувствовал, как он начал скользить прямо в холм по грязи и воде. Они застряли на оползне и не могли остановиться.

Все молодые люди закричали, когда начали скользить в грязь на сотни футов, прямо в черные глубины джунглей.

Глава седьмая

Эрек сидел на своем коне, тяжело дыша, готовясь к нападению на две сотни воинов, стоявших к нему лицом к лицу. Он доблестно сражался, и ему удалось сразить первую сотню солдат, но теперь его плечи ослабели, а руки дрожали. Его разум был готов сражаться бесконечно, тем не менее, рыцарь не знал, как долго выдержит его тело. Он будет продолжать сражаться изо всех сил, как делал всю свою жизнь, и позволит судьбе принять решение за него.

Эрек крикнул и пнул незнакомого коня, которого он украл у одного из своих противников, после чего бросился на воинов.

Они тоже бросились в атаку, отвечая ему единым боевым кличем, рассвирепев. На этом поле уже было пролито много крови, но очевидно, никто не покинет его до тех пор, пока одна из сторон не будет мертва.

Бросившись в атаку, Эрек снял с пояса метательный нож, прицелился и бросил его в первого воина перед собой. Это был идеальный бросок - нож вонзился воину в горло и тот, схватившись

за него, выронил поводья и упал со своего коня. Как и надеялся Эрек, воин упал перед ногами других лошадей, что привело к тому, что они споткнулись об него и тоже рухнули на землю.

Одной рукой Эрек поднял метательный дротик, другой – щит, опустив при этом забрало, и изо всех сил бросился в атаку. Он станет нападать на эту армию так быстро и усердно, насколько это возможно, ответит на всевозможные удары и сократит линию прямо через нее.

Эрек закричал, бросившись на армию. Все годы рыцарских турниров сослужили ему добрую службу, и он умело воспользовался длинным дротиком для того, чтобы вывести из строя одного воина за другим, подряд сбивая их на землю. Он присел на корточки и прикрылся щитом в одной руке, чувствуя град посыпавшихся ударов на него, на его щит, на броню со всех сторон. Ему наносили удары мечами, топорами и булавами, что представляло собой бурю металла, и Эрек молился о том, чтобы его броня все это выдержала. Он вцепился в свой метательный дротик, устраняя как можно больше воинов, набросившись на них, прорезая себе путь через огромную группу.

Эрек не замедлил хода и всего через минуту езды он, наконец, прорвался с другой стороны на открытый участок, сократив путь разрушения прямо в центр группы воинов. Эрек вывел из строя, как минимум, дюжину воинов, но ему пришлось пострадать за это. Рыцарь тяжело дышал, его тело изнывало от боли, звон металла все еще раздавался в его ушах. Он чувствовал себя так, словно его прокрутили через мясорубку. Он бросил взгляд вниз и увидел, что весь перемазан кровью. К счастью, он не ощущал на себе никаких глубоких ран. Нанесенные ему раны казались незначительными царапинами и порезами.

Эрек въехал в широкий круг, готовясь снова столкнуться с армией. Воины тоже развернулись, приготовившись еще раз атаковать его. До сих пор Эрек гордился своими победами, но ему становилось все сложнее восстанавливать дыхание, и он знал, что еще одна схватка с этой группой может означать конец для него. Тем не менее, рыцарь подготовил себя к следующей атаке, не желая отступить от битвы.

Внезапно позади армии поднялся необычный крик, и сначала Эрек был сбит с толку, увидев группу воинов, атакующих с тыла. Но когда он узнал броню, его сердце воспарило – это был его близкий друг из Серебра Брандт, вместе с Герцогом и десятками его людей. Сердце рыцаря ушло в пятки, когда среди них он увидел Алистер. Он попросил ее оставаться за безопасными стенами замка, но она не послушалась. А за это он любил ее больше, чем смог бы выразить словами.

Люди Герцога атаковали армию с тыла, издавая свирепый боевой клич и создавая хаос. Половина армия обернулась, чтобы столкнуться с ними, и встретили громкий звон металла. Во главе группы скакал Брандт со своим двуручным топором. Он замахнулся на передового воина, отсекая ему голову, после чего тем же движением замахнулся и вонзил топор в грудь другого противника.

Воодушевленный Эрек обрел второе дыхание – он воспользовался начавшимся хаосом и бросился на вторую половину армии. Бросившись вперед, рыцарь перегнулся и схватил торчавшее из земли копьё, после чего откинулся назад и с усилием метнул его в десятерых мужчин. Копье пролетело через шею одного воина, продолжая лететь, пока не вонзилось в грудь другого.

Затем Эрек высоко поднял свой меч и опустил его на первого попавшегося ему воина, разрубив рукоять его булавы пополам, после чего, развернувшись, отсек мужчине голову.

Эрек продолжал бороться, бросившись в группу воинов со всей оставшейся у него энергией, пронзая, блокируя, парируя, атакуя всех солдат, которые толпились вокруг него со всех сторон.

Эрек поочередно поднимал свой щит, отражая удар за ударом, и атаковал. Через несколько минут вокруг него собрались все воины – десятки воинов – атакуя рыцаря со всех сторон.

Он убил несчетное количество противников, но их все равно оставалось много, даже несмотря на то, что люди Герцога были заняты сражением с задним флангом. одному из них удалось нанести удар по спине Эрека, между лопатками, своей булавой, отчего рыцарь закричал от боли, когда шипованный металлический шар угодил ему по позвоночнику. Эрек упал со своего коня на землю – этот удар выбил почву у него из-под ног.

Но он не сдался. В действие вступили его инстинкты, его присутствие духа заставило рыцаря немедленно откатиться в сторону, поднять свой щит и отразить приходившийся на его голову удар. После чего рыцарь стал отражать удары своим мечом, отсекая руку воина.

Какой-то воин намеревался растоптать голову Эрека, но рыцарь увернулся с пути, развернулся и отрубил коню ноги, отчего воин рухнул на землю. Затем Эрек перекатился и пронзил воина своим мечом.

Все большее количество мужчин начали приближаться к Эреку, и он, перевернувшись на колени, отражал удар за ударом, нанося встречные удары, когда ему это удавалось, в то время как воины окружали его. Его плечи начали ослабевать. Невероятно большой рыцарь с длинной прямой бородой вышел вперед и поднял топор. Эрек поднял свой щит, чтобы отразить удар, но другой солдат выбил щит у него из рук и, прежде чем Эрек сумел отреагировать, третий воин наступил ему на грудь, прижав его к земле. Их было слишком много, а сам Эрек слишком устал. Он больше ничего не мог сделать, кроме как наблюдать за тем, как огромный рыцарь начал опускаться на него свой топор.

Внезапно началась большая сумятица и, подняв глаза, Эрек увидел появившегося Брандта, который высоко поднял свой меч, издав свирепый крик, размахивая им изо всех сил. Единым ударом он расколол рукоять топора пополам, после чего отсек голову здоровяка.

В следующую минуту последовали Герцог и несколько его людей, которые атаковали всех воинов вокруг Эрека, расчищая для него путь. Эрек развернулся, схватил за ногу наступившего ему на грудь воина и сдернул его вниз на землю. После чего он перевернулся и схватился за шею воина голыми руками.

Эрек схватил кинжал с пояса мертвого воина, развернулся и вонзил его в горло другого нападавшего, который замахнулся на него. Он поднялся на ноги, схватил свой меч, лежавший на окровавленном поле боя, обретая третье дыхание.

Эрек поворачивался все стороны, снова воодушевившись для борьбы бок о бок со своим другом Брандтом, когда к ним пришло подкрепление в лице большего количества людей Герцога. Вскоре они вместе прочистили путь, убив дюжину приближающихся к ним воинов.

Найдя коня, Эрек оседлал его и вскоре он был на одном уровне с другими. Он критически оценил ситуацию – дюжины людей Герцога пришли ему на подмогу, и вместе они столкнулись с тем, что осталось от армии лорда – их теперь было около сотни. Рыцарь тут же поискал глазами Алистер и нашел ее верхом на Варкфине на краю поля битвы, наблюдающей за происходящим. Девушка находилась в безопасном расстоянии от битвы, и Эрек почувствовал облегчение.

Он тяжело дышал, также как и находившийся рядом с ним Брандт, перепачканный кровью.

«Я знал, что снова стану сражаться бок о бок с тобой», – произнес Брандт. – «Я просто не думал, что это случится так скоро».

Эрек улыбнулся.

«Кажется, я снова обязан тебе жизнью», – сказал он.

«Нет, это не так», – возразил Брандт. – «Помнишь Артанию, десять лет назад? Теперь мы квиты».

Когда все они приготовились выступить против сотни оставшихся в живых мужчин, внезапно раздался другой крик позади группы. Эрек растерянно обернулся, стараясь понять, что происходит. Он прищурился и вдалеке увидел, как ему показалось, битву, происходящую в задних рядах. Эрек не мог понять, что происходит. Неужели люди лорда сражаются друг с другом?

«Еще больше Ваших людей?» – спросил он Герцога.

Но Герцог, озадаченный не меньше него самого, покачал головой.

«Все мои люди со мной. Я не знаю, кто атакует их».

Эрек был сбит с толку, когда в армии врага вспыхнул хаос и воины, развернувшись, начали спасаться бегством, покидая поле боя.

Когда суматоха приблизилась к ним, Эрек, наконец, увидел, что это было, и кровь в его жилах застыла.

Огромная группа монстров атаковала армию лорда с тыла. Они были вдвое выше, вдвое шире любого человека, их кожа была ярко-желтого цвета, у каждого из них было по две головы, а руки восьми футов в длину. Эрек сразу же их узнал – Ковени, легендарные существа, известные своей сверхъестественной силой, которые могли разорвать человека пополам всего лишь одной рукой. У них не было при себе никакого оружия – у них в нем просто не было необходимости.

Против своей воли Эрек почувствовал, как его сердце охватил страх.

«Это невозможно», – сказал Брандт. – «Ковени живут только на дальней стороне Кольца. Что они здесь делают?»

«Они могли прийти сюда только в том случае, если они нашли брешь в Каньоне», – произнес Герцог.

«Или если пал Щит», – мрачно произнес Эрек.

Произнеся эти слова, Эрек вдруг почувствовал, что они правдивы, и его сердце наполнилось настоящим страхом. Щит пал. Кольцо открыто для нападения. Ему сложно было в это поверить. Эрек волновался не о себе, а о судьбе Кольца. Если щит пал здесь, значит, он мог пасть и по всему Кольцу. Им могут захватить, а что еще хуже – на их земли может вторгнуться Империя.

Армия перед Эреком бросилась врассыпную, спасая свои жизни, когда появилось еще больше

воинов Ковени, атакуя их сзади, поднимая их одной рукой и откусывая их головы.

«Отступаем в Силегию!» – приказал Герцог. – «Мы должны тут же запереть ворота!»

Все как один они развернулись и помчались прочь с поля боя. Эрек остановился только для того, чтобы подъехать к Алистер, оседлать Варкфина и умчаться вместе с ней.

Он почувствовал, как мягкие руки девушки крепко обвили его сзади, и прикосновение ее рук к нему, осознание того, что они вместе, что она в безопасности, подарило ему уверенность в том, что все в этом мире встало на свои места.

«Я обязан тебе жизнью», – сказал Эрек Алистер, пока они ехали с остальными.

«А я обязана тебе своей», – ответила девушка.

Глава восьмая

Кендрик стоял перед восстановленной городской стеной, любуясь работой своих рук. Вместе с небольшой группой Серебра он укреплял эту стену уже несколько дней, ночуя в этом небольшом городе на восточных окраинах Кольца, который был сильно поврежден во время рейда МакКлаудов. В то время как Легион отправили восстанавливать небольшие деревни на юге, Кендрик подумал о том, что Серебру следует укреплять большие города на востоке, на более опасной территории, расположенной неподалеку от МакКлаудов. Подавать личный пример – это как раз то, что нужно делать.

Их усилия по восстановлению городов прошли успешно, и теперь их время пребывания здесь подошло к концу. Кендрик не был дома уже несколько недель, не получал никаких новостей из внешнего мира и очень соскучился по королевскому двору, по своей сестре, по близкому другу Атмэ, по всем своим братьям по Серебру. Он даже соскучился по своему оруженосцу Тору. Кендрик хотел как можно скорее вернуться в королевский двор, чтобы убедиться в том, что его сестра находится в безопасности, и помочь ей свергнуть Гарета. После того, как Гарет заключил его в темницу, Кендрик больше остальных ощутил на себе его гнев. Он сгорал от желания восстановить справедливость и посадить свою сестру на трон – ради их погибшего отца, ради королевского двора и ради Кольца.

Второе солнце начало отбрасывать длинные тени в конце очередного дня непосильного труда. Кендрик наблюдал за сотней горожан, пока они носили огромные камни и достраивали древние стены. Кендрик и его люди указывали им на лучшие места укрепления и защиты, советовали, где построить парапеты и как воздвигнуть каменные башни, которые служили бы смотровыми точками. До его приезда отверстия в укреплениях этого города были слишком широкими, в камнях не было ни одной щели для стрельбы из лука, а сами стены были всего несколько дюймов толщиной. Теперь же толщина стен составляла несколько футов, вход в город был всего один, а сам город был оформлен и построен таким образом, что изнутри он может хорошо охраняться всего несколькими мужчинами. Были построены новые парапеты, с которых горожане могут защищать город с помощью нескольких котлов смолы, и множество арок.

Кендрик был доволен. В этом новом месте несколько сотен хорошо подготовленных мужчин смогут отразить нападение нескольких тысяч. Эти люди отчаянно нуждались в надзоре и работе профессиональных воинов, и теперь их город был гораздо более безопасным.

Пока Кендрик стоял там, ощущая удовлетворение от дня тяжелой работы, от помощи его гражданам, тем не менее, что-то беспокоило его на подсознательном уровне. Он не был до конца уверен в том, что же именно. Ранее этим утром он мог бы поклясться в том,

что заметил кружившего высоко в небе Эстофелеса, крик которого тревожил молодого человека. Это походило на предупреждение. А ночью и того хуже, Кендрик несколько часов не мог сомкнуть глаз, после того как ему приснились беспокойные сны об этом городе, объятном огнем, о том, что весь труд его рук стерт с лица земли. Этот сон повторился трижды, и после третьего сна он уже не смог уснуть – образы были слишком яркими для того, чтобы он смог вновь погрузиться в сон.

Кендрик не понимал, что все это означает. Ему не снились кошмары с самого детства, с той самой ночи, когда умер его дед. Он надеялся на то, что это не является предостережением о чем-то плохом.

«Милорд!» – раздался настойчивый голос.

Обернувшись, Кендрик увидел, что к нему бежит гонец – мальчик, которого он назначил на эту новую должность на смотровом пункте на недавно построенной сторожевой башне.

«Пойдемте быстрее! Я заметил что-то на горизонте. Я не понимаю, что это».

Кендрик развернулся и убежал вместе с гонцом, и за ними последовало несколько человек. Они срезали путь через извилистые улочки этого города, которые Кендрик выучил наизусть. Затем они побежали по узкой тропе, которая извивалась на небольшую высоту в дальнем конце города, уводя их на вершину холма, на котором они построили новую каменную башню. Это была самая высокая точка в городе и местом, в котором, по совету Кендрика, горожане должны нести постоянную вахту. Это был первый раз, когда смотровой заметил что-то, и Кендрик предположил, что это всего лишь ложная тревога от пугливого мальчишки.

Кендрик добрался до вершины и встал на узкой круглой платформе вместе с другими воинами, проследив за пальцем смотрового, которым он указал на горизонт. Это был ясный, желто-голубой день, на небе насколько хватало взгляда, не было ни облачка, что делало видимость прекрасной. Его взгляд охватил многие мили, когда Кендрик посмотрел на восток, на Хайлэндс, в сторону границы МакКлаудов. Несмотря на то, что в этот день они находились далеко, Кендрик смог увидеть слабые очертания Хайлэндс, окутанные туманом горные хребты, обозначающие горизонт.

Присмотревшись внимательнее, Кендрик, к своему удивлению, тоже что-то заметил.

«Там, милорд», – сказал смотровой, указывая вправо.

Сначала Кендрик не увидел точно то, о чем говорил мальчик, но, тщательно осматривая горизонт, он тоже начал это замечать – небольшое бледное облако очень далеко на горизонте, которое казалось немного плотнее остальных. Кроме того, оно казалось несколько ниже к земле. Пока Кендрик всматривался, ему показалось, что это облако становилось все более плотным и темным.

«Оно похоже на дым», – сказал мальчик. – «Это не имеет никакого смысла».

Кендрик кивнул. Мальчик был прав – это не имело никакого смысла. Почему на стороне Кольца, принадлежащей МакКлаудам, начался пожар? Насколько он знал, никто из его людей не отправился туда с рейдом.

«Возможно, это случайный огонь, разразившийся в одном из их городов», – предположил один из стоявших рядом людей Кендрика.

Кендрик кивнул, задумавшись. И хотя такая вероятность существовала, у него было предчувствие, что дело не в этом. Он чувствовал, что что-то не так, что происходит нечто большее. Что-то, чего он не понимал.

Кендрик стоял на вершине холма, задаваясь вопросами, думая о том, какой следующий шаг он должен предпринять. Молодой человек мысленно готовился к тому, чтобы покинуть эти пограничные земли, вернуться в королевский двор. Если отправить экспедицию для того, чтобы разузнать, что происходит, это займет почти целый день верхом в противоположном направлении, ближе к Хайлэндс. Вовсе не этим он хотел заняться, если на то не было уважительной причины.

Внезапно началась суматоха и, обернувшись, Кендрик увидел одинокого наездника, приближающегося к городу по длинной дороге, которая вела в направлении королевского двора. Сердце Кендрика воспарило, когда он немедленно узнал наездника – его конь и броня выдавали своего хозяина с головой. Это был человек, которого он знал и с которым сражался бок о бок с того самого дня, когда научился ходить. Его близкий друг по Серебру, Атмэ.

У Кендрика потеплело на сердце, когда он увидел друга. Но, глядя на рыцаря, несущегося галопом к городским воротам, Кендрик понял по этой срочности, по его расположению духа, что что-то было не в порядке. Это не был обычный визит. У Атмэ было неотложное дело, и Кендрик чувствовал, что он везет плохие новости.

Кендрик взял себя в руки, когда Атмэ въехал через городские ворота и, заметив его, подъехал к нему и спешился, пробегая по три каменные ступеньки за раз, приближаясь к Кендрику.

«Последний раз, когда я видел, что ты бежишь вот так, ты убегал от своих долгов», – сказал Кендрик с улыбкой на губах, когда появился его старый друг, жадно хватая ртом воздух, после чего они обнялись.

Вперед выбежал слуга, который протянул Атмэ ведро воды. Рыцарь сделал большой глоток, а затем вылил остатки воды себе на голову.

«Империя, Каньон», – Атмэ не хватало воздуха. – «Щит пал».

Сердце Кендрика замерло, когда он услышал эти слова. Если бы их произнес кто-то другой в иное время, он бы посчитал это шуткой. Но слова исходили от Атмэ, да и время для шуток было неподходящим.

Кендрик с трудом осознавал последствия. Щит пал. Но это невозможно, пока в королевском дворе находится Меч.

«А как насчет Меча Судьбы?» – спросил Кендрик.

Атмэ мрачно покачал головой.

«Его больше нет», – ответил он. – «Меч исчез. Он украден».

Кендрик перестал дышать.

«Украден», – выдохнул он. – «Как это возможно?»

«Прошлой ночью его похитила большая группа мужчин. Они пересекли Каньон вместе с ним, сели на корабль и отвезли его в Империю».

Все это казалось нереальным. Меч Судьбы, жизненная сила королей МакГилов на протяжении столетий, украден. Он в руках Империи. Кольцо лишилось защиты. Внутренне чутье подсказывало Кендрику, что за этим стоит Гарет.

Кендрик обернулся, осмотрел новую городскую стену, которую они только что построили, и осознал, что все это было зря. Без щита вся Империя сможет вторгнуться на их землю, и ничто – точно уж не эта городская стена – не сможет это предотвратить.

Кендрик тут же подумал о своей семье, о Гвендолин, Рисе, Годфри. Он подумал об уязвимом для нападения королевском дворе.

«Королевский двор должен быть немедленно укреплен», – сказал Кендрик.

Но Атмэ опять зловеще покачал головой.

«Там произошел раскол. Твоя сестра покинула королевский двор и взяла с собой половину людей – тех, кого все это волнует. Сейчас они направляются в Силегию. Королевство МакГилов раскололось на две части. Сейчас королевский двор является владением Гарета. Гвендолин отправила меня за тобой».

«Тогда мы должны отправиться к моей сестре», – сказал Кендрик. – «В Силегию».

Кендрик окинул взглядом находившихся внизу горожан.

«Без щита эти люди будут беззащитны», – сказал он. – «Эти укрепления предназначены для того, чтобы выдержать натиск войск МакКлауда, но не натиск миллионной армии Андроникуса. Эти люди ни за что не выживут в случае вторжения Империи».

Кендрик повернулся к Атмэ.

«Отправляйся к моей сестре. Поезжай впереди меня. Скажи ей, что я еду. Я не могу вернуться без этих людей».

На лице Атмэ появилось беспокойство.

«Это благородно с твоей стороны», – сказал он. – «Но они будут двигаться медленно. Если ты станешь ждать, чтобы сопровождать их, ты можешь не добраться до Силесии вовремя».

«Я должен рискнуть», – ответил Кендрик.

Атмэ пристально посмотрел на своего старого друга, после чего медленно кивнул.

«На другое я и не рассчитывал», – признался он. – «И я рискну вместе с тобой. Я буду скакать бок о бок с тобой. Всегда!»

«Милорд!» – раздался охваченный паникой голос смотрового, который похлопал Кендрика по плечу.

Кендрик обернулся и еще раз проследил за пальцем мальчишки, которым он указывал на горизонт. В этот раз его глазам предстало нечто отчетливое.

Сначала Кендрик моргнул. Ничего подобного он не видел в своей жизни. От представшего зрелища у него перехватило дыхание – даже у него, у закаленного воина.

Пока он смотрел, весь горизонт окрасился в черный цвет. Казалось, что армия черных муравьев медленно покрывала весь земной шар. Словно все человечество стекалось со всех уголков мира. Сотни тысяч воинов, облаченных в черные одежды Империи, заполнили собой каждый дюйм горизонта, двигаясь к ним подобно рою.

Андроникус.

Его миллионная армия прибыла.

Глава девятая

Гвендолин испытывала благоговение, глядя на парящие ворота Силесии, чьи древние алые камни поднимались в небо в виде арки, чьи красные железные ворота с шипами были острыми и массивными, чья тщательно мощеная красным булыжником дорога охранялась выстроившимися в ряд воинами в идеальном построении. Они все стояли по стойке смирно, облаченные в ярко-красную броню Силесии. У девушки было ощущение, словно она оказалась в другом мире.

Фон города казался еще более сюрреалистическим – прямо позади него находился Каньон, бесконечный участок под открытым небом, окруженный туманами. Город был расположен прямо на краю Каньона, словно балансируя на нем. Одна половина города была построена над землей, в то время как вторая его половина была воздвигнута ниже, прямо на гранитных скалах самого Каньона.

Казалось, что в одном городе находятся сразу два. Он выстоял на протяжении столетий и всегда был известен как один из непреодолимых городов Кольца, и все, что Гвен когда-либо слышала о нем, у нее до сих пор не было возможности проверить. Но сейчас, когда она увидела этот город уже будучи взрослой, это развеяло даже ее детские воспоминания.

Каменные стены Силесии, поднимающиеся на сотню футов, толщиной с десятерых мужчин, были наполнены такими бойницами через каждые десять футов, за которыми стояли по два десятка воинов Силесии, с луками наготове. Наверху, в рядах шахматных парпетов находилось еще больше воинов, вооруженных копьями, небольшими валунами и через каждые двадцать футов укомплектованных огромными железными котлами, наполненными кипящей смолой. На стенах были даже небольшие катапульты для метания во врагов пылающих шаров. Этот город был тщательно продуман.

Гвен переполняла благодарностью по отношению к Срогу, который был так предан ее отцу все эти годы. Гвен спрашивала себя, смог бы кто-нибудь захватить этот город даже среди людей ее отца, даже среди воинов Серебра. В состав Серебра входили лучшие воины, которых мог предложить этот мир, но даже в таком случае разрушить эти стены – это совсем другое дело.

Когда Гвен проезжала через ворота, ее сердце парило от надежды. Она ощутила прилив оптимизма, почувствовала, что, может быть, за этими толстыми стенами, воздвигнутыми на краю Каньона, они смогут выдержать атаку – даже атаку армии Андроникуса. Они могут не победить, но они бы удерживать город достаточно долго. Правда, девушка не знала, достаточно долго для чего. В глубине души Гвен отчаянно надеялась на то, что Тор вернется с Мечом и спасет их всех.

«Миледи», – любезно произнес Срог, въезжая рядом с ней через ворота в огромный двор. – «Мой город приветствует Вас».

Со всех уголков огромной площади вперед выбежали люди в красном, которые начали осыпать

Гвендолин и ее людей лепестками красных роз. На лицах всех людей были добрые улыбки, они приближались к Гвен, прикасались к ее плечу, наклонялись и целовали девушку сначала в одну щеку, потом в другую. Гвен никогда в жизни не была в подобном месте, ей казалось, что все эти люди принимают ее.

«Можно подумать, что они не знают о том, что к этим воротам приближается война», – сказала Гвен, испытывая благоговение перед их беззаботностью и бесстрашием.

«Они знают», – произнес Срог. – «Но жители этого города славятся тем, что они не поддаются страху. Многие люди могут испытывать его, но они никогда не подчиняются ему. Это не в их стиле. Мы верим в то, что человек, который боится смерти, умирает множество раз, в то время как тот, кто не испытывает страха перед смертью, умирает один только раз. Мы являемся счастливыми людьми, мы довольны тем, что дает нам жизнь. Мы не жаждем того, что у есть у других. И мы счастливы быть теми, кто мы есть».

Стало прибывать все больше людей, они все улыбались Гвен и ее окружению, хлопая их по спине, приветствуя огромную группу воинов и людей так, словно те были их давно потерянными братьями. Гвен была поражена. Она ожидала, что их появление вызовет негодование этих людей. В конце концов, они готовились к осаде и сюда пришли толпы людей, чтобы жить за этими воротами, нуждаясь в их обороне и опустошая их запасы. Но жители Силесии наоборот казались счастливыми от того, что люди Гвен появились в их городе. Они были в высшей степени гостеприимными людьми.

«Дело не только в том, что Ваши люди не испытывают страха», – сказала Гвен. – «Они также кажутся по-настоящему счастливыми. Даже перед лицом надвигающейся беды».

«Мы счастливые люди», – ответил Срог. – «Говорят, что причиной этого является воздух Каньона и цвет нашей одежды», – он улыбнулся, после чего достаточно быстро снова стал серьезным. – «Но за этим кроется кое-что еще. Они также счастливы видеть *Вас*».

«Но почему?» – спросила Гвен, сбита с толку.

«Королевский двор является городом-побратимом, и ходят слухи о том», – объяснил он. – «Что никто здесь недоволен правлением Вашего брата. Они считают Вас законной наследницей трона МакГиля, и они счастливы иметь настоящего правителя, а не выскочку, который вытеснил своего отца. Мы справедливые и простые люди, и мы хотим видеть то же самое в своих правителях. Они хотят такого правителя, которого заслуживают, и они видят это в Вас. Их на самом деле не волнует тот факт, умрут ли они здесь, сокрушит ли их Империя. Их волнует только желание жить справедливо, пока они живы».

Гвен почувствовала, как ее сердце воспарило при этих словах, ей показалось, что все увидели в ней нечто большее. Для кого-то она была спасительницей, для кого-то – пророком, для одних – молодой девушкой, которая пытается прыгнуть выше своей головы, а для других – продолжением ее отца. Гвен начала чувствовать, как много ее правление означает для других. Чувство было ошеломляющим. Она не может быть всем для каждого. Девушка одновременно ощутила и гордость, и смирение. Гвен начала осознавать, что она представляет имя своего отца, его честь и память. Кроме того, она почувствовала тяжесть и ответственность перед тем, чтобы оправдать эту память, чтобы стать таким же хорошим правителем, каким был он. Ее отец был для девушки все равно что богом. Она не знала, как править, но преисполнилась решимости научиться, приложить максимум усилий для того, чтобы стать для этих людей преданным и добрым правителем, какими они были с ней.

Когда они продвинулись вглубь, вперед вышла большая группа воинов, облаченных в красную броню, увешанную различными медалями. Гвен сразу же поняла, что это элита Силесии.

Они остановились для того, чтобы поприветствовать ее, и один из них в центре – высокий худой мужчина с рыжей бородой и ярко-зелеными глазами – вышел вперед, опустил голову и протянул в своей ладони красивый шелковый алый плащ, сложенный аккуратно.

«Миледи», – тихо произнес он. – «Я дарю Вам этот плащ от имени армии Силесии. Это мантия нашей бывшей госпожи, и его никто не носил уже много лет. Это знак высочайшего уважения, который мы можем предложить. Вы окажете нам честь, если наденете его».

Ни слова не говоря, Гвен протянула руку и осторожно взяла мантию – это была самая мягкая ткань из всех, к которым она когда-либо прикасалась, она таяла в ее руках, пока девушка разворачивала мантию. Гвен была поражена ее сложным дизайном, его сияющей золотой застежкой. Она набросила мантию на плечи и закрепила застежку у основания шеи. Гвен почувствовала себя так естественно, так царственно, надев эту мантию.

Поднялся шум, похожий на мягкое воркование. Подняв глаза вверх, окинув взглядом возвышающиеся стены, поднимающиеся на сотни футов шпили, Гвен увидела среди них небольшие окна, из которых высунули головы люди в красном, производя этот шум. Затем они подняли три пальца к правому виску, после чего медленно отдернули их.

«Что они делают?» – спросил Годфри рядом с ней.

«Приветствие жителей Силесии», – объяснил Срог. – «Это жест любви и уважения».

Гвен не знала, что сказать. Нигде в своей жизни она не чувствовала себя такой любимой. Кроме того, девушка также никогда не ощущала такой ответственности.

Прозвучал звон металла и, обернувшись, Гвен увидела дюжину воинов по обе стороны городских ворот, закрывающих железные решетки после того, как люди из королевского двора вошли внутрь. Гвен вздрогнула от этого звука. Было какое-то завершение в этом. Сейчас они находятся в Силесии. Теперь это их новый дом. Она почувствовала себя хорошо, находясь здесь. Но вместе с тем ощущение было несколько зловещим. В этом лязге Гвен слышала, как они готовят себя к войне.

* * *

Гвендолин сидела в красивых покоях замка, высоко на вершине Силесии, и наслаждалась тишиной. Впервые за долгое время она осталась одна. Снаружи, за закрытой дверью, люди Срога ожидали ее приказания. Но она до сих пор их еще не созывала. Девушка хотела несколько минут побыть наедине с собой.

Это были красивые покои, принадлежащие покойной госпоже. Гвен поднялась и начала медленно прохаживаться по комнате, рассматривая ее. Вырезанные из великолепного красного камня пол и стены были гладкими, древними, обветшалыми, потолки возвышались во впечатляющие арки. Комната была расположена в верхней части замка, лицом на запад, ее широкие, арочные окна выходили на Каньон, открывая обширные виды, заполняющие покои.

Выглянув из окна, Гвен испытала благоговение от внушительного вида. Никогда прежде она не видела такой выгодной позиции Каньона, поскольку замок был построен буквально на краю. Отсюда казалось, словно весь мир был Каньоном, одним большим отверстием, вырезанным

в земле, внутри которого кружили туманы всевозможных цветов. Зрелище было одновременно и захватывающим, и красивым, и мирным, и зловещим.

Гвен посмотрела за пределы Каньона, в далекий горизонт, в Уайльдс, и там, вдали, уловила слабые очертания желтого океана Тартувиана. Ее мысли обратились к Тору, а сердце при этом разбилось. Девушка закрыла глаза и начала неистово молиться о его безопасности. Ей хотелось, чтобы он был рядом – сейчас как никогда. Гвен хотела, чтобы он выжил, чтобы он растил их ребенка вместе с ней.

Гвен опустила руку и поставила ладонь на свой живот, чувствуя ребенка. Она знала, что на таком раннем сроке это невозможно, тем не менее, почувствовала, что стала полнее. Гвен ощутила силу двух людей внутри себя.

Это был ошеломительный день, и Гвен переполняли противоречивые чувства, пока она рассматривала красивый ландшафт. Она пыталась мысленно подготовить себя к роли правительницы, к необходимости благополучно перенести то, что, несомненно, станет самой ужасной осадой в истории Кольца. В некотором смысле девушка не могла избавиться от ощущения, что этот город станет местом ее последнего успокоения.

Гвен постаралась прогнать эти мрачные мысли из своей головы. Она подошла к небольшому каменному фонтану, зачерпнула холодной воды и несколько раз ополоснула лицо. Холодные зимние ветры ворвались в комнату, лаская ее влажное лицо, жая ее. Ощущение было приятным. Она хотела испытывать боль, ей нужно было очнуться, чтобы осознать, где она находится, что вот-вот произойдет. Гвен должна перестать думать о себе, понять, что пришло время править, что люди рассчитывают на нее.

Эта мысль потрясла девушку. Она подумала о своем отце, о том, что сделал бы он, о чем он подумал бы. Отец учил ее всегда излучать ауру уверенности, независимо от того, испытывает она ее или нет. Принимать смелые решения. Не показывать слабости, не колебаться, не отступать. Дать людям то, во что они могут поверить.

Гвен желала снова увидеть своего отца, особенно в такое время, как это. Она все бы отдала за одну только возможность увидеть его здесь несколько минут, чтобы он мог дать ей совет. Всего несколько предложений. Часть ее чувствовала, что отец находится с ней. Гвен услышала крик, выглянула из окна и увидела птицу, исчезнувшую в тумане, что удивило ее.

Девушка прошла по комнате по направлению к винтовой каменной лестнице, которая извивалась до парапетов. Через несколько минут Гвен уже добралась до крыши замка.

Пока она находилась здесь в одиночестве, ощущая холодные порывы ветра, глядя на Каньон, у нее перехватывало дыхание. Девушка повсюду искала Эstofелеса, но не смогла его найти.

Гвен подошла к краю парапетов и окинула взглядом Силесию. Она посмотрела вниз через край Каньона и увидела нижнюю половину города, в которой она еще не побывала, построенную внизу, в сотне футов в глубине самого Каньона. Зрелище было захватывающим. Гвен спрашивала себя, сколько силесианцев живут там внизу, сколько людей рассчитывали на то, что она спасет их. Гвен надеялась на то, что она сможет сделать это.

«Снова прячешься?» – послышался голос.

Гвен тут же почувствовала отвращение при звуке этого голоса. Девушка медленно обернулась, хотя для того, чтобы понять, кто задал ей этот вопрос, Гвен не нужно было этого делать. Когда она узнала этот голос, у нее засосало под ложечкой. А когда она увидела это презренное лицо,

ее подозрения подтвердились – Альтон.

Гвен не могла поверить своим глазам. Он был здесь, этот презренный аристократ, это подобие мужчины, которого она ненавидела больше всего на свете. Он был здесь – этот мальчишка, который пытался разлучить ее с Тором, который наполнил ее голову ложью, который досаждал ей полжизни. Каким-то образом этот маленький негодяй последовал за ее караваном сюда, и каким-то образом ему удалось пройти мимо ее охранников. Гвен не удивилась этому – Альтон был настойчивым, неустанным и превосходным лжецом. И он отлично умел убеждать других в своей принадлежности к королевской семье.

Разумеется, он к ней не принадлежал. В лучшем случае Альтон был королевской особой третьего класса, дальним кузеном ее родителей. Тем не менее, это не мешало ему считать по-другому. Гвен никогда не встречала в своей жизни никого, кто чувствовал бы себя таким титулованным.

Гвен покраснела от гнева. Как он смеет показываться здесь – из всех мест, из всех времен? Он пришел сюда, предполагая, что просто может получить аудиенцию с ней, где ему вздумается, может разговаривать с ней, как ни в чем не бывало, словно отказываясь признавать ее новое положение сейчас. Само его присутствие – такое наглое, необъявленное – было оскорбительным для нее.

«Что ты здесь делаешь?» – холодно спросила Гвен.

«Я шел по пятам за половиной королевского двора», – ответил Альтон. – «Для того чтобы быть с тобой».

«Я очень в этом сомневаюсь», – сказала девушка, видя его ложь насквозь. – «Ты пришел, чтобы спасти свою жизнь».

Альтон пожал плечами.

«Возможно, у меня была двойная цель. На самом деле Гарет выбит из колеи, а королевский двор уязвим. Можно сказать, что я поддался искушению сохранить свою жизнь».

Он улыбнулся и сделал шаг вперед.

«Но я также пришел из-за тебя», – добавил Альтон. – «Чтобы дать тебе еще один шанс».

Гвен фыркнула, возмущенная его высокомерием.

«Дать *мне* еще один шанс?» – переспросила она. – «Ты осознаешь, насколько нелепы твои слова? Ты признаешь безумие в Гарете, но не в самом себе?»

Альтон пожал плечами, ничуть не испугавшись.

«Прошлое есть прошлое», – сказал он. – «Я прощаю тебе твои ошибки. Но мы оба знаем – чтобы ни случилось между нами, это не имеет значения сейчас. Обстоятельства изменились. Вот ты где – королева без короля, правительница без двора. Каждой королеве нужен король. Правители находят силу в паре. Неужели ты и правда думаешь, что сможешь управлять этим большим городом, всеми этими армиями одна?»

Гвен покачала головой. Она не могла поверить в то, насколько жалок он был.

«Я полагаю, что ты представил себя тем, кто придет мне на помощь, кто станет моим партнером в правлении?» – насмешливо спросила девушка.

«А кто же еще?» – гордо ответил Альтон, улыбнувшись еще шире. – «Мы с тобой знаем друг друга с тех пор, как научились ходить. Мы оба из королевской семьи. Народ любит нас».

Гвен снова рассмеялась.

«Неужели?» – спросила она. – «Я и понятия не имела, что народ тебя любит. На самом деле, я даже понятия не имела о том, что они вообще знают о том, кто ты такой».

Теперь пришла очередь Альтона покраснеть от смущения.

Прежде чем он успел снова открыть рот, Гвен подняла руку. С нее было довольно. У нее не было времени на это. Ее ждут более насущные вопросы, которые она должна решить.

«Я не желаю больше слышать ни слова», – сказала Гвен. – «Ты мне не интересен. И никогда не был интересен. И, разумеется, я не собираюсь править с тобой, так же, как не считаю, что ты способен чем-нибудь управлять. Даже самим собой. Не говоря уже о том, что я преданна Тору, а он предан мне. Поэтому ты можешь уйти сейчас же».

Альтон рассмеялся, издав короткий смешок.

«Неужели?» – спросил он. – «Так вот что стоит между нами? Тор? Ты не можешь быть серьезной относительно него. Он бросил тебя из-за какого-то глупого незначительного путешествия. Сейчас он находится в глубинах Империи, и мы оба знаем, что для него нет никакой возможности вернуться».

Альтон подошел ближе с умоляющим видом.

«Признай это, Гвен. Ты знаешь правду. Ты знаешь, что он ушел. Он никогда не вернется. Он оставил тебя одну. Так что, как видишь, теперь ничто не стоит между нами. Пришло время для нашей свадьбы. Если не я, то кто еще? Ты останешься одна в этом мире. Не бойся. Ты можешь признаться в своих настоящих чувствах ко мне».

Гвен закипела от гнева.

«Я скажу это лишь один раз», – медленно произнесла она. – «Слушай внимательно, потому что это последний раз, когда ты услышишь эти слова. Я тебя не люблю. Я не хочу видеть твое лицо. Я не хочу слышать твой голос. Если ты снова придешь ко мне без предупреждения, я прикажу тебя арестовать. А теперь оставь меня».

После чего Гвен повернулась к нему спиной и сделала два шага вперед, снова глядя через парапеты, рассматривая Каньон. Ее сердце бешено колотилось в груди, и она молилась о том, чтобы в этот раз Альтон понял ее слова и ушел, чтобы она никогда больше не увидела его лица. Девушка тряслась от гнева из-за его самонадеянности, и она не хотела делать что-нибудь опрометчиво.

Гвен не слышала звук его удаляющихся шагов. Она уже собиралась обернуться и посмотреть, когда внезапно почувствовала, как сильная рука закрывает ее рот, а другая обвилась вокруг нее и схватила девушку за грудь. Альтон крепко держал ее, даже когда она начала сопротивляться, и оказался на удивление сильным для такого худого и костлявого мальчишки. Он сделал несколько шагов вперед вместе с ней, перегнув ее через край парапетов.

Сердце Гвен ушло в пятки, когда она посмотрела прямо вниз на высоту падения и поняла, как близка она к тому, чтобы быть выброшенной через край.

«Ты видишь это падение перед собой?» – крикнул Альтон. – «Видишь, что я могу сделать? Признайся в своей любви ко мне. Признай это! Если ты не признаешь, то я...»

Гвен вдруг вспомнила все, чему воины отца учили ее. Девушка вспомнила, что на ней сапоги с деревянными каблуками и, подняв высоко ногу, быстро наступила на палец на ноге Альтона.

Он закричал как девчонка, ослабив хватку. Гвен освободила одну руку, вытянула ее вперед и ткнула Альтона локтем в солнечное сплетение.

Альтон стал жадно хватать ртом воздух и опустился на колени, хрипя.

После чего молодой человек поднял на Гвен глаза, полные смерти, поднялся, снова готовясь наброситься на нее.

Гвен потянулась за кинжалом на поясе, собираясь снять его.

Но внезапно Альтон закричал и упал на колени.

Гвен увидела стоявшего за ним Штеффена и поняла, что он сильно ударил Альтона по пояснице. Штеффен схватил молодого человека за волосы, потащил его голову к небу, снял с пояса кинжал и крепко прижал его к горлу Альтона.

«Одно Ваше слово, миледи», – произнес Штеффен. – «И этот кусок дерьма исчезнет из анналов истории МакГилов».

«Пожалуйста, пожалуйста!» – захныкал Альтон. – «Пожалуйста, не делайте этого! Я этого не хотел. Я всего лишь хотел быть с тобой!»

Альтон казался жалким, стоя на коленях, хныча, моля о пощаде.

«Я должна была бы велеть ему перерезать тебе горло прямо сейчас», – кипела от гнева Гвендолин, все еще не придя в себя после того, как он перегнул ее через край парапетов. Мысль о том, насколько близка она была к падению, напугала ее.

«Пожалуйста!» – умолял Альтон. – «Ты не можешь убить меня! В конце концов, я член королевской семьи! Тебе запрещено прикасаться ко мне!»

Внезапно началась какая-то суматоха и несколько человек ворвались на крышу. Группу, состоящую из Колька, Брома и нескольких членов Серебра, возглавлял Срог. Они все подбежали к ней, когда несколько воинов грубо схватили Альтона и, дернув его на ноги, держали молодого человека на месте.

«Миледи», – сказал Срог, тяжело дыша. Он выглядел смущенным. – «Примите мои самые смиренные извинения. Каким-то образом этот мальчишка проскользнул мимо стражи. Он сказал им, что является членом королевской семьи и что он – Ваш родственник».

Гвен все еще трясло после этой встречи, но она не осмелилась показать этого.

«Я благодарю Вас за заботу», – сказала она, пытаясь использовать царственный голос, стараясь войти в роль, которую они ждали от нее. – «Но я в порядке. Он всего лишь глупый мальчишка, и мне на помощь пришел Штеффен».

Срог с благодарностью кивнул Штеффену.

«Закон Силесии гласит, что любой, кто поднимет руку на короля или королеву, должен быть предан смерти», – сообщил Срог.

«НЕТ!» – закричал Альтон, рыдая, как ребенок. – «Пожалуйста! Вы не можете!»

Гвен бросила на него взгляд, качая головой. Несмотря на то, каким жалким он был, ей была невыносима мысль о его убийстве, даже при том, что он заслужил смерть.

«Милорд», – обратилась Гвен к Срогу. – «Я новичок здесь, поэтому я прошу об одолжении. В этот раз я бы попросила Вас обойти Ваш закон. В данном случае я бы не хотела, чтобы его убили. Я бы хотела какую-то менее радикальную форму правосудия».

«Как пожелаете, миледи», – ответил он. – «Что Вы имеет в виду?»

Гвен задумалась, пытаясь найти способ избавиться от присутствия Альтона навсегда.

«Что ж, видя то, как этот молодой человек утверждает, что он является членом королевской семьи, давайте предоставим ему право сражаться с воинами. Дайте Альтону броню и оружие, и отправьте его на поле с общими войсками сражаться на линии фронта».

«Нет, миледи!» – крикнул Альтон. – «Я не воин!»

«Тогда тебе следует научиться им стать», – сказала Гвен. – «Может быть, ты сможешь применить свои боевые навыки против нашего врага, вместе того, чтобы пользоваться ими против незащитной женщины. Уведите его», – приказала Гвендолин.

Стража поспешила выполнить ее приказания, оттащив Альтона прочь, пока он кричал, протестуя, весь путь.

«Мудрое решение, миледи», – сказал Срог в восхищении.

«Миледи, есть еще более важные вопросы», – вперед вышел Бром. – «Мы получаем сообщения о мобилизации армии Андроникуса. Сложно отделить правду от слухов. Но если большинство сообщений являются правдивыми, возможно, у нас не так много времени для того, чтобы подготовиться, как мы думаем. Мы должны сделать наши последние приготовления и немедленно запереть этот город».

«Этот город был построен с наружным слоем обороны», – добавил Срог. – «Для таких времен, как эти. Мы можем опечатать наши внешние ворота, но как только мы это сделаем, их нельзя будет открыть. Никто не сможет ни войти, ни выйти».

Гвен задумалась. Она знала, что им нужно подготовиться, но она пока не была готова опечатать город.

«Мой брат Кендрик все еще снаружи», – сказала она. – «Так же, как Торгрин и другие храбрые члены Легиона. Я не хочу опечатывать город до тех пор, как у них есть шанс вернуться».

«Да, миледи», – сказал Срог.

Гвен отчаянно надеялась на то, что Тор сможет вернуться до того, как они опечатают городские ворота. Тем не менее, девушка с грустью осознавала, испытывая боль, что это, вероятно, невозможно. Ей была ненавистна мысль о том, что он останется снаружи.

«Миледи, есть еще один вопрос», – добавил Срог, прокашлявшись, явно колеблясь. – «Этот город был построен с туннелями для побега, глубоко под поверхностью. Если мы окажемся в тяжелых условиях, для некоторых из нас есть способ выйти отсюда. Способ для Вас выйти отсюда. Если мы будем полностью окружены, и наши укрепления упадут, Андроникус уничтожит всех нас. Мы можем доставить Вас в безопасное место. За этими стенами. Далеко отсюда».

Это предложение тронуло Гвен, но она медленно покачала головой.

«Я очень признательна», – сказала она. – «Но я никогда не брошу никого из вас. Или этот город. Вы впустили меня сюда. Я буду считать его своим домом. Если Силесия падет, мы все погибнем вместе. Не будет никакого бегства. Даже для меня».

Мужчины посмотрели на нее по-другому, и она прочитала уважение в их глазах. Впервые Гвен начала ощущать себя правительницей. Настоящей правительницей. Девушка почувствовала, что значит править, подавать пример.

Гвендолин отвернулась и посмотрела на Каньон, на кружащиеся туманы, освещенные заходящим солнцем, и снова подумала о Торе.

«Пожалуйста, Тор», – просила она. – «Возвращайся ко мне».

Глава десятая

Тор вплотную следовал за мальчиком, остальные члены Легиона держались поблизости, пока они, наконец, не вышли из густой листвы джунглей. На небе задержалось второе солнце. Это был трудный поход назад со дна кратера, куда отнес их оползень. Казалось, что им ни на миг не удалось прекратить скольжение, Тор и его друзья были полностью покрыты грязью после того, как они скользили сотни футов в огромную грязевую яму. Им пришлось приложить усилия для того, чтобы вернуться обратно к вершине, и на это ушло много времени.

А теперь уже практически наступила темнота, мальчик начал беспокоиться еще больше, чем прежде, постоянно глядя на небо. Казалось, что он почувствовал огромное облегчение, когда они вышли на большую поляну в джунглях, которую Тор увидел впервые. Какое-то время он был уверен в том, что они никогда не выберутся на поверхность из той грязевой ямы и что им никогда не удастся выбраться из этих джунглей.

Тор удивился, увидев перед собой огромную поляну, растянувшуюся, возможно, на сотню футов в каждом направлении, в центре которой находился небольшой дом. Из трубы поднимался дым, поскольку температура резко упала за последний час, когда начала опускаться ночь. Было поразительно видеть этот дом здесь – жилище посреди такой огромной пустыни, окаймленное деревьями, которые достигали неба. Тор и его собраты обменялись удивленными взглядами. Тор спрашивал себя, кто может жить здесь, в этом одиноком доме посреди этой дикой местности. Это было так неожиданно.

«Моему дедушке не нравится большинство людей», – сказал мальчик, обернувшись к ним. – «Ждите здесь, позвольте мне поговорить с ним. Надеюсь, что мы застанем его в хорошем настроении, и он разрешит вам остаться здесь на ночь».

«Спасибо», – поблагодарил Тор. – «Но нам не нужно оставаться на ночь здесь...»

Но не успел он договорить, как мальчик уже исчез, войдя в дом своего дедушки.

Когда небо потемнело, странные ночные птицы начали производить всевозможные звуки. Тор откинулся назад и посмотрел на возвышающиеся деревья, уходящие в небо. Они поднимались так высоко, что он едва мог видеть их вершины. Тор был поражен необъятностью здешней природы.

Внезапно из дома раздался крик, и Тор посмотрел на своих друзей, стесненно переминаясь с ноги на ногу, спрашивая себя, что же делать. С одной стороны, он не хотел оставаться здесь на ночь, ему хотелось продолжить путь. Тем не менее, молодой человек также хотел познакомиться с этим стариком и выяснить, знает ли он что-нибудь о Мече, прежде чем они пойдут дальше.

В эту минуту распахнулась дверь, и из дома вышел мужчина средних лет, пригнувшись в дверях. Он был лысым, но с обеих сторон виднелись седые волосы, у него был большой нос, узкие карие глаза и двойной подбородок. Мужчина был облачен в изношенный плащ, который был чуть лучше обносок. Он остановился перед группой молодых людей и уставился прямо на Тора. Было видно, что мужчина раздражен.

«По какому праву вы заставили моего внука привести вас сюда?» – сердито потребовал он ответа.

«Мы ни к чему не вынуждали Вашего внука!» – возразил Тор. – «Он предложил взять нас...»

«А откуда мне знать, что вы не из Империи?» – настаивал мужчина, опустив руку вниз и сжав рукоять своего меча, свисающего с пояса.

Тор и другие члены Легиона тоже инстинктивно потянулись к своему оружию, поскольку они не знали точно, насколько агрессивным может стать этот мужчина.

«Судя по вашей одежде, кажется, что вы не местные», – заметил старик. – «Но что если это всего лишь уловка? Что если вы являетесь шпионами Империи?»

Тор почувствовал, что лучший способ договориться с этим настороженным стариком – это доброта, поэтому он невинно поднял руку и сделал шаг вперед.

«Сэр, мы не хотели обидеть Вас», – сказал он как можно более мягким тоном. – «Мы не являемся членами Империи. Мы прибыли сюда из Кольца. Мы ищем определенный меч, который был похищен из нашего королевства. Мы не хотим причинять вреда. И если Вы пожелаете сказать нам, в каком направлении его унесли, мы продолжим свой путь. Если же нет, тогда мы просто сейчас уйдем и оставим вас в покое. В любом случае мы благодарны Вашему внуку за его доброту и за наше спасение. Мы в большом долгу перед ним».

Мужчина внимательно окинул Тора взглядом сверху вниз, долго рассматривал его, после чего, наконец, расслабился. Он отпустил рукоять своего меча, и напряжение с его лица тоже спало.

«Я слышу это в твоём голосе», – сказал старик. – «Акцент. Вы на самом деле пришли из Кольца. Прошло много лет, слишком много лет, с тех пор, как я был там. Красивое место. Я очень скучаю по нему».

Мужчина окинул всех их взглядом, после чего, наконец, расслабил плечи.

«Простите меня за такую резкость в суждении», – добавил он. – «Мы живем здесь одни, и никогда нельзя быть до конца уверенным. Добро пожаловать. Я хочу, чтобы вы остались. А теперь быстро заходите в дом», – сказал старик, делая жест руками, глядя на деревья так,

словно боялся, что нечто может напасть на них.

Тор посмотрел на Рису и остальных членов Легиона, которые кивнули в ответ и все, как один, вошли в дом старика. Он последовал за ними и закрыл дверь, забаррикадировав ее большим металлическим шестом.

«Присаживайтесь, пожалуйста», – сказал старик, войдя в дом.

Тор осмотрел уютный дом и убедился в том, что комната была достаточно просторной для того, чтобы вместить их всех. Полы были застелены мхом, в камине потрескивал небольшой огонь. Здесь пахло едой, отчего в желудке у Тора заурчало. Должны быть, Крон тоже учуял этот аромат, потому что он начал скулить.

Мальчик поспешил выполнять поручение своего дедушки, отправившись к блюду с неизвестными Тору фруктами. Тор и его товарищи схватили по одному фрукту и, когда Крон заскулил, мальчик взял с блюда кусок, наклонился и протянул леопарду. Крон схватил этот кусок из его руки, съел его за секунду, скорчил смешную рожицу, несколько раз облизнулся, после чего заскулил опять. Мальчик рассмеялся.

Тор рассматривал кусочек фрукта. Он был похож на инжир, только намного больше размером, красного цвета, покрытый каким-то мхом.

«Что это?» – спросил Тор.

«Это мулис», – ответил ребенок.

«Попробуйте его», – вмешался старик. – «Он горьковатый, но вместе с тем сладкий. Он даст вам энергию после долгого дня похода».

Тор поднес фрукт к носу, чей запах был не похож ни на что, что ему приходилось нюхать – своего рода гибрид лука с лимоном. Кончиками пальцев он почувствовал, что фрукт прилипает к его руке. Как и его друзья, Тор поднял его и неуверенно надкусил.

Его вкус поразил Тора – он был невероятно вкусным, и даже этот маленький кусочек дал ему прилив энергии. Тор жадно проглотил его и облизнул свои пальцы, уже чувствуя себя новым человеком.

Тор сидел вместе с остальными на груде мехов на полу, растянувшись у огня. К нему подошел Крон и положил свою голову ему на колени. Тор удивился тому, как хорошо он чувствовал себя, сидя здесь, пока боль в ногах медленно отступала. Он не осознавал, как долго они находились на ногах, как сильно болели его мышцы. Кроме того, после столкновения с тем животным они были покрыты синяками. Эти меха были такими мягкими и удобными, что Тору казалось, он может уснуть сидя.

Но Тор подумал о Кольце, которое подвергается атаке, о том, насколько срочное дело они должны осуществить, и он не хотел терять больше времени. Молодой человек наклонился вперед.

«Мы очень благодарны за Ваше гостеприимство», – обратился Тору к старику. – Но, боюсь, что у нас немного времени. У нас срочное дело. Мы должны найти Меч. Пожалуйста, расскажите нам, куда его отнесли, чтобы мы смогли отправиться в путь».

Старик сел на мех по другую сторону огня, откинувшись назад рядом с мальчиком.

Он посмотрел на молодых людей и покачал головой.

«Вы не можете вернуться туда», – сказал он. – «Не сейчас. Неужели вы не видите? Второе солнце клонится к закату».

«Я говорил им, дедушка!» – сказал мальчик.

«Мы ценим ваше предостережение», – произнес Тор. – «Но, как я сказал, у нас срочное дело, и мы не боимся насекомых».

Старик фыркнул.

«Вы не понимаете», – сказал он. – «Никто не может находиться снаружи ночью. *Никто*. Вы не продержитесь и часа. После наступления темноты, в то время, когда поднимается первая луна, начинаются дожди. Никто не может выжить снаружи во время дождей».

«И почему же никто не может пережить ливень?» – спросил Рис.

Мужчина обернулся и посмотрел на него, прищурившись.

«Потому что это не ливень», – сказал он. – «С неба падает не вода, молодой человек, а этабагс».

«Этабагс?» – переспросил Элден.

«Вид пауков, но больше размером и намного опаснее. В этой части Империи каждую ночь небо проливает их на землю. Вы услышите, как они падают рядом с нашим домом. Это будет длиться около часа, после чего они побегут по дороге. Но если вы будете находиться снаружи в это время, вне укрытия, с вами будет покончено. Я видел, как эти твари в течение пяти минут сжирают взрослого слона. Нет, вы останетесь здесь. А с первыми лучами солнца вы можете отправляться в путь».

Тор и его товарищи обменялись удивленными взглядами, и молодой человек поразился тому, насколько это место отличается от Кольца. Подумав об этом, Тор осознал, как сильно он устал, и в то время как разуму не терпелось отправиться в путь, его тело отказывалось подчиняться. Его товарищи тоже выглядели истощенными, и он не мог их винить. Тор понял, что быть лидером иногда означает вдохновлять других людей продолжать, но иногда это также означает позволить им отдохнуть. И если этот старик не преувеличивает – а Тор подозревал, что тот говорит правду – тогда он был благодарен за то, что они нашли это укрытие, а также за гостеприимство этого человека. Он не хотел размышлять о том, что могло бы произойти, если бы они в это время оказались на улице.

«В таком случае мы очень благодарны и за Ваше предупреждение, и за Ваше гостеприимство», – сказал Тор. – «Спасибо за то, что пригласили нас».

Старик пожал плечами.

«Приятно время от времени иметь компанию. Особенно из Кольца. Я провел лучшие годы своей молодости там. Прекрасное место».

Глаза Тора широко распахнулись от удивления. Этот человек бывал в Кольце?

«Тогда что же Вы делаете здесь?» – спросил О’Коннор.

Мужчина опустила глаза вниз, подождал несколько секунд и погрузился в молчание.

«Прощу прощения», – сказал О’Коннор. – «Я не хотел совать нос не в свое дело».

Старик продолжал молчать еще какое-то время, после чего, наконец, сделал глубокий вдох.

«Я был молод, когда в моей жизни произошла трагедия. Я думал, что лучшее, что я могу сделать, – это начать с чистого листа. Я думал отправиться на запад, за пределы Каньона, переплыть Тартувиан и оказаться в Империи. Я хотел отправиться в дебри. Допускаю, что в то время какая-то часть меня хотела, чтобы меня убили. Мои беды поглотили меня, и я искал легких путей».

«Но этого не произошло. Каким-то образом мне удалось выжить. И тогда мне понравилось выживать. Я жил здесь один все эти годы, до прибытия моего внука. Теперь мне есть для чего жить. И, несмотря на всех этих животных, я научился любить здешнюю жизнь. Я путешествовал по всей Империи, видел места и вещи, которые вам сложно представить. Это обширные, огромные земли, затмевающие Кольцо. Вы не жили, если не видели их все. Не только саму Империю, и не только острова. Но также Земли Драконов и Земли Друидов».

«Земли Друидов?» – спросил Тор, присев, стряхивая с себя сонливость. – «Вы там были?»

Мужчина кивнул.

«Так близко, насколько можно подойти. Это волшебное место. В Империи много волшебных мест. Она вся была разрушена Андроникусом, его армией, которая находится повсюду. Его патрули вездесущи, именно поэтому я не выхожу отсюда, из глубин джунглей. Любой, кого они поймают, отправится в плен, или же из него сделают воина или раба. Его армия рабов на самом деле больше, чем его армия солдат. Он должен доминировать надо всем, над каждой душой».

Старик вздохнул.

«Я научился довольно хорошо прятаться от них. Они никогда не ловили меня и никогда не поймают. Ни меня, ни моего внука. Я хочу, чтобы так и было. Поэтому я осторожен с новыми посетителями, вроде вас. Я не хочу, чтобы кто-нибудь выдал мое укрытие».

Тор и его товарищи посмотрели друг на друга, ошеломленные рассказом мужчины.

«Можете ли Вы рассказать нам то, что Вы знаете о Мече?» – спросил Тор.

Мужчина долго смотрел на Тора, после чего, наконец, отвел взгляд.

«В тот день я видел дюжины мужчин. Они тоже прибыли из Кольца. Они неловко передвигались через джунгли. Их сопровождали несколько воинов, которые представляли собой грозную силу. Они оставили широкий след. За ними легко проследить. Хотя, разумеется, джунгли каждый день поглощают сами себя, так что пока след свежий, он исчезает. Но я наблюдал за ними. Я знаю, куда они ушли».

«И где это было?» – спросил Рис.

Тор подумал, что он увидел в глазах мужчины нечто похожее на страх.

«Они пошли по дороге в Город Рабов».

«Город Рабов?» – переспросил Элден.

Старик кивнул.

«Это около в десяти милях к западу отсюда. Здесь мы находимся на краю джунглей. Отсюда есть только одна дорога. Но я предупреждаю вас – Город Рабов носит подходящее название. Там сотни тысячи рабов, каждый из которых служит Андроникусу. И столько же стражников. Оказавшись внутри этого города, вы не сможете оттуда выбраться».

«Но почему они отнесли Меч туда?» – спросил Конвал.

«Я не сказал, что они отнесли его туда», – ответил старик. – «Я сказал, что они отправились по той дороге. Они могли пойти куда угодно».

«Тогда с первыми лучами солнца мы должны последовать за ними», – сказал Тор.

Старик покачал головой.

«Войдя в Город Рабов, вы отдадите себя в плен. Особенно учитывая тот факт, какую небольшую боевую силу вы собой представляете. Это самоубийство».

«У нас нет выбор», – настаивал Тор. – «Мы прибыли сюда для того, чтобы найти Меч. И мы должны последовать за ними, куда бы они ни отправились».

Старик опустил голову и грустно покачал ею.

«Вы покажете нам дорогу?» – спросил Тор. – «Утром?»

«Это ваша смерть», – ответил мужчина. – «Я могу показать вам, как добраться оттуда куда угодно».

Удовлетворенный Тор откинулся на меха, но когда он протянул руку, то внезапно почувствовал, что обжег ее. Молодой человек быстро отдернул руку, закричав от боли.

Он обернулся, рассчитывая увидеть огонь, но ничего не заметил. Тор спрашивал себя, что же произошло, что причинило ему эту боль.

«Я же сказал тебе, чтобы ты закрыл те ставни, мальчик!» – крикнул старик.

Мальчик подбежал к Тору и быстро закрыл деревянные ставни позади него. Посмотрев внимательнее, Тор понял, что он сидел возле открытого окна. Он недоумевал, глядя на свою руку, на которой теперь красовался небольшой ожог.

«Что обожгло мою руку?» – спросил Тор.

«Лунный свет», – ответил мальчик.

«Лунный свет?» – переспросил потрясенный Тор.

«В этих краях он сильный. Никогда не стойте прямо в его свете. Он сожжет вас».

«Вас может обжечь только первая луна», – добавил старик. – «Она начнет убывать через несколько часов, после того как уйдут пауки. Под второй луной неопасно ходить».

Тор потерял свою руку и откинулся назад, удивляясь этому месту. Он чувствовал, что находится в миллионе миль от дома. Какой-то части его казалось, что он никогда туда не вернется.

«Принеси мясо», – приказал старик. Мальчик пересек комнату, после чего появился с блюдом, переполненным мясом.

Тор и остальные – особенно Крон – оживились, открыли сонные глаза и наклонились вперед. Тор не осмелился спросить, что это за мясо, не зная названия каких-либо животных, обитающих в этих местах. Но запах был потрясающий и, когда мальчик поднес блюдо ближе, Крон чмокнул губами и заскулил. Мальчик рассмеялся и сначала угостил Крона, отрывая кусок и бросая его в воздух. Он рассмеялся еще звонче, когда леопард схватил мясо. Крон завилял хвостом, унося свой кусок в угол комнаты, где принялся жевать его.

Тор улыбнулся, когда он и его друзья воспользовались палками, чтобы поднять куски мяса с блюда. Мальчик и старик сделали то же самое, и все они уселись поудобнее, с наслаждением поедая свой ужин. Тор откусил кусок, удивившись тому, насколько ароматным – и жестким – является это мясо. Он почувствовал, как с каждым куском к нему возвращается энергия.

Затем мальчик принес мех с вином и кубки, передавая и наполняя их вином. Тор сделал глоток, и крепкая жидкость сразу уже ударила ему в голову.

Полный желудок и крепкое вино помогли Тору расслабиться, и он почувствовал, что засыпает. Но он прогнал сон. Он был лидером этой группы и пока не мог позволить себе пойти спать. Молодой человек хотел убедиться в том, что сначала уснула его группа.

Пока они все сидели в кругу, комната погрузилась в уютную тишину. Вскоре в комнате раздался храп старика и сопение мальчика. Крон подошел к Тору, положил голову ему на колени, закрыл глаза и тоже уснул.

Тор и его собратья продолжали бодрствовать. Они сидели с широко раскрытыми глазами, уставившись в огонь. Они видели сегодня слишком много и теперь каждый из них, несмотря на усталость, сидел как на иголках. Над ними повисла мрачная, невысказанная тишина, словно все они знали, что это путешествие приведет их к смерти.

«Вы когда-нибудь думали о том, насколько другой была ваша жизнь до того, как вы вступили в Легион?» – спросил О’Коннор.

«Какой смысл думать об этом сейчас?» – ответил вопросом на вопрос Элден.

О’Коннор пожал плечами.

«Иногда я думаю о том, что оставил позади», – сказал он. – «Не то чтобы я жалел об этом. Мне просто интересно. Как по-другому могла бы сложиться жизнь. Знаете, иногда я скучаю по своей деревне, по своей семье. Полагаю, что больше всего я скучаю по своей сестре. Теперь, когда пал щит и вот-вот вторгнется Империя, я думаю о ней, о том, что она осталась там одна. Я не знаю, увижу ли я ее снова».

«Если нам удастся вернуться вовремя», – сказал Тор. – «Мы спасем ее».

О’Коннор задумался – очевидно, слова Тора его не убедили.

«Я хотел стать кузнецом», – сказал Элден. – «Мой отец привел меня в Легион. Он и сам пытался к ним присоединиться, когда был молодым, но его не взяли. Он хотел, чтобы я добился того, что не удалось ему. И я рад, что сделал это. Моя жизнь была бы менее значительной, если бы я не вступил в Легион. Я бы не увидел и половину то, что повидал».

«У нас были невесты, которые ждали нас в нашей деревне», – сказал Конвал. – «Мы оба были помолвлены и собирались пожениться. Двойная свадьба. Легион изменил это. Они сказали, что будут нас ждать».

«Но мы в этом сомневаемся», – добавил Конвен.

Задумавшись об этом, Тор осознал, что не скучал ни по кому и ни по чему в своей деревне. Легион был его жизнью, всей его жизнью. И в глазах своих друзей он видел, что Легион был и их жизнью тоже. Они стали не просто друзьями друг для друга, они стали настоящими братьями. Они были всем друг для друга.

«Я больше не общаюсь со своей семьей», – сказал Элден.

«И я», – произнес О'Коннор.

«Теперь мы являемся семьей друг для друга», – вставил Рис.

Тор осознал, что это правда.

Внезапно раздался стук по крыше, напоминающий град. Он стал громче и Тор со своими товарищами с тревогой посмотрели на потолок, который, казалось, вот-вот осядет. Старик и мальчик проснулись и тоже посмотрели вверх.

«Дожди», – заметил старик.

Звук был ужасным и всепоглощающим, казалось, что с неба сыплются мелкие камешки. Как будто этого было недостаточно, звук сопровождался ужасным визгом тысяч насекомых. Могло показаться, что насекомые жевали на крыше и пытались проникнуть внутрь. Глядя вверх, Тор был благодарен за преграду, защищающую их от того, что происходило снаружи, что этот человек не оставил их ночью в джунглях.

После того, как, казалось, прошли часы, шум, наконец, прекратился и шипение утихло. Мальчик подпрыгнул на ноги, пересек комнату, открыл дверь и выглянул наружу.

«Сейчас там безопасно», – сказал он.

Все, как один, молодые люди вскочили с пола, поспешили к двери и выглянули на улицу.

Вдали Тор увидел тысячи огромных черных насекомых, которые уползали от них, направляясь в джунгли.

«Лунный свет сейчас тоже безопасен», – сообщил мальчик. – «Как видите, это вторая луна. Вы можете понять это по фиолетовому свету».

Тор вышел наружу, вдыхая холодный ночной воздух. Джунгли были наполнены тихими ночными звуками, и Тор удивленно всмотрелся в темноту.

«Сейчас безопасно, но не оставайтесь снаружи слишком долго», – сказал мальчик.

Рис тоже вышел наружу и присоединился к Тору, в то время как ребенок поспешил вернуться в дом и закрыл за ними дверь. Оба друга стояли перед домом, глядя в небо, на огромную фиолетовую луну, на мерцающие красные звезды. Это место было еще более фантастическим, чем Тор представлял.

«Мы можем умереть завтра», – сказал Рис, продолжая смотреть в небо.

«Я знаю», – ответил Тор. Он думал о том же самом. Их шансы против воинов Империи казались невозможными.

«Если это произойдет, я хочу, чтобы ты знал, что ты мой брат», – сказал ему Рис. – «Мой *настоящий* брат».

Рис выразительно посмотрел на Тора, и тот, протянув руку, сжал его предплечье.

«Так же, как и ты – мой», – сказал Тор.

Глава одиннадцатая

Хафольд спешила через покои Королевы, неся ее завтрак, как делала каждый день на протяжении тридцати пяти лет свой службы у Королевы. Хафольд была пунктуальной женщиной, которая всегда придерживалась расписания без заминки. Она прошла по каменным покоем, приготовив для Королевы кашу. Хотя сегодня она шла вдвое быстрее. Впервые за все эти годы ее службы она опаздывала. Женщина ворочалась с боку на бок всю ночь, поскольку ее тревожили мрачные, зловещие сны – первые кошмары в ее жизни. Хафольд снился королевский двор, объятый огнем, заживо сгоревшие люди, которые кричали вокруг нее.

К тому времени, когда она проснулась, первое солнце уже высоко поднялось в небо, и Хафольд выпрыгнула с кровати, растерявшись. Она чувствовала себя ужасно при мысли о том, что заставила Королеву ждать, что появится перед ней в такой поздний час. Как правило, Хафольд приходила первая, за ней появлялась вторая служанка, которая приносила поздний утренний чай. Теперь же Хафольд стыда не оберется из-за того, что придет вместе со второй служанкой. Женщина не переносила некомпетентности в других, она также ненавидела ее и в себе.

Хафольд опустила голову и ускорила свой шаг, крепко неся поднос трясущимися руками в надежде на то, что Королева не расстроится из-за нее. Разумеется, учитывая неподвижное состояние Королевы, она вряд ли была способна выражать удовольствие или неудовольствие. Но Хафольд чувствовала наименьшие движения Королевы. После всех этих многих лет Королева стала ей и матерью, и сестрой, и дочерью – всем в одном лице. Хафольд заботилась о ней больше, чем о ком-либо другом в королевском дворе – даже больше, чем о ком-либо в своей собственной семье.

Хафольд свернула за угол, думая о том, как она может загладить свою вину перед Королевой и, подняв голову, женщина увидела ее вдалеке, сидящую в своем стуле у окна, пустыми глазами уставившись во двор, как делала на протяжении уже нескольких недель. Там, рядом с ней, стояла ее вторая служанка с чаем в руке – как раз вовремя. Это была молодая девушка, новенькая в королевском дворе. Она аккуратно налила чай в сияющую золотую чашку.

Хафольд не хотела беспокоить их, поэтому она тихо вошла, подкравшись сзади без единого звука. Ее мягкие носки приглушали звуки шагов по каменному полу. Приблизившись и приготовившись объявить о себе, женщина внезапно остановилась. Что-то было не в порядке.

Хафольд увидела, как служака быстро потянулась к своему жилету, вынула маленький мешочек, насыпала белый порошок в чай Королевы, после чего всунула его обратно в свой карман. Затем она передала чашку Королеве, вручив ее в вялую руку женщины и поднеся чашку к ее рту, как поступала всегда.

Ужас охватил сердце Хафольд, она уронила серебряное блюдо, из-за чего оно пол разбилось хрупкие тарелки, и бросилась к Королеве. Она протянула руку и выбила чашку из-под ее губ. Хрупкий фарфор рассыпался на осколки на полу как раз вовремя.

Служанка отскочила назад, глядя на Хафольд широко распахнутыми глазами, и та набросилась на нее, грубо схватив девушку за рубашку, распахнув ее жилет и вынимая наполненный порошком мешочек. Хафольд понюхала порошок, коснулась кончиком пальца и попробовала его. Хафольд зарычала на девушку, которая выглядела невероятно напуганной.

«Корень Ньямы», - умело определила Хафольд. - «Почему ты даешь это Королеве? Знаешь ли ты, как он влияет на человека?»

Девушка тупо уставилась на нее, дрожа.

Ярость Хафольд усилилась. Это был токсичный яд, предназначенный для того, чтобы медленно убивать мозг. Почему эта служанка дает Королеве яд? Судя по тому, насколько молода и глупа эта девчонка, Хафольд поняла, что за этим стоит кто-то еще.

«Кто велел тебе сделать это?» - спросила женщина, схватив служанку еще крепче. - «Кто заставил тебя отравить королеву? Как долго все это длится? ОТВЕЧАЙ МНЕ!» - крикнула она, отведя руку назад и ударив девушку изо всех сил.

Служанка закричала, ее тело затряслось, и она произнесла в перерывах между рыданиями:

«Король! Король заставил меня сделать это! Он угрожал мне. Это его приказы. Мне очень жаль!»

Хафольд затряслась от гнева. Гарет. Родной сын Королевы. Травит свою мать. От мысли об этом женщине стало плохо.

«Как долго?» - спросила Хафольд, вдруг спросив себя, насколько состояние Королевы на самом деле связано с тем приступом, который она перенесла.

Девушка плакала.

«Со дня смерти ее мужа. Мне жаль. Я не знала. Он сказал, что это для ее здоровья».

«Глупая девчонка», - крикнула Хафольд и отшвырнула ее через комнату. Служанка закричала, оступившись, и побежала по покоем, всю дорогу рыдая.

Хафольд опустилась на колени рядом с Королевой, рассматривая ее в совершенно новом свете. После всех этих лет, которые она прослужила сиделкой, Хафольд знала точно, что может сделать корень Ньямы. Но вместе с тем она знала и то, как излечить после него. Действие этого яда не является постоянным, если вовремя его предотвратить.

Хафольд подняла веки Королевы, увидела под ними желтоватый цвет и убедилась в том, что Королева стала жертвой отравления. Хафольд была уверена, что именно по этой причине ее госпожа впала в это неподвижное состояние - не из-за того, что она оплакивала своего погибшего мужа, а из-за того, что ее травил сын.

Она вынуждена была отдать Гарету должное - он выбрал идеальное время, чтобы травить мать, чтобы заставить весь мир поверить в то, что Королева просто горевала. Гарет оказался гораздо хитрее, чем она думала.

Хафольд прошла по комнате, порылась в каждом ящике своей аптечки и нашла желтую жидкость, которая была ей нужна. Трясушимися руками женщина смешала капли в чашке воды, после чего поспешила вернуться и влила жидкость Королеве в рот, заставив ее выпить.

Королева все пила и пила, трясая головой, пытаясь остановиться, но Хафольд заставила ее выпить все до последней капли.

После того как Королева, протестуя, опустошила чашку, она, наконец, покачала головой, потянулась и оттолкнула руку служанки.

Хафольд была поражена и счастлива. Впервые за все эти недели Королева подняла руку.

«Что ты заставляешь меня пить?» – спросила она.

При звуке ее голоса, при первых произнесенных словах Хафольд подпрыгнула от радости, понимая, что Королева вернулась. Женщина потянулась и обняла Королеву – она обняла ее впервые за все тридцать пять лет службы у нее.

Королева, став прежней, поднялась и возмущенно ахнула.

«Моя Королева, моя Королева!» – воскликнула Хафольд. – «Вы вернулись ко мне!»

Королева оттолкнула ее, когда к ней вернулась гордость.

«О чем ты говоришь?» – спросила она. – «Вернулась куда?»

«Вас отравили», – объяснила Хафольд. – «Гарет отравил Вас!»

Глаза Королевы медленно распахнулись шире от осознания смысла ее слов, и вдруг она все поняла.

«Отведи меня к нему», – приказала Королева.

* * *

Королева МакГил шла по коридорам королевского двора – по коридорам, которые она знала слишком хорошо – чувствуя себя, как прежде. Рядом с ней шла Хафольд. Впервые за очень долго время она отдавала себе отчет в том, что происходит. Королева также чувствовала, как ее переполняют гнев и желание противостоять своему сыну.

С каждым шагом, который делала Королева, она все больше приходила в себя, все больше понимала, что именно произошло, и какую роль сыграл в этом ее сын. От этой мысли Королеве стало дурно, и часть ее все еще не хотела в это верить. Что же она сделала плохого, чтобы вырастить такого монстра?

«Моя Королева, это не очень хорошая идея», – сказала шедшая рядом с ней Хафольд. – «Мы должны немедленно покинуть это место, убежать, пока мы еще можем. Кто знает, как может отреагировать Гарет, он может убить Вас. Мы должны уехать подальше от этого места. Мы должны отправиться в Силесию, к Гвендолин. Там о Вас позаботятся».

«Не раньше, чем я поговорю со своим сыном», – сказала Королева.

Никто не остановит Королеву перед выяснением правды, от того, чтобы услышать слова от самого Гарета. Королева МакГил никогда не отступала от противостояния, и она

не собиралась изменять этому сейчас – и, разумеется, она не отступит перед своим сыном.

Королева распахнула знакомую дверь в кабинет своего покойного мужа, оскорбившись из-за того, что ее сын думал, будто может занять эту комнату. Женщина ахнула, застыв на пороге кабинета, ужаснувшись при виде этого места – ценные книги и свитки ее покойного мужа разорванными лежали на полу. Кабинет находился в руинах – он был разрушен. Здесь же, с противоположной стороны, в кресле развалился ее сын, глядя на нее с непроницаемой улыбкой на губах.

Гарет сидел в центре всего этого, уставившись на мать черными, бездушными глазами. Королева уловила в воздухе слабый запах опиума. Он не брился уже несколько дней, под глазами у него были темные мешки, одежда была грязной, а сам Гарет выглядел так, словно сошел с ума. Он не был похож на того сына, которого она родила, на того мальчика, которого она воспитала. Роль короля состарила Гарета на двадцать лет, и она едва узнавала его.

«Мама», – уныло произнес он, едва ли удивившись, увидев ее. – «Наконец-то, ты пришла, чтобы увидеться со мной».

Королева бросила на него сердитый взгляд.

«Что ты сделал с кабинетом моего мужа?» – спросила она.

Гарет рассмеялся.

«Я не думаю, что он ему теперь понадобится», – сказал Гарет. – «Но я нахожу его достаточно улучшенным. Ты так не думаешь?»

Королева стремительно сделала шаг вперед.

«Ты отравил меня?» – спросила она.

Гарет уставился на нее ничего не выражающим взглядом.

«Сегодня мы нашли порошок у служанки, милорд», – вмешалась Хафольд. – «Она сказала, что это Вы приказали ей».

«Это правда?» – мягко спросила Королева в надежде на то, что это не так.

Гарет медленно покачал головой.

«Мама, мама, мама», – произнес он. – «Почему ты внезапно начала беспокоиться обо мне после всех этих лет? Когда я был младше, ты отдавала всю свою любовь Рису. Кендрик был лучше всех нас, но ты не смогла заставить себя полюбить его, потому что он был бастардом твоего мужа. Годфри разочаровал тебя из-за своих походов в таверны. Луанда была одной ногой далеко отсюда, потому не представляла для тебя угрозы. А Гвендолин... Что ж, она – девчонка, и ты была слишком напугана, чтобы любить ее. Так что твоя любовь досталась Рису. А всех остальных обошли стороной. Я для тебя не существовал. Мне пришлось сделать все это, чтобы ты, наконец, признала меня».

Королева еще сильнее нахмурилась. Она была не в настроении для софистики Гарета.

«Это правда?» – повторила она свой вопрос.

Гарет хихикнул.

«У правды несколько уровней, не так ли?» – сказал он. – «Какое это имеет значение, если ты была отравлена? Твоя жизнь вышла на финишную прямую, ты медленно двигалась навстречу могиле. Королева без короля. Я не могу придумать ничего более бесполезного».

Королева МакГил почувствовала, как внутри нее закипает ярость. Ее затошнило.

«Ты – мерзкое подобие сына», – плюнула она в Гарета. – «Жалкое подобие человека. Я жалею о том, что вообще родила тебя».

«Я знаю, мама», – спокойно ответил Гарет. – «Я знал это с того самого дня, когда ты родила меня. Но, видишь ли, сейчас ты ничего не можешь с этим поделать. Потому что я, наконец, свободен от твоей досягаемости и от досягаемости отца. Теперь я приказываю тебе», – сказал он громко, поднимаясь. Его лицо покраснело от гнева. – «Теперь ты являешься *моей* подданной. И одним только щелчком пальцев я прикажу слуге убить тебя. Твоя жизнь в моей власти».

«Тогда сделай это», – закипела от ярости Королева, не испытывая страха. Она была так же решительно настроена. – «Не будь трусливым мальчишкой, каким ты был всегда. Будь *мужчиной*, каким был твой отец и убей меня лицом к лицу. А еще лучше обнажи свой меч и сделай это сам».

Гарет сидел, дрожа.

«Ты не можешь сделать этого, не так ли?» – спросила Королева. – «Нет. Вместо этого ты заставил бегать вокруг меня свою маленькую служанку, чтобы она медленно травила меня. Ты трус. И всегда таким был. Ты – позор для памяти своего отца».

Гарет вдруг потянулся к поясу, вынул кинжал, поднял его высоко и набросился на свою мать с ужасным криком. Приблизившись, он опустил клинок прямо к ее лицу.

Но Королева МакГил была дочерью одного короля и женой другого. Вся свою жизнь она находилась в эпицентре насилия, с того самого момента, когда она научилась ходить, она прошла обучение у королевской стражи. Когда Гарет набросился на нее, Королева спокойно протянула руку, схватила каменный бюст ее мужа, подождала, пока сын не подберется достаточно близко, после чего отступила в сторону и замахнулась на голову Гарета.

Королева сделала это идеально, уклоняясь от его клинка и нанеся удар Гарету по черепу, отшвырнув его на деревянный стол, отчего он опрокинул его, после чего врезался в стену и рухнул на пол.

Гарет лежал на полу, тяжело дыша, несколько раз моргнув. Из его головы текла кровь. Он попытался сесть, потрясенный произошедшим, и вытер кровь с уголков рта. По крайней мере, это стерло улыбку с его лица.

«Я покончила с тобой», – холодно сказала ему Королева. – «С сегодняшнего дня ты мне больше не сын. Я хочу, чтобы ты это знал. Ты мне даже не незнакомец. Ты для меня никто. Я покину это место и никогда не вернусь сюда, пока здесь правишь ты. Теперь я знаю наверняка, что это ты отнял у меня моего мужа. А за это ты будешь гнить в аду. Не думай, что ты не заплатишь за это. Мне сказали, что щит пал. Скоро люди Империи заполнят это место и сожгут его дотла – и ты сгоришь вместе с ним».

Гарет внезапно рассмеялся, и с его губ хлынула кровь.

«Я сомневаюсь в этом, мама», – сказал он. – «Многие люди пытались убить меня, но им это не удалось. Этим утром мой дегустатор упал замертво на моих глазах – очередное неудачное покушение на мою жизнь. А вчера я узнал, что ближайший ко мне человек придет, чтобы убить меня завтра на рассвете. У меня нет союзников, но у меня есть шпионы. Сам дьявол на моей стороне. Как видишь, никто не в состоянии убить меня, мама. И никто не сможет. Я всегда на шаг опережаю других, мама. Это единственное, что ты никогда не знала обо мне. Я всегда на один шаг впереди».

Гарет рассмеялся, покачиваясь, но с Королевы было довольно.

Она развернулась и стремительно вышла из комнаты, захлопнув за собой дверь. Хафольд шла за ней. Королева слышала эхо смеха своего сына, зная, что сегодня ее нога последний раз ступала по королевскому двору.

Глава двенадцатая

Гвендолин бежала через летнее поле цветов, поражающее своими оттенками. Ее отец – молодой, энергичный и здоровый – находился рядом с ней. Ей было около десяти лет, отец подбрасывал ее в воздух и раскачивал, пока они бежали. Гвен заливалась смехом, счастливая из-за присутствия отца. Он рассмеялся в ответ – и это был такой беззаботный, такой глубокий, такой успокаивающий звук. Девушка чувствовала себя в безопасности в этом мире, словно никогда ничего не менялось.

Поле было залито солнечным светом, который был ярче того, что она когда-либо встречала и, глядя на отца, Гвен видела, что он казался моложе и счастливее, чем она его помнила.

«Я так горжусь тобой, дитя мое», – сказал ей отец.

Широко улыбаясь, он нагнулся и поднял дочь на руки, схватив ее за руки и подняв высоко в воздух – так же, как он это делал, когда она была ребенком. Гвен радостно смеялась.

Но когда отец опустил Гвен вниз и ее ноги коснулись земли, она бросила взгляд вниз и поняла, что все изменилось. Если еще минуту назад земля была покрыта цветами, теперь же ее глазам предстала черная грязь, еще минуту назад над ними было ясное, яркое небо, а сейчас оно было темным и затянутым тучами. Еще минуту назад она видела цветы, но теперь вместо них перед ней предстало поле шипов.

И что хуже всего, отец исчез, и Гвен осталась одна.

Гвендолин услышала пронзительный крик ребенка и, обернувшись, вдали, на вершине небольшого холма, увидела колыбель, устроенную на терновом кусте. Ребенок заплакал громче, и девушка нерешительно приблизилась к нему, откуда-то зная, что это ее сын.

Мальчик.

Гвен подошла к колыбели, наклонилась и, заглянув внутрь, поразились красоте ребенка. От него исходил свет, и девушка не могла не думать о том, что он выглядит точно так же, как и она.

Гвен нагнулась для того, чтобы поднять ребенка, но внезапно колыбель переместилась. Рядом с ней хлынул сильный поток воды, унося колыбель вниз по извилистой горной тропе.

Гвен побежала за ней, но это было бессмысленно. Колыбель уносилась слишком быстро, и вскоре ландшафт перед ней сменился огромным морем.

Гвендолин оказалась на скалистом побережье, глядя на надвигающийся шторм.

«НЕТ!» – крикнула девушка, протянув руку к своему ребенку, ускользающему в воду.

Но это было напрасно. Мальчик уже находился далеко в море, уносимый волной, плача в своей колыбели. Гвендолин никогда еще не чувствовала себя такой беспомощной. Ей хотелось, чтобы море унесло и ее тоже.

Гвен начала замечать огромное количество пузырей на поверхности воды, и через несколько секунд появился огромный зверь, который кричал.

Дракон.

Он поднимался все выше и выше, и был самым большим созданием из всех, которые ей приходилось видеть. Дракон предстал перед ней как стена, загородившая собой солнце. Он откинул назад голову и заревел – и это был самый ужасный звук из всех, которые девушка когда-либо слышала.

Позади него внезапно появилась приливная волна пятидесяти футов в высоту, которая устремилась на нее.

Гвен попыталась развернуться, чтобы убежать, но было слишком поздно.

Волна бросилась вперед, неся с собой дракона, готового напасть на девушку и убить ее.

Гвендолин проснулась, сев прямо в постели, которую она не узнавала, в комнате, которая была ей незнакома. Девушка тяжело дышала, глядя по сторонам, пытаясь вспомнить, где она находится. Свет первого восходящего солнца пробивался через окно. Она вскочила на ноги, прошла по комнате, быстро оделась и плеснула холодной водой в лицо из небольшой каменной чаши на дальнем конце покоев. Холодная вода побежала по ее голове и волосам. Девушка покачала головой, пытаясь стряхнуть в себя ужасные видения, пытаясь вернуть себя к действительности, которая и так была достаточно мрачной, и Гвен не нуждалась в кошмаре, чтобы сделать ее еще хуже.

Сон казался таким реальным – ее отец, ребенок, море, дракон, мир, ставший таким мрачным. Она не могла избавиться от ощущения, что он предвещает ужасные события.

Гвендолин встала возле огромного открытого окна и выглянула вниз на сияющий город Силесию. Люди в этот ранний час уже находились во дворе и готовили свои товары на продажу. Глядя на жителей города, девушка также заметила движение, увидела, что они собираются у городских ворот. Гвен проследила за их направлением и заметила на горизонте небольшое облако пыли, медленно направляющееся к Силесии, осознав, что это был всадник, скачущий к ним. Двое всадников. А позади них группа, состоящая, возможно, из сотни городских жителей.

Гвен расслабилась, осознав, что это не армия Андроникуса. Тем не менее, она спрашивала себя, кто же это. Вдалеке протрубили в рог, и Гвен увидела привратника в полной боевой готовности, который трубил в рог снова и снова.

Рассматривая скачущего впереди всадника, который появился в поле зрения, Гвен узнала его

броню и его коня.

Раздался тихий стук в дверь ее покоев и, обернувшись, Гвен прошла по комнате, открыла дверь и увидела стоявшего у порога слугу, который поклонился при ее появлении.

«Моя Королева, прошу прощения за то, что побеспокоил Вас», – сказал он. – «Но наши люди заметили двух всадников с группой людей, приближающихся к нашим воротам. Следует ли нам закрыть ворота?»

Гвен покачала головой.

«Нет», – сказала она. – «Это не обычный всадник».

Ее сердце наполнилось радостью, когда девушка приготовилась выйти из замка.

«Это мой брат», – сообщила Гвен.

* * *

Взволнованная Гвендолин бежала вниз через три ступеньки по винтовой каменной лестнице замка, после чего по коридорам вышла во двор. Девушка спешила через двор к главным воротам, где увидела прибывших Кендрика и Атмэ. Она почувствовала облегчение, словно частичка ее самой снова вернулась домой. После распада ее семьи приезд Кендрика сюда подарил ей ощущение того, словно все снова нормально.

Разве не было в этом иронии? Кендрик был ее сводным братом, тем не менее, он был ей ближе, чем родные братья и сестра. Гвен знала, что, будучи королевой, она должна принимать сложные решения, но девушка не знала, как она смогла бы приказать закрыть ворота и запечатать их, осознавая, что брат все еще находится снаружи. Его появление спасло ее от мучительного решения.

Когда Гвен подбежала к воротам, Кендрик заметил сестру, спешил и поспешил к девушке, обняв ее. Она была так счастлива снова его увидеть. Часть ее чувствовала, что если Кендрику удалось вернуться домой, то, может быть, и Тору удастся.

«Ты жив», – сказала Гвен через его плечо, и по ее щеке побежала слеза. – «Я так счастлива, что ты жив».

Он отстранил ее, широко улыбаясь. Было так радостно видеть другого члена ее семьи живым здесь, в этом чужом городе. Кроме того, Кендрик был такой поразительной копией ее отца, что, увидев брата, она почувствовала, словно небольшая частичка отца снова вернулась.

«Я жив», – сказал он. – «Как всегда. Мне сказали о твоем переезде в это место, обо всем, что произошло. Я так горжусь тем, что ты возглавила этих людей. Они не смогли бы выбрать лучшего правителя».

Гвен улыбнулась, преисполнившись гордости. Слова, произнесенные Кендриком, которого все уважали, который как никто другой был достоин того, чтобы стать следующим Королем, на самом деле являлись наивысшей похвалой.

«Эти люди не должны благодарить меня за то, что оказались в безопасности», – скромно ответила Гвен. – «Я уверена в том, что они в любом случае нашли бы безопасное место».

Кендрик покачал головой.

«Они нуждались в лидере, который направил бы их. Ты повела их. Многие люди будут жить благодаря тебе».

«Насколько я вижу, эти люди тоже следуют за тобой», – сказала девушка, кивнув через его плечо, в то время как сотни городских жителей последовали за Кендриком и Атмэ, начиная заходить в город через ворота.

На лице Кендрика появилась тревога.

«Боюсь, что я привез плохие новости», – сказал он. – «Мы заметили армию Андроникуса. Они направляются сюда».

Глаза Гвен широко распахнулись от тревоги.

«Ты в этом уверен?» – спросила она.

«Как в том, что стою сейчас перед Вами», – раздался голос.

Обернувшись, Гвен увидела Атмэ, который подошел к Кендрику, обеспокоенно оглядываясь назад. Протянув руку, он взял ладонь Гвен и поцеловал кончики ее пальцев. – «Миледи», – добавил он. – «Я выполнил свою миссию».

Гвен улыбнулась.

«Вы привели моего брата ко мне живым», – сказала она. – «За это я всегда буду перед Вами в долгу. Теперь я знаю, к кому я обращусь в следующий раз, когда у меня появится срочная миссия».

«Вы доверили мне самую священную миссию – жизнь Вашей семьи. И за это я всегда буду Вам благодарен», – ответил Атмэ, кивнув в ответ.

Началась суматоха и, обернувшись, Гвен увидела приближающихся Срога, Брома и Колька в окружении нескольких членов Серебра. Они все просияли при виде Кендрика, после чего поспешили к молодому человеку и обняли его.

«Кендрик», – сказал Бром, сжав его предплечье. – «Ты хорошо служишь Серебру всем, что делаешь».

«Милорд», – ответил ему Кендрик.

«Ты оказываешь большую честь памяти своего отца», – вставил Кольк.

Кендрик ответил на его объятие.

«Для нас большая честь принимать в Силесии рыцаря с Вашей репутацией», – сказал Срог, после чего они крепко обнялись.

«Это честь и для меня», – ответил Кендрик. – «На самом деле я перед Вами в большом долгу за то, что вы впустили сюда мою сестру и половину королевского двора».

«Я тоже в долгу», – сказал Срог. – «Это наименьшее, что мы можем сделать, чтобы почтить память Вашего отца, который всегда был добр по отношению к нам. Он мог обложить нас

большим налогом, но он предпочел этого не делать».

Кендрик наполовину склонил голову в знак признательности, после чего тревожно нахмурился.

«Боюсь, что я приехал с плохими вестями», – сказал Кендрик, прокашлявшись. – «Люди Андроникуса следуют за нами, и они уже близко».

«Мы своими собственными глазами видели их силы», – добавил Атмэ.

Присутствующие мужчины ахнули. Гвен почувствовала, как у нее засосало под ложечкой.

«Когда они будут здесь?» – спросил Бром.

«Возможно, через день, может быть, чуть больше. Это стена разрушения, и их ничто не остановит».

Мужчины обменялись серьезными взглядами.

«Мы спасли этих городских жителей», – сказал Кендрик, указывая на людей, которые проходили через ворота. – «Но другим городам не улыбнется такая удача. Времени на то, чтобы спасти их всех, нет. Мы должны подготовиться, если есть хоть какая-нибудь надежда защитить этот город».

«Если есть хоть какая-нибудь надежда?» – спросила Гвен, внимательно следя за выражением его лица.

Кендрик серьезно посмотрел на сестру, и она прочитала ответ в его глазах. Ее сердце упало еще ниже.

«Мы должны сделать все, что в наших силах», – ответил он. – «Мы в руках судьбы».

«Тогда у нас меньше времени, чем мы думали», – сказал Кольк.

«Мы должны немедленно укрепить город», – добавил Срог.

«Теперь, когда вы находитесь в безопасности за этими воротами, мы можем начать опечатывать внешние стены».

«Мы ждали тебя», – объяснила Гвен.

Кендрик посмотрел на нее, и она увидела, что он был тронут.

«В таком случае я перед вами в большом долгу», – ответил он.

«Трубите в рог», – приказала Гвен, беря на себя ответственность. – «Мы больше не можем терять времени». – Она повернулась к Срогу. – «Прикажите своим людям начать укрепления».

Срог крикнул солдатам, находящимся высоко на стенах, которые затем обернулись и передали его приказ нескольким другим воинам. Взяв рога, они затрубили в них, и звук эхом разлетелся по всей Силесии. Из барачков начали выходить воины, которые направились вдоль стены к внешним укреплениям.

«Миледи», – сказал Срог, обернувшись к Гвендолин. – «Вы видели только внешний город

Силесии. Наши люди внизу, в нижней Силесии, которые живут среди стен Каньона, ждут Вашего визита. В это тяжелое время встреча с Вами значительно успокоит их. Могу ли я предложить Вам осмотреть город вместе?»

«Это будет честь для меня», – сказала Гвен.

Она развернулась и пошла в сопровождении Срога и других воинов, в то время как за ними зашагали люди – большая растущая толпа, идущая по улицам Силесии, направляющаяся к входу в нижний город. Пока они шли, все солдаты взволнованно переговаривались между собой. Гвен подошла к Кендрику. Было так естественно идти рядом с ним, с тех пор, когда они были детьми в королевском дворе, теперь не менее, что-то угнетало девушку, и ей нужно было этим поделиться.

«Я чувствую свою вину из-за того, что меня назначили правительницей», – тихо сказала Гвен, чтобы не услышали другие. – «Да, этого хотел наш отец. Но ты являешься его первенцем. И ты – мужчина. После того, как уехал Эрек, ты возглавил Серебро. Все солдаты уважают тебя. Ты сражался бок о бок с каждым из них. А я? Что сделала я? Я чувствую, что не сделала ничего, чтобы заслужить это. Моя заслуга заключается только в том, что я – дочь нашего отца. А ведь я даже не старшая дочь».

Кендрик покачал головой.

«Ты не видишь своих собственных достоинств», – сказал он. – «Ты представляешь собой даже нечто большее. Отец не был ни опрометчивым человеком, ни глупцом. И все свои решения он принимал мудро. Выбрав тебя, он принял самое мудрое свое решение. Не сила или военные навыки создают великого правителя. Великого *воина*, может быть – но не великого правителя. Дело не в том, чтобы владеть мечом и даже не в том, как на тебя смотрят люди. Это может создать хорошего правителя, но не великого».

«Великий правитель соткан из мудрости, знаний, умеренности, сострадания, понимания. И ты обладаешь всеми этими качествами. Именно *это* отец видел в тебе. Именно поэтому он выбрал тебя. И я должен согласиться с ним. Не нужно себя недооценивать. И не чувствуй свою вину. Я доволен своей судьбой. Ты заслуживаешь этого, и я ничего не хочу так, как служить тебе, независимо от того, являешься ли ты моей младшей сестрой или нет».

Гвен ощутила прилив любви к Кендрику, как происходило с ней всегда. Он всегда знал, что именно нужно сказать, еще с тех пор, как они были маленькими детьми.

«Я ценю твою доброту, брат», – сказала Гвен. – «Но я все еще чувствую, что тебя обошли. И это кажется мне несправедливым. Если я буду править, я хочу, чтобы ты помог мне в этом. Я хочу, чтобы ты занял важное положение. Я хотела бы назначить тебя правителем наших вооруженных сил. Я хочу, чтобы все – Серебро, Легион, люди Короля – отвечали перед тобой. В конце концов, я никому не верю так, как тебе, и никто не подходит на эту должность так, как ты. Ты тоже являешься МакГилом, и твое присутствие во дворе вдохновит людей».

«Это не то, что ты должна делать, сестра моя», – просто сказал Кендрик. – «Я все так же люблю тебя, несмотря ни на что».

«Я знаю, что не должна», – ответила Гвен. – «Но я хочу».

Прежде чем Кендрик успел что-либо сказать, девушка повернулась к Срогу.

«Срог!» – окликнула она.

«Да, миледи», - отозвался тот, подбежав к ней вместе с Бромом и Кольком.

«Я назначаю своего брата Кендрика на новую должность правителя вооруженных сил», - официально заявила девушка. - «Я бы хотела попросить всех генералов всех сил, которые собрались здесь, отвечать перед ним. Разумеется, вы будете руководить своими людьми, а Кольк и Бром - своими, но Кендрик примет на себя непосредственное управление Серебром, и вы будете держать ответ перед ним. Я осознаю, что мой брат намного младше вас. Но я также знаю то, что этого хотел бы мой отец, и я не могу найти никого, кто заслуживал бы этого больше».

«Миледи, это мудрый выбор», - сказал Срог. - «Я восхищаюсь тем, что вы разделяете власть. Мы с радостью станем отвечать перед Кендриком, который, в конце концов, является самым храбрым и лучшим из наших воинов».

«И мы», - искренне произнесли Кольк и Бром.

«В таком случае вопрос решен», - сказала Гвен. - «Кендрик, я приветствую тебя на твоей новой должности».

Кендрик опустил глаза.

«Я глубоко польщен», - сказал он. - «Я буду служить вам своей жизнью».

«Ты всегда так служил», - сказал Бром, сделав шаг вперед и приобняв его за плечо.

Они шли по сияющим, вымощенным красным булыжником улицам, и камень отражал ранний утренний свет. Они подошли к глубокому и узкому арочному переулку, вырезанному из камня, который являлся достаточно широким для того, чтобы позволить только двум людям пройти по нему одновременно. В дальнем конце - возможно, в пятидесяти футах - пробивался свет Каньона. Здесь на страже стояли солдаты, которые встали по стойке смирно, когда они приблизились.

«Вход в нижнюю Силесию, миледи», - сообщил Срог.

Гвен вошла вместе с другими, и все они зашагали в черноту туннеля, где единственным светом был только свет Каньона в дальнем конце. Их шаги и шепот эхом отражались от стен. Проход через этот длинный туннель приносил жуткое ощущение. Гвен казалось, словно она входила в портал другого мира.

«Мы являемся единым народом и сверху, и внизу», - объяснил Срог. - «Тем не менее, в некотором смысле верхняя и нижняя части Силесии представляют собой нечто вроде двух разных городов. Те, кто живет наверху, редко спускаются сюда, а те, кто живет внизу, прилегая к стороне Каньона, предпочитают оставаться здесь. Те, кто боится высоты, не чувствуют себя уютно здесь, внизу. Они в шутку называют жителей нижней Силесии горными козлами. В то же время те, кто дышит воздухом Каньона, довольны тем местом, в котором они находятся, и не считают нужным подниматься на «равнины», как они это называют».

Гвен улыбнулась.

«В другом отношении», - продолжал Срог. - «Мы являемся единым народом. Не заблуждайтесь на этот счет - если Андроникус атакует, мы все станем защищаться как один город. И если верхний город будет захвачен, мы можем отступить в нижний. В этом и заключается сила

Силесии. Именно поэтому этот город не могли завоевать на протяжении тысячи лет».

Они добрались до края Каньона, и Гвен оказалась на небольшой площадке. В лицо ей ударил холодный порыв ветра, и девушка посмотрела вниз на крутое снижение под ногами. У нее закружилась голова. Гвен казалось, что она стоит на краю неба, и перед ней нет ничего, кроме огромного пространства Каньона. У нее было ощущение, словно она находится в самом Каньоне – еще один шаг и она упадет в пропасть навстречу своей смерти.

Под собой Гвен впервые увидела нижнюю Силегию, встроенную в стены Каньона. Также построенный из древнего красного камня, с потрясающе красивой архитектурой, нижний город изобилует шпилями, парапетами и жилищами, каждое из которых было встроено прямо в стену обрыва, выступая из Каньона на добрых пятьдесят футов. Внизу было оживленно, люди и скот толпились тут и там, дети играли – все были заняты своими привычными делами так, словно они жили в обычном городе, а не болтались с края крутого обрыва, который отправит их на смерть при одном неверном шаге.

Гвендолин отстранилась, почувствовав тошноту, спрашивая себя, как эти люди могут так жить.

«Не волнуйтесь, в первый раз все реагируют таким образом», – улыбнулся Срог. – Нужно немного времени для того, чтобы привыкнуть. Через некоторое время вы даже не заметите высоту».

Срог повел их вниз по узкой винтовой лестнице, встроенной в стену обрыва. Гвендолин так крепко схватилась за перила, что у нее побелели костяшки пальцев, когда они направились вниз по ступенькам. Девушка старалась не заглядывать за край, когда налетел очередной порыв ветра, такой сильный, что едва не сбил ее с ног. Не то что бы она боялась высоты, но этот спуск был настолько крутым и находился так близко к краю, что ей стало страшно. Гвен с трудом понимала, как люди делают это, и особенно то, как они так беспечно позволяют своим детям играть здесь. Она предположила, что у них снижена чувствительность.

Через несколько пролетов они добрались до широкой площадки пятидесяти футов шириной с высокими перилами, и Гвен, наконец, снова расслабилась. Когда они спустились, то увидели несколько дюжин жителей нижней Силесии, которые ждали, чтобы поприветствовать их. Они появлялись из переулков, казалось, выходя, из самих скал. Так же, как и силесианцы наверху, жители этой гостя города были теплыми и дружелюбными людьми, на лицах которых сияли приветственные улыбки. Они все смотрели на Гвен с обожанием. Было ясно, что подобно жителям наверху они все считали ее своей правительницей.

Гвендолин была потрясена. То, что все эти люди смотрели на нее, ожидания руководства, давало ей ощущение нереальности происходящего. Девушка снова почувствовала неуверенность в том, является она достойной роли правителя, в котором они нуждались. Участь дочери короля делала ее значительно старше, чем что-либо еще, но, тем не менее, ей было всего лишь шестнадцать лет, она и сама едва ли была взрослой. Гвен удивлялась тому, насколько эти люди верят в нее. В глубине души девушка знала, что это только из-за ее отца. Очевидно, что они любили его. А за это она любила их. Каждый, кто был предан ее отцу, заслуживал ее любовь и признательность.

«Мои дорогие силесианцы», – прогремел Срог. – «Для меня честь представить нашу леди Гвендолин, дочь Короля МакГиля, нового правителя Западного Королевства Кольца».

Раздались крики и радостные возгласы, когда толпа бросилась вперед – несколько женщин приобняли ее за плечо, кто-то обнял девушку, а кто-то поцеловал ее руку. Одни люди

пробежали ладонями по ее щеке, а дети гладили ее по волосам. Они подняли три пальца к правым вискам, после чего медленно отвели их в сторону, приветствуя девушку.

Гвен прокашлялась.

«Я здесь для того, чтобы служить вам всем, чем могу», – обратилась девушка к людям, повысив голос, чтобы они услышали ее сквозь завывание ветра. – «Я надеюсь на то, что Бог даст мне силу хорошо служить вам».

«Вы уже служите, миледи!» – выкрикнула какая-то женщина из толпы, и другие вторили ей одобрительными возгласами.

«Будет справедливо по отношению к вам сообщить, что ждет вас впереди», – продолжала она. – «Как вы знаете, щит пал. Но вы можете не знать, что Андроникус и его люди уже вторглись в Кольцо. Совсем скоро они подойдут к нашему городу. Они значительно превосходят нас числом. Мы сделаем все от нас зависящее, чтобы защитить город. Но вы должны подготовиться к войне и к осаде.

«Миледи, наш славный город подвергался атакам множество раз», – выкрикнул другой житель. – «Мы не боимся смерти. Даже от Андроникуса. Если мы потерпим поражение, то сделаем это как свободные мужчины и женщины. Большого мы и не хотим!»

В толпе поднялись очередные одобрительные возгласы, после чего силесианцы начали расходиться, чтобы продолжить укрепления нижнего города, закрепляя окна и ворота.

«Пойдем дальше?» – спросил Срог.

Они продолжили свою экскурсию по нижнему городу, и Срог повел их через ряд извилистых улиц и переулков, мимо впечатляющих укреплений, каждое из которых было построено в этом поразительном городе, взгромоздившимся на стене Каньона.

Срог повел их через каменные арочные ворота и вниз по длинному полуострову скал, выступающему на двадцать футов в Каньон.

«Точка Каньона», – сказал Срог.

Они подошли к краю, где ветер был сильнее, и от его холодных порывов у Гвен заслезилась глаза. Девушка посмотрела вниз и увидела, что ее ступни обволакивает туман, который клубился на ветру. После чего Гвен подняла глаза вверх, на широкое пространство. Она чувствовала себя такой незначительной рядом с величием этого места в мире.

«Вы стоите в самой западной точке Кольца», – сообщил Срог. – «Мы используем эту площадку в качестве наблюдательного пункта, когда туманы не слишком сильные. Отсюда Вам может открыться внушительный вид на нижнюю Силесию».

Срог отвернулся и посмотрел на стену Каньона, и Гвен последовала его примеру. Девушка ахнула, поразившись тому, насколько впечатляющей была нижняя Силесия. Она увидела тысячи людей, занятых своими повседневными делами – одна история, наложенная на другую – словно никто из них не знал о том, что происходит над или под ними. Она видела, почему это место простояло тысячи лет – оно было непреодолимым.

«Миледи», – сказал Срог. – «От лица своих людей, прежде чем начнется битва, мы бы хотели узнать вашу позицию относительно капитуляции».

Обернувшись, Гвен увидела, что лица всех присутствующих мужчин помрачнели.

«Думаю, мы все согласимся с тем, что подобная ситуация происходит лишь раз в жизни», – сказал Срог. – «В нашем распоряжении тысяча лучших воинов, готовых сражаться не на жизнь, а на смерть, но им предстоит выступить против миллиона человек. Но даже у лучших воинов есть свой предел. Может быть, мы сможем удерживать их. Но как долго?»

«Возможно, достаточно долго для того, чтобы Тор и другие члены Легиона вернулись с Мечом?» – предположила Гвен.

Присутствующие обменялись скептическими взглядами.

«Конечно, миледи», – сказал Бром. – «Мы все любим Тора как сына. И мы все очень верим в его храбрость. Но даже несмотря на то большое уважение, которое мы к нему питаем, мы знаем, что шансы на их возвращение практически равны нулю. А будучи практичными, мы должны строить планы на случай непредвиденных обстоятельств».

«Миледи, мы выполним то, что Вы выберете», – заверил Срог. – «Но нам нужно знать. Планируете ли вы в любой момент сдать город Андроникусу?»

«Это было бы наивно», – вмешался Кендрик. – «Мы все знаем репутацию Андроникуса. Он убивает всех. Сдаться означает предложить себя для убийства. Или, в лучшем случае, сделать себя его рабами. А он беспощаден».

«Тогда», – сказал Кольк. – «Если мы позволим ему контролировать этот город и Западное Королевство, он может заключить сделку. А если мы не капитулируем, в конечном итоге мы можем умереть или стать рабами».

Пока Гвен слушала их спор, она почувствовала, как на ее плечи легла тяжесть решения. Она не хотела принимать неправильное решение. Тем не менее, казалось, что бы она ни решила, оно не будет верным. Так или иначе, люди могут умереть.

«Срог», – произнесла она, повернувшись к нему. – «Может быть, это и двор моего отца, но Силесия – Ваш город. Это Ваши люди. Вы жили с ними, сражались бок о бок с ними всю свою жизнь. Сначала я хочу узнать, что Вы думаете об этом. Что они думают. Как силесианцы относятся к капитуляции?»

Посерьезнев, Срог опустил глаза и почесал бороду.

«Силесианцы являются очень теплыми и дружелюбными людьми, но вместе с тем это очень гордый народ. Мы никогда не сдавались – ни единого раза за всю историю Кольца. Они не знают, что такое капитуляция».

Он вздохнул.

«Они последуют за Вами, миледи, что бы Вы ни выбрали. Но они бы не хотели, чтобы Вы капитулировали ради них. Они ценят жизнь, но честь они ценят больше».

«А ты, Кендрик», – сказала Гвен, повернувшись к брату. – «Что ты думаешь?»

Кендрик нахмурился, глядя на Каньон.

«Сложное решение», – сказал он. – «С одной стороны, бесстрашие ценится высоко.»

Тем не менее, никто не хочет быть бескомпромиссным правителем, который посылает всех своих людей на смерть из-за гордости. Помни, что я сказал – быть правителем не означает то же, что быть воином».

«Что бы сделал отец?» – спросила Гвен.

Кендрик покачал головой».

«Отец был упрямым, гордым человеком. Он был больше воином, чем королем. Решение, которое тебе нужно принять, не является решением воина. Это решение правителя. Сейчас имеет значение то, что сделала бы *ты*».

Гвен ощутила смысл его слов. Она отвернулась от других, сделала несколько шагов, пока не подошла к самому краю площадки, глядя на Каньон.

Гвен стояла там, задумавшись. В ее голове звучали слова Кендрика. Он говорил правду. В конце концов, девушка должна перестать волноваться и думать о том, что подумают другие или что решил бы кто-то другой. Гвен должна избавиться от чувства, что она не достаточно компетентна для того, чтобы принимать решения. Она вспомнила все годы своего обучения в Доме Ученых, обо всех тех войнах, которые изучила, обо всех осадах, о которых ее опрашивали. Она подумала о Летописи МакГилов, об истории Кольца, вспомнила обо всех историях капитуляции, о затяжных осадах, о прочитанных ею капитуляциях, которые прошли гладко. Но вместе с тем девушка вспомнила о многих других, которые привели к плачевному результату. И ни один из захватчиков не был таким безжалостным, как Андроникус.

Гвендолин также вспомнила всех правителей, о которых она читала – обо всех тех, кто добился успеха, и о тех, кто потерпел поражение. Девушка почувствовала, что быть хорошим правителем не всегда означает принятие самого логичного решения, а иногда это означает принятие решения, которое несет в себе наибольшее благородство и честь для людей. Она стояла там, закрыв глаза, желая, чтобы отец помог ей сделать правильный выбор.

И тут внезапно Гвен ощутила, как на нее нисходят сила и ясность. Девушка почувствовала, что она не одинока – в ее жилах текла кровь шестерых МакГилов. Она была МакГилом, так же как и каждый из них. И тот факт, что она – женщина, не делает ее хуже.

Гвен обернулась и посмотрела на присутствующих, ее глаза сверкали горячей решимостью.

«Мы можем умереть здесь все вместе», – сказала она, и в ее голосе звучала уверенность. – «Но мы не станем сдаваться. Мы никогда не сдадимся. Вот кто мы есть. А то, кем мы являемся, гораздо важнее того, как мы умрем».

Все мужчины посмотрели на нее, их глаза широко распахнулись от нового уважения. В их глазах даже читалось благоговение. Все они серьезно кивнули, и она видела, что они согласились. Кроме того, в их глазах Гвен увидела, что они, наконец, нашли в ней истинного правителя.

Глава тринадцатая

Тор и другие члены Легиона уже несколько часов шли по узкой тропе, ведущей из джунглей в пустынный край. За молодыми людьми следовал Крон. Тор удивился, увидев поразительную смену местности – от стены джунглей до бесплодной пустоши, где не было ничего, кроме открытого неба, которым овладело ослепляющее солнце. По велению старика они вышли из дома до рассвета, чтобы их не заметили воины Империи. Мальчик оказался достаточно

любезным для того, чтобы сопровождать их весь путь, несмотря на то, что дедушка запретил ему это делать. Мальчик настоял на том, что хочет увидеть, как они уходят, чтобы направить их по верной тропе.

Наконец, после нескольких часов ходьбы, они достигли развилки дороги, которая расходилась в трех направлениях.

«Вот видите, именно поэтому я должен был пойти с вами», – сказал мальчик, когда они все стояли у развилки, тяжело дыша. – «Это четвертый раз, когда дорога разветвляется. Каждый раз она становится все более запутанной. Я не хотел, чтобы вы в конечном итоге вышли на неправильную дорогу. Иначе вы бы уже были мертвы. В этой пустынной равнине живут такие монстры, которых вы себе и представить не можете».

Мальчик вздохнул.

«Но теперь, когда вы дошли до последней развилки, я могу повернуть назад, а вы можете продолжить свой путь. Просто идите по этой крайней правой тропе, и она приведет вас в Город Рабов. Желаю вам удачи».

Молодые люди столпились вокруг мальчика с благодарностью, и Тор, протянув руку, положил ее на плечо ребенку.

«Мы в большом долгу перед тобой за ту доброту, которую ты проявил по отношению к нам», – сказал Тор. – «Вчера ты спас жизни нам, абсолютным незнакомцам, приведя нас в дом своего дедушки. И теперь ты снова спас нас, приведя к правильной дороге. Как мы можем отплатить тебе за твою службу?»

Мальчик скромно пожал плечами.

«Вы ничего мне не должны», – сказал он. – «Мне нравится бывать в компании. Временами здесь становится одиноко. Кроме того, я ненавижу Империю и хотел бы увидеть, как вы одержите над ними победу и освободите нас от такого существования. Я ненавижу жить, скрываясь. Я хочу быть свободным».

«Мы будем стремиться сделать все это и многое другое», – пообещал Тор. – «Тем не менее, наверняка должно быть что-то, что мы можем сделать для тебя. Что-нибудь?»

Мальчик опустил глаза вниз.

«Ну, есть одна вещь», – нерешительно произнес он. – «Я всегда мечтал о том, чтобы вступить в Легион. Я знаю, что сейчас я еще слишком юн. И слишком мал. Но если вы выживите после всего этого, если Кольцо выживет, может быть, однажды я смогу найти вас и вы позволите мне попытать свои силы. Я знаю, что мал, но я могу метать копье лучше любого, кого я знаю».

Тор улыбнулся мальчику.

«У тебя большое сердце», – сказал он. – «И еще недавно я был так же мал, как и ты. Но, несмотря на это, я присоединился к Легиону. Я не вижу причины, почему ты не можешь сделать это. Верно, братя?» – спросил Тор, повернувшись к остальным.

Все молодые люди с энтузиазмом кивнули в ответ.

«Он намного храбрее половины Легиона», – сказал Рис.

«Мы позаботимся о том, чтобы к тебе отнеслись всерьез», – добавил О’Коннор. – «Это меньшее из того, что мы можем сделать».

Ребенок широко улыбнулся.

«Скажи мне, мальчик», – сказал Тор. – «Как тебя зовут? Ты никогда нам этого не говорил».

Подняв на него глаза, мальчик прищурился.

«У меня нет имени», – ответил он. – «Здесь, в Империи, у нас не принято давать имена. Мы все являемся рабами великого Андроникуса. Давая кому-то имя, мы обрекаем себя на смерть. Некоторые из нас сами дают себе имена. Скрытые имена, которые мы храним внутри. Но мы никогда никому их не говорим».

«Ты можешь сказать нам свое имя», – сказал Тор. – «Мы клянемся сохранить его в секрете».

Мальчик посмотрел на их лица, колеблясь, и Тор увидел страх в его глазах. Наконец, ребенок прокашлялся и сообщил:

«Арио».

Мальчик быстро протянул руку, обнял Тора, после чего развернулся и поспешил уйти прочь, отправившись по дороге обратно в джунгли.

«Помните», – выкрикнул он. – «Не отклоняйтесь от тропы. Вскоре вы наткнетесь на город. Будьте осторожны».

После этих слов мальчик развернулся и убежал, исчезая по дороге.

Обернувшись, Тор посмотрел на своих друзей, и все они вплотную пошли по тропе.

Час сменялся часом, вскоре поднялось второе солнце, принесшее с собой невыносимую жару, в то время как они все глубже и глубже продвигались по пустырю. Шагая рядом со своими братьями, оставшись наедине с монотонностью своих мыслей, Тор спрашивал себя, когда же это закончится. Перед собой он видел следы, глубокие отпечатки ног тех, кто, должно быть, похитил Меч. Мальчик шел по их стопам весь путь, и Тор почувствовал уверенность, когда они оказались близки к их следу. Молодой человек надеялся на то, что они смогут добраться до города вовремя, смогут поймать воров до их прибытия, каким-то образом заполучить Меч и вернуться домой, незамеченные Империей, пока еще не слишком поздно.

В то время как они продолжали идти, ноги Тора начали трястись, усталость нарастала. Наконец, молодые люди свернули за изгиб, где земля клонилась книзу, и с высоты птичьего полета перед ними предстал Город Рабов. Там, раскинувшись на горизонте, находился самый большой город из всех, которые Тор когда-либо видел – низкий и равнинный, растянувшись на многие мили, которым не видно было конца. Он производил гнетущее впечатление тысячами своих сооружений, построенных близко друг к другу.

Среди этих зданий работали тысячи рабов, собранные на улицах, слоняющиеся как муравьи. Даже отсюда Тор видел, что они прикованы друг к другу, и что среди них находились тысячи надсмотрщиков Империи, наносящих рабам удары хлыстом. Город подчеркивали огромные вспышки света, и Тор разглядел небольшие пожары, выстреливающие повсюду из-под земли. Город был смешан с пустыней, и Тор удивился, увидев, что он не огорожен.

«Ни ворот, ни стен», – заметил он.

«Полагаю, они не боятся того, что рабы сбегут», – сказал Рис.

«Куда они убегут в этом Богом забытом месте?» – спросил Элден.

«Они им не нужны», – вставил Конвал. – «Все рабы прикованы друг к другу цепями. Они не смогли бы побежать, даже если бы попытались».

«Не говоря уже о солдатах», – сказал Конвен. – «Их так же много, как и рабов».

«Кроме того, им не нужны стены, чтобы защищать город», – заметил О'Коннор. – «Потому что никто не окажется настолько глупым, чтобы атаковать. Здесь находятся тысячи воинов Империи. И ничего вокруг этого места на многие мили».

«Зачем ворам приносить Меч в это место?» – спросил Элден.

Рассматривая почву, Тор увидел следы, ведущие в том направлении.

«Это не имеет смысла», – добавил Рис.

Тор пожал плечами.

«Как сказал мальчик, может быть, этот город является для них привалом по пути в другое место».

Все как один молодые люди отправились по следу в направлении города, каждый из них был напряжен, положив руки на рукояти мечей.

«Нас совсем скоро заметят», – сказал Рис. – «Видите тот ряд скал? Нам следует направиться к ним и держаться поближе к краю, оставаясь в тени. Иначе они увидят нас».

«Но мальчик сказал не сворачивать с тропы», – напомнил О'Коннор.

Рис пожал плечами.

«Мы не уйдем *далеко* от тропы. И я бы предпочел рискнуть, свернув с толпы, чем встретиться с солдатами Империи».

Тор почувствовал, что все члены Легиона посмотрели на него в ожидании окончательного решения. Он обдумывал две точки зрения, и решение ему предстояло принять непростое. Наконец, Тор кивнул в ответ.

«Эта тропа – гарантированная смерть», – сказал он. – «В отличие от скалы. Мы отправимся туда».

Члены Легиона поспешили уйти с тропы, стараясь держаться поближе к огромному обнажению горной породы так, чтобы остаться незамеченными. Они медленно приближались к городу. Всего в сотне ярдов от него они начали слышать крики и стоны рабов, страдающих под гнетом воинов Империи. Город был наполнен ударами хлыста и взрывающимся пламенем, повсюду вырывающимся из-под земли.

Приблизившись, Тор увидел металлические сооружения, встроенные в землю, из которых свисало нечто вроде горной аппаратуры. Рабы, сдерживаемые толстыми железными

кандалами, направляли их к огромным отверстиям, снова и снова ударяя ими в землю. Когда они глубже копали эти отверстия, оттуда в сооружение вырывалось пламя.

«Что они делают?» – спросил Конвал.

«Кажется, что они что-то добывают», – сказал Элден.

«Но что?»

Молодые люди растерянно пожали плечами.

Не успели они сделать следующий шаг, как раздался крик О'Коннора, и все его друзья остановились и обернулись. Тор бросил взгляд вниз и увидел длинную костлявую лапу какого-то зверя, выстрелившую из песка и схватившую О'Коннора за голень. Он обхватил своими когтями ногу молодого человека и, дернув его, поволок вниз, погружая в песок.

Тор был первым, кто отреагировал, сделав шаг вперед с мечом в руке и хлестнув по запястью зверя. Раздался приглушенный визг откуда-то из-под песка, и лапа монстра залезла обратно в землю. Но оторванная рука зверя по-прежнему цеплялась за голень О'Коннора, который продолжал кричать. Крон, зарывав, прыгнул вперед и схватил ее зубами. Рука отпустила молодого человека и побежала по песку, после чего тоже погрузилась под поверхность.

Молодые люди удивленно переглянулись между собой.

Но у них не было времени на то, чтобы выяснять, что произошло, потому что внезапно из песка вокруг них начали выпрыгивать дюжины монстров. Наконец, Тор понял, почему мальчик велел им не сворачивать с толпы.

Тор отпрыгнул в сторону, когда из земли выстрелила рука, пытающаяся схватить его за ногу. Он прыгнул на нее и раздавил своим сапогом. Но в следующую минуту появилась другая рука и поцарапала его лодыжку.

«Бегите!» – приказал Тор. – «Назад на тропу!»

Все члены Легиона, размахивая своими мечами, стараясь изо всех сил избежать когтей монстров. Ужаленные ноги Тора изнывали от боли, после того, как его поцарапал коготь зверя. Крон зарывал и прыгнул, кусая руки, появляющиеся из песка.

Молодые люди бежали со всех ног, спасая свои жизни. Они больше прыгали, чем бежали, пока им, наконец, не удалось вернуться обратно на тропу, которая находилась всего в нескольких шагах от города.

Они все продолжали бежать, пытаясь оказаться в городе достаточно быстро для того, чтобы их никто не увидел. Тор повел своих друзей в город вниз по узкому переулку между двумя зданиями, где, казалось, было меньше воинов Империи, да и тех заслоняли толпы рабов.

Рабы прекратили работать и звуки их зубил утихли, когда они обернулись и удивленно посмотрели на молодых людей. Они широко распахнули глаза – очевидно, никогда прежде они не видели на этих улицах свободных людей.

«Кто вы?» – спросил один из них.

Обернувшись, Тор увидел крупного мужчину, чье лицо было перепачкано грязью.

Он облокотился на свою кирку, рассматривая группу Легиона. Вокруг него собрались дюжины других рабов.

«Мы прибыли сюда из Кольца», – сказал Тор. – «Мы прибыли сюда, чтобы найти то, что было у нас украдено. Мы ищем дюжину мужчин, несущих меч. Нам сказали, что они пришли в этот город. Вы их видели?»

Крупный раб покачал головой.

«Вы совершили серьезную ошибку, придя сюда», – произнес он своим низким голосом, в то время как вокруг него собиралось все больше и больше людей. – «Вы не покинете этот город живыми. Никто не уходит отсюда живым. Войска Империи находятся повсюду. Возможности сбежать нет».

«Освободите нас!» – крикнул другой раб.

«Да, освободите нас!» – крикнул второй раб, отчаянно поднимая вверх цепи. – «Или мы оповестим стражу о вашем присутствии».

Тор и другие члены Легиона вынули мечи.

«Вы этого не сделаете», – предупредил Рис.

«Мы освободим вас, если вы скажете нам, куда та группа мужчин отнесла Меч», – сказал Тор.

«Мы вас не боимся», – ответил крупный раб, делая шаг вперед, бросая на них хмурые взгляды. – «Знаете ли вы, что мы добываем здесь? Огонь!»

«Огонь?» – озадаченно переспросил Тор.

Раб развернулся со своей киркой и несколько раз ударил ею по земле. Через несколько секунд в воздух выстрелил взрыв пламени, и огромное металлическое сооружение засветилось оранжевым светом, поглощая пламя.

«Это огненные шахты», – сообщил другой раб, вызываясь делая шаг вперед. – «Одно из самых худших мест Империи. Ни вы, ни ваши мечи не могут сделать с нами ничего такого, чего они еще не сделали. Поэтому освободите нас. Это ваш последний шанс. Если вы этого не сделаете, то мы позовем стражу!»

Тор стоял перед ними, колеблясь.

«Не делай этого», – попросил Элден.

«Если ты их освободишь», – сказал Рис. – «Они начнут беспорядки, а это выдаст нас».

«Освободите нас!» – кричала группа рабов все громче и громче.

Тор и остальные члены Легиона нервно оглянулись по сторонам, и вдалеке увидели, что в их сторону посмотрели несколько стражников.

«СТРАЖА!» – крикнул раб.

«СТРАЖА!» – вторили эхом другие рабы.

«Бегите!» - приказал Тор, не желая столкновения. - «Сюда!»

Они все побежали по переулку, все глубже сворачивая в Город Рабов, пробегая мимо рядов рабов, каждый из которых стоял и наблюдал за убегающей группой молодых людей. Тор обернулся через плечо, чтобы проверить, и его желудок упал, когда он увидел, что за ними несутся дюжины войск Империи.

Затрубили в рог, и к ним присоединились еще несколько дюжин войск, которые начали стекаться с разных сторон.

Молодые люди достаточно быстро оказались окружены, солдаты набросились на них со всех сторон. Бежать было некуда.

«Сюда!» - послышался голос.

Обернувшись, Тор увидел одинокую рабыню, прикованную цепью к столбу, которая неистово жестикулировала, привлекая их внимание. Это была красивая девушка с длинными черными растрепанными волосами, перепачканным грязью лицом и отчаянными сверкающими черными глазами. Она подняла огромный металлический люк в земле и жестом призвала их бежать к ней.

«Внутрь, быстро!» - крикнула девушка. - «Я вас спрячу!»

Тор посмотрел на своих товарищей, которые были настроены скептически. Но в следующую минуту, обернувшись, они увидели все те войска, несущиеся к ним, и осознали, что выбор у них невелик. Тор не хотел вступать в битву с тысячей войск Империи и уж тем более не здесь, в этом тесном помещении, в месте, которое он не знал. Он должен довериться этой рабыне.

Тор кивнул, и остальные члены Легиона развернулись и побежали вместе с ним к открытому отсеку, нырнув головой вперед. Крон последовал за ними. Тор тоже нырнул в неглубокую яму в земле, в то время как его друзья прыгнули на него сверху. Они набились внутрь как сардины, после чего девушка опустила крышку поверх них, и на них опустилась чернота.

Крон разместился рядом с Тором. Здесь было тяжело дышать. Сердце Тора бешено колотилось, он не мог не спрашивать себя, спаслись ли они или угодили в ловушку. Он спрашивал себя, может быть, с их стороны было глупо нырять сюда, доверившись рабыне.

Звуки над ними стали приглушенными, и Тор услышал, как девушка встала на металлическую крышку, после чего до него донеслись шаги пробегающих мимо дюжин воинов. Через несколько секунд, когда земля над ними стихла, девушка подняла крышку.

Металлическая дверь медленно отворилась, впуская резкий свет, и Тор увидел лицо рабыни, которая поспешно жестом подавала им знак, что пора подниматься. Молодые люди выбрались наверх, и девушка повела их к тени стены. Она стояла рядом с ними со скованными тяжелыми железными цепями запястьями.

«Освободите меня», - попросила рабыня. Ее глаза были полны отчаяния и страха. - «Разорвите мои оковы!»

Тор окинул девушку взглядом - она была высокой, примерно одного роста с Элденом, широкой и худой, с прямыми чертами и большими черными глазами. Девушка вся была в грязи, у нее был дикий неистовый вид, а также жесткость, которую Тор редко встречал в девушках. Кроме того, у нее был сомнительный хитрый взгляд, и Тор не знал, могут ли они ей полностью

доверять. Было очевидно, что эта девушка привыкла выживать.

«А почему мы должны это делать?» – спросил Элден, подходя к ней ближе.

Рабыня пристально посмотрела на молодого человека, и тот ответил ей не менее пристальным взглядом.

«Потому что я выведу вас отсюда!» – сказала она. – «Никто другой не знает этот город так, как я. Если вы не последуете за мной, стража непременно схватит вас и превратит в рабов. Но я знаю выход отсюда. Времени у нас немного. Хотите довериться мне?»

Тор покачал головой.

«Мы ценим твое предложение, но мы пришли в этот город не для того, чтобы сбежать», – сказал он. – «Мы прибыли сюда, чтобы найти меч и группу мужчин, которые его несут».

«Я знаю, куда они пошли», – ответила девушка.

Члены Легиона переглянулись между собой раскрытыми глазами.

«А откуда ты это знаешь?» – спросил Конвал.

«Потому что они воры», – сказала рабыня. – «Так же, как и я. Одни воры всегда знают, куда идут другие».

Молодые люди посмотрели друг на друга, удивленные ее прямоотой.

«Я могу отвести вас к их тропе», – добавила она. – «Она выводит за пределы города. Их здесь нет».

Элден недоверчиво прищурился.

«Почему бы тебе просто не сказать нам, как туда пройти, и мы отправимся в путь», – сказал он.

Тор заметил в выражении Элдена нечто, чего он не видел раньше – казалось, что он испытывает нечто большее, чем просто любопытство. Судя по выражению его лица, он заинтересовался этой девушкой.

Рабыня покачала головой.

«Так не пойдет», – сказала она. – «Или я отправляюсь с вами, или вы не уйдете вообще».

«Почему ты хочешь пойти с нами?» – спросил молодой человек.

«Я тоже хочу покинуть это место», – ответила она. – «И это мой шанс».

«А как мы можем доверять тебе, воровке?» – вмешался Рис.

«Вы не можете», – сказала девушка. – «Но вы должны кому-то довериться. Освободите меня сейчас же!» – потребовала она, глядя по сторонам в переулке, когда мимо пробежал охранник. – «Или я буду довольствоваться, наблюдая за тем, как вы умираете здесь!»

Элден серьезно посмотрел на нее.

«Я предлагаю освободить ее», – сказал он.

«И доверить наши жизни этой рабыне?» – выкрикнул О’Коннор. – «Этой воровке? Она может отвести нас в ловушку».

«Возможно, она даже понятия не имеет, где находится Меч», – добавил Конвал.

«Какой у нас выбор?» – спросил Рис.

Они все посмотрели на Тора.

Молодой человек прокашлялся.

«Я считаю, что однажды она уже спасла наши жизни», – сказал он. – «Хотя и не должна была. Нам нужно найти Меч, а она говорит, что знает, где он. Это лучше, чем то, что у нас есть сейчас, это лучше, чем ничего. Воровка или нет, рабыня или нет, я считаю, что мы должны ей довериться».

Тор вышел вперед, поближе к девушке и поднял свой меч.

«Если ты отведешь нас в безопасное место и покажешь след воров», – сказал он. – «Я обещаю защитить тебя. Если же ты предашь нас, я обещаю, что убью тебя».

«Мне не нужна твоя защита», – вызывающе фыркнула рабыня. – «А теперь прекрати разговаривать и вытащи меня отсюда!»

Элден сделал шаг вперед, поднял свой меч и нанес один ловкий удар. С решительным звоном он разрубил ее цепь.

«Следуйте за мной!» – сказала девушка. Не теряя ни минуты, она побежала, сворачивая то в один, то другой переулок города.

Тор и остальные члены Легиона тоже не стали ждать, они побежали за рабыней, в то время как она то и дело сворачивала, ринувшись вниз по переулкам, уводя их все глубже и глубже в Город Рабов. Группа рабов, прикованных друг к другу цепью, обернулась и, протянув руки, кричала на них, пока они пробегали мимо, пытаясь схватить молодых людей, остановить их. Но они бежали слишком быстро.

Эта невероятная девушка была словно живая карта. Было очевидно, что она знает каждый дюйм этого города. Девушка делала такие крутые повороты в узких переулках, что Тор с трудом себе представлял, как она это делает. Шестеро молодых людей держались поблизости, когда они искали путь из города, направляясь к другому его концу. Крон бежал рядом с Тором.

Жара и пыль изводили их, пока они бежали, и на улицах, наполненные звуками хлыстов, криков и аппаратов, начало появляться что-то еще – звуки рабов, которые поднимались, смотрели в их сторону и кричали.

Внезапно вперед вышел один из надсмотрщиков Империи с хлыстом в руке, который нанес сильный удар по спине девушки.

Она закричала от боли и оступилась, упав на землю лицом вниз.

«Вернись к работе, рабыня!» – крикнул надсмотрщик.

Элден, покраснев от гнева, даже не замедлив бега, поднял свой меч и замахнулся на надсмотрщика. Тот развернулся и бросил взгляд на Элдена, его глаза широко распахнулись от страха, но времени для того, чтобы отреагировать, у него не было.

Элден отрубил ему голову и продолжил бежать, ни на миг не снижая темпа. Затем он нагнулся, взял девушку за руку и поднял ее с земли, помогая ей встать на ноги и убежать вместе с ними.

Обернувшись, Тор увидел, что собирается еще несколько войск, которые бросились за ними. Он посмотрел вперед, увидел перед собой черты города и широкое открытое пространство – открытое поле, которое сделает их уязвимыми, как только они окажутся за пределами города, особенно учитывая огромную группу, следующую за ними.

Тор подбежал к девушке, пытаясь отдышаться.

«Ты выводешь нас из города прямо в открытое поле!» – крикнул он. – «Мы будем незащищенными! Как мы одолеем их в открытом пространстве?»

«Эти поля неоткрытые» – сказала девушка, хватая ртом воздух. – «Доверьтесь мне».

Они все побежали сообща, вырвавшись в открытое поле. Тор не понял, что она имела в виду, но знал, что у них не было выбора – они должны ей доверять.

Молодые люди последовали за девушкой в открытое поле. Тор спрашивал себя, какой козырь она прятала в рукаве, когда внезапно из-под земли вырвалось огромное пламя, как раз рядом с Тором, и опалило его рукав. Он отпрыгнул назад, едва избежав пламени, после чего продолжил бежать.

«Что это было?» – крикнул он.

«Огненные поля!» – крикнула рабыня в ответ. – «Оглянись. Ты видишь войска Империи?»

Обернувшись на ходу, Тор увидел, что дюжины войск Империи остановились у края города, колеблясь, не зная, стоит ли им следовать за молодыми людьми.

«Они не настолько сумасшедшие, что преследовать нас здесь!» – крикнула рабыня.

Но не успела девушка закончить предложение, как в воздух выстрелило очередное пламя рядом с О'Коннором, который закричал, когда оно обожгло его предплечье. Он протянул руку и похлопал по пламени, потушив его.

«Куда ты нас привела?» – крикнул О'Коннор рабыне.

«Это наша единственная надежда на свободу!» – крикнула она в ответ. – «И именно по этой тропе пошли воры!»

Тор снова оглянулся через плечо и увидел, что небольшая часть войск откололась от группы, решив погнаться за ними. Пока он наблюдал за ними, один из них побежал прямо на огромный шар пламени. Закричав, он замертво рухнул на землю.

Пока они бежали, пламя выстреливало вокруг них все чаще. Тор колебался, не зная, бежать ли направо или налево, надеясь и молясь о том, чтобы им удалось выжить на этом огненном минном поле. Его друзья делали то же самое, так же как и Крон, который скулил и рычал, пытаясь схватить огненные шары. Пламя опалило его лапу и он, скуля и прыгая, тем не менее,

продолжал бежать.

«Когда это закончится?» – крикнул Тор девушке.

Тор услышал крик и увидел другого солдата Империи, который, пронзительно закричав, сторел заживо.

«Туда!» – крикнула девушка, указывая в сторону. – «Видите там, вдали?»

Проследив за ее пальцем, Тор увидел в поле зрения, впереди, бушующую реку.

«Это наш выход отсюда!» – крикнула рабыня. – «Если нам удастся туда добраться!»

«Наш выход отсюда?» – переспросил Тор, не веря своим ушам.

Этот план был еще безумнее, чем он думал – воды реки пенились и неистовствовали, и ему не представлялось возможным, как она может быть намного безопаснее этого минного поля. Тем не менее, у них не было выбора. Девушка побежала быстрее, и молодые люди последовали ее примеру. Тор изо всех сил молился о том, чтобы шар пламени не поглотил его до того, как он сможет добраться до воды. Он старался бежать как можно быстрее и легче.

Лицо Тора было черным от сажи, когда они приблизились к реке и оказались уже всего в десяти футах от нее, звук ее фонтанирующих вод оглушал. И тут вдруг перед ним вырос шар пламени. У Тора не было времени на то, чтобы остановиться.

Тор поднес руки к лицу, в то время как все его тело было охвачено пламенем. Он закричал, загоревшись, и начал бежать изо всех сил, прыгая, охваченный пламенем, в бурное течение.

Глава четырнадцатая

Лорд Култин шел по каменным коридорам королевского двора, с нетерпением ожидая того момента, когда он предаст Гарета, перережет ему горло и захватит его трон для себя. Рядом с ним шагали дюжины его солдат.

Култин слишком долго выжидал, мирясь с сумасбродством Гарета только потому, что он хорошо ему платил. А до того, как пал Щит, казалось, что Гарет будет править вечно. Но Култин понимал, что как только Андроникус войдет в Кольцо, дни Гарета будут сочтены и его время выйдет. Сначала Култин собирался бросить короля, но потом, когда он увидел, насколько тот слаб и жалок, то почувствовал отвращение. Он сам мог бы стать лучшим королем, а это именно то, в чем сейчас нуждался королевский двор. Ни Гарет, ни его сестра, ни один из МакГилов, а он, Лорд Култин, *настоящий* мужчина, наемник сможет взять трон силой. Именно так и становились королями на протяжении столетий, и Култин чувствовал, что пришло время восстановить старую традицию. В конце концов, кто больше заслуживает того, чтобы стать королем, чем тот, кто захватил трон не по праву, а силой?

Култин ускорил шаг, поскольку ему не терпелось увидеть выражение лица Гарета, когда он войдет в покои этого прониры и проигнорирует его приказ, когда вышвырнет его с трона и убьет на месте. Он может позволить Гарету какое-то время умолять его. Но независимо от того, что он скажет, в конце концов, Култин сделает то, чего хочет весь королевский двор – он убьет короля.

Култин сделал глубокий вдох, уже наслаждаясь тем приливом власти, который он получит. Он будет королем. Он – Король. И тогда он изменит ситуацию в королевском дворе к лучшему.

Лорд Култин сплотит всех своих воинов, которые будут счастливы от того, что их возглавит настоящий солдат. Он запрет ворота королевского двора на засов и выставит настоящую защиту против Андроникуса. Он вытеснит Гарета с Кольца, после чего сам Култин станет последним правителем всего Кольца.

Култин распахнул высокие арочные двери, ведущие в личные покои Короля, рассчитывая, как всегда, найти здесь Гарета, восседающего на своем троне. Он предвкушал встретить взгляд, полный удивления и ужаса.

Но как только Култин вошел в покои, он тут же понял, что что-то не так. Этого не может быть.

Комната была пуста.

Это невозможно. Култин перекрыл все выходы для того, чтобы предотвратить побег Гарета. Он не мог просто исчезнуть. И он не понимал, откуда Гарет узнал о его появлении.

Култин тщательно обыскал комнату, после чего увидел камин. Внутри его отверстия был приоткрыт люк.

Култин откинулся назад, покраснев. Гарет сбежал. Он нашел окольный путь из замка. Король узнал о его приходе. Он перехитрил его.

Култин закричал от отчаяния, понимая, что Гарет сейчас уже находится далеко, ускользнув от него. Повернувшись к окну, Култин начал ощущать, как разбиваются его мечты.

Но когда Лорд выглянул в открытое окно, он заметил нечто, что внушило ему гораздо большее беспокойство. Он снова посмотрел, сначала не поверив своим глазам. Но, присмотревшись внимательнее, почувствовал, как его сердце ушло в пятки, когда он понял, что глаза не обманывают его. Впервые в своей жизни Култин понял, что значит испытывать страх. Настоящий страх.

Внизу раздался громкий крик, когда внезапно армия Андроникуса прорвалась через ворота королевского двора, убивая всех и каждого на своем пути. Тысячи воинов ворвались во двор, как прорыв плотины, представляя собой одну огромную волну разрушения.

Позади них, заслоняя собой горизонт, скакал миллион мужчин, покрывая землю подобно муравьям.

До того, как Култин смог понять, что происходит, до того, как он смог обернуться, чтобы отдать приказ своим людям или достать свой меч, внезапно голову поднял одинокий солдат, который прицелился в Лорда через окно и метнул свое копьё.

Оно пролетело в воздухе и вонзилось Лорду Култину в горло, войдя через один конец и выйдя через другой.

Култин стоял с широко раскрытыми глазами, схватившись за горло, когда оттуда на его руки хлынула кровь. После чего он выпал из окна.

Култин кувыркнулся вниз головой, падая на землю, и последнее, о чем он подумал, было удивление, связанное с тем, как удалось убежать Гарету.

Глава пятнадцатая

Эрек ворвался в ворота Саварии с Алистер, которая сидела с ним верхом на Варкфине, прижимаясь к нему. Герцог, Брандт и несколько рыцарей скакали вместе с ним. Они не останавливались с момента встречи с теми монстрами на поле боя и, когда Эрек оглядывался через плечо, он видел, что они все еще преследуют их – даже пешком они были почти такими же быстрыми, как и их лошади.

«ТРУБИТЕ В РОГ!» – крикнул Герцог. – «ЗАКРОЙТЕ ВОРОТА!»

Как только они въехали в город, позади них опустились железные шипы, падая в землю с огромным стуком, отдающим эхом.

Когда они оказались в городе, там началась паника. После того, как затрубил один рог за другим, жители города побежали по улицам, торопясь укрыться в своих домах, запирая двери и ставни. Отовсюду появлялись войска, занимая позиции вдоль стен, на парапетах, за главными городскими воротами. Герцог отдавал приказы им всем.

Эрек скакал вместе с Алистер через площадь в замок Герцога, остановившись только для того, чтобы помочь девушке спешиться. Он бросил на нее взгляд сверху, держа ее за руку.

«Ты спасла мою жизнь», – сказал Эрек. – «А теперь я спасу твою. Я заклинаю тебя – оставайся в этом замке, пока не завершится битва. Если мы не одержим победу, слуги Герцога покажут тебе секретный туннель для того, чтобы ты смогла убежать. Пожалуйста, послушай меня. Эти создания – сущие дикари».

После этих слов Эрек развернулся, пнул своего коня и галопом поскакал через площадь, присоединяясь к своему другу Брандту, после чего они ринулись помочь воинам Герцога перед городскими воротами.

Они все сидели верхом в ряд на своих конях – дюжины воинов, стоявшие в ожидании перед железными шипами за этими древними закрытыми дубовыми воротами. Подняв голову, Эрек увидел, что сотни солдат заняли позиции на парапетах по всему городу. Но даже сейчас сотни монстров мчались в их город, и он знал, что им предстоит напряженная защита.

«Как думаешь, сколько выдержат ворота?» – спросил Брандт.

Эрек пожал плечами, рассматривая древнее дерево. Если бы это были обычные противники, если бы это были обычные люди, он с легкостью ответил бы другу. Но кто знает, чего ожидать от этих созданий.

«Эти ворота прошли испытание временем», – с гордостью произнес Герцог.

Но не успел он закончить предложение, как их всех потряс долетевший до них грохот, словно на них бросились слоны, а затем треск раскалывающейся древесины. Эрек не мог поверить своим глазам, когда увидел, как огромные дубовые ворота – пять футов в толщину и тридцать пять футов в высоту – были сорваны с петель, оставляя между ними и этими монстрами только железные ворота с шипами.

Эти чудовища подняли деревянные ворота так, словно они были игрушкой, и швырнули их на землю. После чего они нацелились на железные решетки.

Сотни тварей приблизились к металлическим воротам, пытаясь протолкнуть через них свои рычащие отвратительные лица, засовывая свои лапы через решетки, которые уже начали сгибаться.

«Что Вы сказали?» – спросил Брандт Герцога, который стоял с красным лицом и открытым от потрясения ртом.

«ЛУЧНИКИ!» – крикнул Герцог.

Эрек не ждал приказа. Он уже выпустил три стрелы к тому времени, когда Герцог отдал свой приказ, и попал трем созданиям в головы, когда они схватились за ворота. Все трое упали на землю.

Дюжины воинов Герцога вокруг Эрека стреляли из луков. Передний ряд монстров пал, но за ними быстро появилось еще несколько дюжин. Казалось, что армия этих тварей выходила из стены Каньона, словно все эти годы они ждали возможности посеять хаос в Кольце, как только падет Щит.

Металлические ворота начали гнуться еще сильнее, и Эрек осознал, что их стрелы недолго будут сдерживать противника.

«СМОЛА!» – крикнул Герцог.

Высоко над ними, на парапетах дюжины воинов медленно перевернули котлы с кипящей смолой.

Когда они начали заливать все вокруг городских стен, поднялись крики тварей, облитых горячей жидкостью. Она убила дюжины созданий на месте. Их тела громоздились перед воротами.

Тем не менее, Эрек увидел за ними еще несколько сотен монстров, которые ринулись на них. Он знал, что это только вопрос времени, пока эти ворота рухнут, пока у них закончатся стрелы и смола, чтобы сдерживать противника. Рыцарь понимал, что им нужна стратегия, и быстро, до того, как ворота не выдержат.

«Есть ли какой-то окольный путь из города?» – спросил Эрек.

Герцог озадаченно посмотрел на него.

«Если мне удастся подкрасться к ним сзади, я могу одолеть их с фланга», – сказал Эрек. – «Создайте еще один фронт и отвлеките их внимание от ворот. Это единственный способ. Нам нужно разделить их армию. Если они атакуют эти ворота единой силой, совсем скоро они разорвут их на части».

Герцог понимающе кивнул.

«Ты смельчак», – сказал он. – «Пересеки площадь и отправляйся к третьим воротам справа. Пройдя мимо них, ты обнаружишь небольшую арочную дверь без ручки, спрятанную за камнем. Выход там. Да пребудет с тобой Господь».

Эрек развернулся и галопом поскакал через город, следуя указаниям. Он услышал несущуюся позади него галопом лошадь и, обернувшись, увидел Брандта, который, улыбаясь, скакал рядом с ним.

«Думаешь, я позволю тебе оставить все веселье себе?» – спросил Брандт.

Эрек был готов встретиться с армией один, но он был счастлив, увидев рядом с собой своего

старого друга.

Они пригнулись под каменной аркой, после чего последовали указаниям Герцога, пока не обнаружили потайную дверь, которую было сложно увидеть из-за того, что она была скрыта каменным фасадом. После того, как они спешились, Эрек откинулся назад и несколько раз пнул ее ногой, пока она, наконец, не поддалась. Он снова оседлал своего коня и пригнулся, въезжая внутрь. Брандт последовал за ним, надежно захлопнув за собой дверь.

После того как друзья проехали через длинный туннель, они оказались позади городских ворот. Рыцари подождали, пока они не оказались на безопасном расстоянии, после чего поскакали по периметру города в широком кругу, чтобы устроить засаду монстрам сзади.

Наконец, они объехали весь круг и поскакали по направлению к тылу монстров. Они набросились на противника, когда те собрались у ворот. Эрек и Брандт добрались как раз вовремя – железо уже изрядно согнулось.

Эрек поднял свой меч и издал свирепый боевой клич, желая отвлечь внимание тварей от ворот, и Брандт присоединился к нему.

Это сработало. Половина армии монстров обернулась и бросилась на них. Ковени представляли собой отвратительные существа. Такие высокие, они были почти одного уровня с ними, даже верхом на лошадях. Их тела были покрыты мышцами, кожа светилась желтым цветом, пальцы, сужаясь, переходили в длинные желтые когти. У каждого из них было по две головы и руки длиной восемь футов. У них не было при себе оружия – они в нем просто не нуждались.

Ковени закричали, и их боевой клич был громче, чем крик Эрека.

Но Эрек не испытывал страха. Всю свою жизнь он тренировался для таких дней, как этот. Он знал, что его дело было верным и благородным, и он чувствовал себя энергичным, как никогда.

Эрек высоко поднял свой меч и, когда первый монстр прыгнул в воздух, поднимая свои когти, чтобы выколоть Эреку глаза, рыцарь пригнулся, замахнулся и рассек ему туловище пополам.

Эрек продолжал нападать, проткнув сердце второму монстру. Другой рукой он поднял длинную шипованную цепь, размахнулся ею высоко над головой и одним махом отсек три головы.

В следующую минуту Эрек ощутил жгучую боль в боку, когда один из монстров подпрыгнул в воздух и схватил рыцаря, сбивая его с коня на землю. Ковени высоко поднял руки над головой, готовясь обрушить свои когти на лицо Эрека, но тут Варкфин заржал, откинулся назад и сильно пнул монстра в грудь, ломая его ребра, отчего тот отлетел назад, замертво рухнув на землю.

Эрек откатился в сторону, когда другой монстр замахнулся на него своим кулаком, чудом промахнувшись. Он вскочил на ноги, схватил свой меч и, размахнувшись, убил Ковени.

Но эти монстры были слишком быстрыми, и их было слишком много. Эрек почувствовал, как его сильно ударили сзади, и отлетел на землю лицом вниз.

Обернувшись, рыцарь увидел монстра, который вытянул когти и приготовился вцепиться ими в горло Эреку. Рыцарь не сумел отреагировать вовремя и приготовился к смерти.

И в следующий миг грудь Ковени пронзило копьё. Появился Брандт, который в воздухе

проткнул монстра до того, как тот смог причинить Эрек вред.

Эрек снова поднялся на ноги, как всегда испытывая благодарность по отношению к своему другу. Он заметил, что очередной монстр прыгнул на Брандта, схватил свою цепь и, размахнувшись, ударил монстра шипованным шаром по голове, как раз перед тем, как тот собирался схватить Брандта.

Следующий монстр пригнулся и сбил Брандта с коня, после чего тот упал рядом с Эреком. Рыцарь развернулся и проткнул горло Ковени.

Теперь Брандт и Эрек стояли спиной к спине с вытянутыми мечами, парируя и защищаясь от тяжелых ударов этих монстров, которые окружили их. Группа Ковени становилась все больше к этой минуте, значительно превосходя числом двух рыцарей. Эрек чувствовал растущую боль в руках. В эту минуту сзади на него набросился монстр и выхватил цепь из его рук.

Не успел Эрек обернуться, как другой монстр ударил его в спину, между лопатками, выбивая из его рук меч. Третий монстр Ковени нанес ему сильный удар под коленом, сбивая его на землю.

Эрек лежал на земле и смотрел на то, как его друг Брандт получил удар в грудь и тоже рухнул на землю рядом с ним, потеряв сознание.

Рыцарь смотрел вверх, понимая, что окружен. Лежа там один, беззащитный, он знал, что ему ничего не остается кроме как беспомощно наблюдать за тем, как все монстры единой силой собираются покончить с ним.

Эрек знал, что, наконец, пришла его смерть.

Глава шестнадцатая

Селезе мерила шагами комнату, бездумно перебирая ассортимент трав, выглядывая в окно на свою небольшую деревню и думая только о Рисе. С тех самых пор, как он покинул деревню, она не могла думать ни о чем другом. Его имя звучало в ее голове как заклинание. Рис.

Рис.

Сын Короля. Тот самый, кого она отвергла. Тот самый, кого она спасла. Селезе поступила глупо, проявив по отношению к нему такую холодность, вот так отослав его прочь.

Не потому что он был сыном Короля.

А потому что, несмотря на то, что девушка сказала ему, она тоже его любила.

Застигнутая врасплох его словами, проявлением его чувств к ней, Селезе повела себя так, словно подумала, будто Рис сошел с ума, был неразумным, поведав его о своей любви так поспешно. Но в глубине души девушка испытывала взаимные чувства – возможно, она даже сильнее любила Риса, чем он любил ее. Было что-то в его личности, в его честности, что притягивало ее как магнитом. Селезе просто не могла выразить это словами. Испугалась признать это. Испугалась, что Рис подумает, что она сумасшедшая.

Она была так глупа, защищая себя, и повела себя, как подросток. Ей не хватило мужества быть такой же честной, как и он. Потому что, кроме того, Селезе боялась. Боялась поверить в то,

что это правда, и боялась того, что это чувство исчезнет так же быстро, как и появилось.

А теперь, после того как Рис ушел много дней назад, сердце Селезе было преисполнено настойчивым чувством, которое повисло над ней как облако, и она поняла, что чувство настоящее. Она знала это по боли в животе, по боли в груди, по тому факту, что она не могла перестать думать о нем, не могла прогнать образ его лица из своей головы, продолжала слышать его голос с первой минуты пробуждения. Девушка чувствовала, что ее любовь к Рису была более реальной, чем что-либо из того, что она испытывала в своей жизни.

Селезе не могла сомкнуть глаза уже две ночи подряд, изводя себя мыслями о том, что ей следовало поступить по-другому. И как она могла все сделать правильно.

Селезе стояла, глядя в окно, продолжая возиться с травами, выбирая, какую она возьмет с собой, а какую оставит. Рядом с ней был мешок, набитый ее вещами. Девушка была готова покинуть это место, чтобы никогда сюда не возвращаться. Она решила отыскать Риса и начать жизнь заново вместе с ним.

Она найдет его, чего бы ей это ни стоило. Селезе даст ему второй шанс - и попросит второй шанс для себя. Может быть, всего лишь может быть, надеялась и молилась девушка, Рис согласится. Не потому, что она хотела выбраться из деревни - она любила это место. Не потому, что он был сыном Короля - ее не волновало, даже если бы он был нищим. А потому, что в его глазах, в его голосе было что-то. Между ними была связь. Потому что он так сильно ее любил. Из-за того, как он с ней разговаривал.

Пока Селезе стояла, наблюдая за тем, как рождается рассвет, она мысленно приготовилась попрощаться с этим местом. Она закрыла глаза и обратилась с молитвой ко всем известным ей богам. Она молилась о том, чтобы найти Риса и чтобы он не прогнал ее прочь. Стоя с закрытыми глазами, девушка запомнила свой дом таким, какой он был сейчас, то, как были разложены ее зелья, как висели травы. Она надеялась на то, что однажды она сможет жить вместе с Рисом в месте, похожем на это.

И в эту минуту Селезе услышала шум. Это был необычный шум, который она не слышала уже многие годы, и впервые девушка подумала о том, что слух обманывает ее. Но, прислушавшись внимательнее, она поняла, что все происходит на самом деле. Это был звук насекомых, которые бежали по печеной пустынной земле. Тысячи насекомых, миллионы насекомых. Это был шум безумства. Сама эта вибрация пробежала по ее телу.

Селезе знала, что насекомые не бегают, если ничего не произошло. Что-то было не в порядке.

Девушка развернулась и, выбежав из дома, встала на пороге, рассматривая пустыню. И, конечно же, она увидела их - ряд насекомых, уносившихся прочь, словно они убегали от стихийного бедствия.

Или от армии.

Селезе с колотящимся сердцем медленно обернулась, опасаясь увидеть, что происходит. Она посмотрела в другую сторону, туда, откуда бежали насекомые, и в горле у нее пересохло - горизонт был черным от большого количества людей. Они появились, как целая планета, направляющаяся прямо в их деревню, представляя собою огромную разрушительную силу. Насекомые были мудрыми - они знали, когда пришло время спасаться бегством.

Ее деревня, жители которой все еще спали, находилась прямо у них на пути. Селезе была единственной, кто уже поднялся.

Девушка быстро побежала по городской площади, взобралась на ступеньки и начала звонить в городской колокол снова и снова, изо всех сил дергая грубую веревку. Город медленно просыпался, люди выходили из своих домов в полудреме, глядя на нее так, словно она сошла с ума.

Селезе указала на горизонт.

«Армия!» – крикнула она.

Наконец, жители обернулись и посмотрели вдаль, и испуганные выражения их лиц сказали ей, что они тоже увидели приближающуюся армию. Поднялись перепуганные крики, когда все больше люди начали выбегать из своих домов. В городе началась паника, когда люди стали спасаться бегством, покидая это место.

Сердце Селезе неистово колотилось, когда она увидела, что армия бросилась к ним, набирая скорость. Ее первым инстинктом было развернуться и убежать вместе с другими, но девушка заставила себя сначала побежать от одного дома к другому по всей деревне, чтобы убедиться в том, что все жители проснулись и осознали, что происходит. Она разбудила несколько семей, помогла детям собрать их вещи и спасла больше жизней, чем смогла бы сосчитать.

Наконец, позаботившись обо всех, Селезе и сама приготовиться убежать. Она направилась к своему собственному дому, чтобы забрать свой мешок, но затем поняла, что времени на это у нее нет. Ей придется оставить свои вещи позади, если она хочет выжить.

Селезе развернулась и выбежала через городские ворота вместе с другими жителями, присоединившись к массовому исходу. Они побежали через пустырь, под палящим оранжевым небом, направляясь на север. Куда-то в направлении Силесии.

И туда, как молилась девушка, где находится Рис.

Глава семнадцатая

Годфри сидел, сгорбившись, за столом в захудалом пабе в забытой части Саварии в окружении Акорта и Фальтона и сделал очередной большой глоток, наслаждаясь крепким элем этого города. Он допил его, поставив четвертую кружку пенящегося красного эля, который сразу же ударил ему в голову. Он был потрясен цветами этого места – все в этом городе было красным – от наряда бармена до столов и стульев. Красным был даже эль. От этого у него начиналась кружиться голова. От этого или от пива.

Но едва ли это волновало Годфри больше всего. Уткнувшись головой в барную стойку вместе со своими соотечественниками, он пытался забыть о своих бедах, забыть о скорой войне. Больше всего Годфри ненавидел самого себя. Он знал, что должен находиться подальше отсюда, поддерживая сестру и брата, быть вместе с остальными, делая все возможное для того, чтобы защитить город. Но он просто не мог заставить себя сделать это. С самой юности Годфри вел себя именно так – когда наступали сложные времена, он был не в состоянии встретиться с ними лицом к лицу. Вместо этого молодой человек он уходил в пивную и топил свое горе в эле.

Просто в отличие от других Годфри был сделан из совершенно другого материала, хотя он и хотел бы измениться. Когда он оказывался разбитым, то вместо того, чтобы быть храбрым, как Кендрик, Рис или Гвендолин, он слишком поддавался панике, чтобы предпринимать какие-либо действия. Вместо того чтобы противостоять трудностям, Годфри старался избегать их в надежде на то, что они пройдут сами собой. Время от времени, после нескольких крепких

напитков, ему удавалось убедить себя в том, что все будет в порядке, что ему нет необходимости испытывать свое мужество в бедах мира – это он может оставить для других.

Но на этот раз Годфри казалось, что все по-другому. На этот раз он знал, что ничего *не* будет в порядке. Он был здесь, в этом чужом городе, в этой чужой пивной, когда все вот-вот изменится навсегда. Его старые проторенные земли, королевский двор, старые знакомые ему улочки, старый район, старые пабы – все, что он знал, будет стерто с лица земли. Совсем скоро ничто уже не будет прежним. Скоро за ними сюда, в это место, явится смерть.

Щит пал. Он все еще не мог этого понять. Это всегда было самым большим страхом всех и каждого, еще с тех пор, когда Годфри был ребенком, а теперь это стало явью. Годфри знал, что особенно в такое время как сейчас ему не следует пить, что он должен держаться прямо, быть мужчиной, поспешить на улицу и присоединиться к своим сестре, брату и всем остальным, противостоять опасности, надвигающейся на ворота. Он знал, что ему следовало бы быть большим мужчиной. И Годфри знал, что пообещал сестре никогда больше не пить.

Он был противен сам себе. Тем не менее, хотя он по-прежнему хотел стать другим человеком, его поразили страх и бездеятельность. Годфри просто не мог заставить себя подняться, выйти туда и делать то, в чем они нуждались. Он не был обученным воином, как его братья. Он никогда не занимался уроками в детстве, всегда отказываясь подчиняться своему отцу. У него на самом деле не было никакого настоящего умения в жизни. Годфри знал только, какие пабы посещать и какую плохую компанию выбрать.

Сидя здесь в дурном настроении, Годфри казалось, что он попросту растратил свою жизнь. Он отчаянно хотел изменить ее, но только не знал как. Молодой человек не мог избавиться от ощущения, что уже слишком поздно. В конце концов, что может один человек сделать против такой армии, как армия Андроникуса? К тому же даже не будучи обученным воином – не меньше. Все казалось настолько тщетным. Если ему предстоит умереть, он этим даже может насладиться.

Единственное, что Годфри мог сделать, единственное, что он мог контролировать – это выпить еще один бокал и утопить свои тревоги, насколько это возможно.

«Еще одну кружку!» – крикнул Годфри бармену.

«И мне!» – эхом повторил Альтон.

«И мне!» – крикнул Фальтон.

Позади него толкались несколько завсегдатаев, а еще больше входило в таверну, и Годфри пришлось плотнее прижаться к барной стойке, поскольку присутствующие жались друг к другу плечом к плечу. Его друзья тоже пили от отчаяния, как и другие завсегдатаи в этом месте.

«Я никогда не видел это место таким переполненным», – сказал бармен, опустив перед ними их напитки. – «Войны должны происходить чаще», – добавил он. – «Кажется, что каждая проклятая душа в этом городе хочет заглушить свои печали».

«Ну, это наш последний день», – ответил Фальтон. – «Я абсолютно точно не хочу умирать трезвым».

«Хорошо сказано», – крикнул Акорт. – «И я тоже. Если мне предстоит умереть, почему бы не сделать этого пьяным?»

«Какова заслуга в том, чтобы быть трезвым, когда тебя бросают в землю?» – добавил Фальтон.

«Ну, есть одна хорошая причина для того, чтобы оставаться трезвым», – возразил Годфри, лишь для того, чтобы поспорить. – «Вы можете выйти отсюда и сражаться, чтобы предотвратить свою смерть».

«Ха!» – поглумился Акорт. – «Я могу сражаться так же хорошо, как и пить!»

«Да! Да!» – эхом повторил Фальтон. – «Разве ты не знаешь, что половина солдат там все равно пьяна? Ты правда думаешь, что они сражаются трезвыми?»

«В любом случае это не имеет значения» – сказал Акорт. – «Трезвые или нет, неужели ты на самом деле считаешь, что один воин сможет остановить миллионную армию?»

Годфри не мог не согласиться с друзьями. Тем не менее, он по-прежнему был в себе разочарован. Он любил свою сестру Гвендолин и брата Кендрика больше, чем смог бы выразить словами, и чувствовал, что бросил их, что в их глазах он является разочарованием. А это единственное, чем Годфри не хотел быть. Он мог быть разочарованием в глазах своего отца – он научился жить с этим. Но Годфри любил своих братьев и сестер, особенно Гвендолин, а она верила в него. Мысль о том, что он разочаровывает ее, была ему ненавистна. Особенно после того, как сестра спасла его.

«Для чего она спасла меня?» – выкрикнул Годфри вопрос самому себе.

Акорт и Фальтон обернулись и озадаченно посмотрели на него.

«О чем ты говоришь, парень?» – спросил Фальтон. – «Ты что-то бормочешь?»

Годфри чувствовал, что отличается от всех этих завсегдатаев. В конце концов, он был сыном Короля. Он был сделан из другого теста. Внутри него что-то было. Разве не должен он вести себя по-другому? У этих людей никогда не было шанса в жизни, но у него было нечто большее, чем шанс – у него были они все.

Или же все разговоры о принадлежности к МакГидам, об участии сына короля всего лишь вздор? Неужели это ничего не значит? Был ли он, в конце концов, так же хорош, как и все остальные, независимо от того, откуда они происходили?

Когда Годфри сделал большой глоток очередной кружки эля, ответы на все эти вопросы ускользали от него, роясь в его гудящей голове. Он не знал, доберется ли когда-либо до сути всего этого.

Внезапно дверь в паб распахнулась, и головы всех присутствующих обернулись, когда вошла красивая женщина. Годфри тоже обернулся и несколько раз моргнул, пытаясь сосредоточиться и вспомнить, кто она. И в следующую минуту он понял – Иллепра. Целительница, которая спасла его жизнь.

Иллепра выглядела красивой, как никогда, в своем кожаном коричневом наряде, с длинными взъерошенными волосами и сияющими зелеными глазами. Девушка остановила свой взгляд на Годфри, подходя к нему через весь паб, не обращая внимания на всех посетителей, толпившихся вокруг нее.

Они расступились, освобождая место для девушки. Казалось, что все выпившие мужчины были удивлены появлением такой красоты в этом месте.

«Мне сказали, что я могу найти тебя здесь», – сказала Иллепра Годфри обвиняющим тоном, когда она подошла к нему ближе, нахмурившись. В помещении стало тихо, все присутствующие наблюдали за конфронтацией.

Годфри с трудом мог поверить в то, что она нашла его здесь, в этом месте. Они проговорили всю дорогу во время их похода от королевского двора до Силесии. Годфри почувствовал связь с Иллепррой с самой их первой встречи, и во время их похода эта связь углубилась. Он пообещал ей, что изменится, что перестанет пить и возьмется за оружие вместе со своими братьями и сестрой.

И, тем не менее, Годфри был здесь. Его лицо залила краска, когда он ощутил небывалый стыд.

«Ты позоришь свою семью», – резко добавила Иллепра. – «Разве я для этого тебя спасла? Чтобы ты мог прятаться здесь, в этот поздний час и пропивать свою жизнь? Чтобы ты смеялся со своими друзьями? Именно это важно для тебя сейчас, в то время как твои братья и сестра находятся снаружи, готовясь сражаться за свои жизни?»

Годфри опустил глаза от стыда. У него не было ответа. Он и сам задавал себе те же самые вопросы.

«Мне жаль», – ответил Годфри. – «Ты права. Я не заслуживаю находиться там с ним. И никогда не заслуживал. Прости меня. Я не хотел разочаровывать тебя».

«Тогда ответь мне на вопрос», – настаивала Иллепра, сверкнув глазами. – «По какой причине я спасла твою жизнь, если ты даже не берешь в руки оружие, чтобы защищать ее?»

Иллепра, рассердившись, обернулась, рассматривая лица в баре.

«Я обращаюсь ко всем вам», – сказала она, повысив голос. – «Вы все прячетесь здесь, в то время как ваши соотечественники снаружи готовятся к войне. Ни один из вас не хочет выйти на улицу и взять в руки оружие, чтобы защищать свою жизнь. Забудьте о своей жизни, подумайте о жизни других. Ваши люди нуждаются в вас. Неужели вы настолько эгоистичны? За это они сражаются? Чтобы спасти таких, как вы?»

Все посетители бара молча смотрели на девушку.

«Будем ли мы сражаться или нет», – выкрикнул один из них. – «Это не имеет никакого значения. Несколько тысяч человек вряд ли остановят миллионную армию».

По бару пролетело одобрительное ворчание.

«Да, возможно, мы не сможем», – ответила Иллепра. – «Но это не означает, что мы не попытаемся. Однажды все мы умрем. Дело не в том, кто выживет, а кто умрет. Дело в том, как мы живем. И как мы умрем».

Девушка обернулась и посмотрела на Годфри.

«Я думала, что ты другой», – тихо сказала она. – «Я думала, что у тебя есть потенциал стать кем-то большим. Но теперь я вижу, что ошибалась. Ты всего лишь очередной пьяница, как говорит о тебе все королевство».

«В этом нет ничего плохого, мисс!» – выкрикнул Альтон в защиту Годфри, поднимая свою кружку. – «Можно умереть здесь, а можно умереть там. Но, по крайней мере, мой друг умрет

счастливым!»

Толпа издала одобрительные возгласы, поднимая свои кружки.

Иллепра покраснела, круто развернулась и поспешно вышла из паба.

В то время как посетители медленно вернулись к своему занятию, Годфри наблюдал за тем, как она уходит, сгорая изнутри. Фальтон протянул руку и похлопал его по спине.

«Женщины таковы», – утешительно сказал он. – «Они не знают, что является важным. Ты поступаешь правильно – выпей еще!» – сказал он, подтолкнув ему очередную кружку.

Когда Годфри бросил взгляд на кружку, что-то поднялось внутри него. Это было новое чувство, нечто, чего он никогда прежде не испытывал. Это было чувство гордости. Чувство чего-то большего, чем он сам. Впервые в своей жизни Годфри не думал о себе. Он не думал об очередном бокале.

Вместо этого он подумал о Кольце. О силеесацах. О том, чтобы сначала отдать приоритет другим.

Чем больше Годфри думал об этом, тем больше рассеивались его страхи. Чем больше он думал о том, чтобы помочь другим людям, тем меньше боялся за себя самого.

С него было довольно. Внезапно Годфри швырнул свою кружку, вскочил из-за стола и начал быстро пробираться сквозь толпу, направляясь к двери.

«Что ты делаешь?» – крикнул ему Альтон.

Годфри обернулся и в последний раз посмотрел на своих друзей, прежде чем выйти из бара.

«Я собираюсь надеть доспехи, взять в руки оружие и помочь своей сестре!» – решительно заявил он.

Друзья Годфри посмеялись над ним.

«Ты никогда в жизни не брал в руки оружие!» – крикнул Фальтон.

Годфри посмотрел на него, покраснев, но не поддался страху.

«Да, не брал», – признал он. – «Но я должен научиться. Или я умру, пытаюсь!»

Глава восемнадцатая

Гвендолин стояла на вершине самого высокого в Силесии парапета в окружении своих генералов, глядя на горизонт. Они только что закончили обход всех внутренних и внешних колец обороны. Один за другим Срог, Кендрик, Бром, Кольк и другие генералы обсуждали с Гвендолин, как наилучшим образом защитить каждое кольцо, чего ожидать, когда придет армия, как защищаться от нападения с многочисленных фронтов, и сколько пройдет времени, прежде чем их защита рухнет. Они говорили о еде, о запасах, о воде, о планах в случае чрезвычайных ситуаций, об отступлении к нижнему городу. Они предусмотрели почти все, и теперь все были измотаны.

Но чего ни один из них не сказал, так это то, что они будут делать в случае поражения. То, что капитуляция не является вариантом, было у них негласным правилом, но никто не стал

обсуждать неизбежное – что делать, если все их мужчины будут мертвы. Негласным правилом было также и то, что все они станут сражаться не на жизнь, а на смерть. В некотором смысле казалось, что все они свыклись с мыслью о том, что это будет массовое самоубийство.

Проходили часы, все мужчины заняли свои позиции, все планы были продуманы, и больше нечего было обсуждать. Теперь они все стояли здесь, довольствуясь тишиной друг друга, наблюдая за горизонтом, в то время как образовывались темные тучи. Они ждали неизбежного. Пока Гвен смотрела вперед, все казалось таким спокойным, таким мирным. Казалось, что люди Андроникуса никогда не появятся.

Тем не менее, девушка знала, что они идут. Весь день от посланников поступали отчеты со всего Кольца, сообщающие о вторжении армии. Пришло даже известие о том, что королевский двор подвергся нападению – и это сообщение причиняло самую сильную боль. Она пыталась стереть этот образ из своей головы.

Теперь, больше чем когда-либо, Гвен хотела, чтобы Тор был здесь. Роковые слова Аргона все еще звучали в ее голове, но девушка не понимала, что они означают. Она знала, что ей придется перенести маленькую смерть, чтобы расплатиться за спасение жизни Тора. Означает ли это, что она на самом деле умрет? Здесь, в этом месте? Гвен закрыла глаза и подумала о ребенка у нее под сердцем, стараясь прогнать мысли о смерти. Не потому, что она боялась своей собственной смерти, а потому, что боялась за жизнь своего ребенка. И она боялась жизни без Тора.

Начался переполох и, обернувшись и посмотрев через плечи присутствующих мужчин, Гвен увидела небольшую группу солдат, направляющуюся к ним, и ее глаза широко распахнулись от удивления, когда она поняла, кого они сопровождают. Издали к ней направлялась женщина, которую Гвен и не думала когда-либо увидеть снова – ее сестра.

Луанда шла рука об руку со своим новоиспеченным мужем Бронсоном, у которого, как с грустью заметила Гвен, не хватало одной руки. Они оба были в лохмотьях, разбитыми и очень уставшими. Казалось, что они скакали всю ночь напролет.

Гвен не понимала, что они здесь делают. Девушка почувствовала облегчение, увидев сестру и ее мужа, но вместе с тем она была сбита с толку. Разве Бронсон не принадлежал к клану МакКлаудов и разве он не должен находиться на стороне Кольца под контролем МакКлаудов? И Луанда вместе с ним.

Гвен так обрадовалась, увидев, что сестра жива и находится в безопасности, что первым ее желанием было сделать шаг вперед и обнять ее. Но когда девушки выросли, их формальные отношения оставляли их на расстоянии вытянутой руки. Этого хотела Луанда – этим она пошла в мать. Гвендолин слишком долго пыталась стать ей ближе, но после нескольких достаточно резких отказов она извлекла урок. Поэтому девушка просто стояла лицом к своей старшей сестре, кивнув ей.

«Сестра моя», – сказала Луанда, в то время как Бронсон склонил голову.

Гвендолин кивнула в ответ.

«Брат», – добавила Луанда, повернувшись и кивнув Кендрику, который молча ответил на ее приветствие кивком. Вероятно, он был сбит с толку так же, как и Гвендолин. Казалось, что он напрягся при виде МакКлауда рядом с собой, как и другие воины.

«Что вы здесь делаете?» – спросила Гвендолин.

«Я совершила серьезную ошибку, – ответила Луанда. – «Отправившись на сторону Кольца, принадлежащую МакКлаудам, но не выйдя замуж за Бронсона, которого я очень люблю и который не похож на других. Остальные МакКлауды являются жестокими, дикими людьми. Его отец пытался убить нас обоих собственными руками – меня и своего собственного сына».

Среди людей Гвен послышался удивленный вздох. Рассматривая Бронсона, Гвен увидела отрубленную руку, шрамы и поняла, что он прошел через ад, но, тем не менее, гордо стоял здесь. Было в нем что-то, что ей нравилось. Казалось, что Бронсон ничуть не похож на своего отца, который был настоящим зверем, как вспомнила Гвен с отвращением.

«МакКлауды не меняются», – вставил Кендрик. – «Уж таковы они. И всегда такими были».

«Вам повезло, что вы сбежали, спасая свои жизни», – добавил Бром.

«Мы пришли, чтобы просить вас о помощи», – сказала Луанда, глядя то на Кендрика, то на Срога, то на Брома. Она смотрела на кого угодно, но только не на Гвендолин. – «Мы просим вас впустить нас в город. Нам сказали, что добрая половина королевского двора бежала сюда. Мы хотим перейти со стороны Кольца МакКлаудов сюда. Мы хотим быть с МакГилами».

«Чтобы сражаться с МакГилами», – гордо добавил Бронсон. – «Я клянусь вам в своей преданности. Я стану сражаться за вас не на жизнь, а на смерть. Особенно против моего отца и его людей».

Гвендолин и присутствующие здесь мужчины обменялись взглядами, и она увидела сомнение в их глазах.

«А откуда нам знать, что мы можем тебе доверять?» – спросил Бром, делая шаг вперед и бросая в Бронсона холодный взгляд. – «Твой отец убил больше наших людей, чем я могу посчитать. Жестоким и трусливым способом. Откуда нам знать, что сын не таков, как отец? Откуда нам знать, что все это не ловушка, что вы не хотите просто предать нас?»

Бронсон медленно поднял свою руку, демонстрируя обрубок, где раньше была кисть.

«Это работа моего отца», – мрачно произнес он. – «Того, что когда-то было между нами, больше нет. Я с удовольствием первым убил бы его в бою».

Бром смотрел на него, словно взвешивая его слова, после чего, наконец, казалось, поверил ему.

Гвендолин тоже верила Бронсону. Он производил впечатление честного и искреннего человека.

«Мы – семья», – сказала Гвен Луанде, нарушив тишину. Она повернулась к Бронсону. – «А это означает, что теперь ты тоже член нашей семьи. Если она тебя любит, для меня этого достаточно. Мы принимаем тебя с распростертыми объятиями».

Бронсон кивнул в ответ, в его глазах читалась признательность.

«Скоро атакует Андроникус, и нам предстоит осада», – предупредила Гвендолин. – «Нам понадобится любая помощь, которую мы можем получить».

«Для меня честь сражаться за ваше дело, миледи», – сказал Бронсон.

Луанда озадаченно посмотрела на Гвендолин.

«Кто здесь главный?» – спросила она, переводя взгляд с одного лица на другое. – «Если Гарет остался в королевском дворе, полагаю, что это ты, Кендрик? Или ты, Срог?»

Остальные обменялись растерянными взглядами. Гвен поняла, что никто еще не сообщил Луанде.

«Теперь правителем Западного Королевства Кольца является наша сестра», – ответил Кендрик.

«Гвендолин?» – насмешливо переспросила Луанда, не веря своим ушам. Она окинула Гвен взглядом с головы до ног, пораженная услышанным. – «Ты? Правительница?»

«Это было предсмертное желание нашего отца», – сказал Кендрик.

«Но... но...», – взволнованно начала Луанда. – «Ты – женщина. Кроме того, ты также моя младшая сестра. Если и должен править кто-то из нас, тогда почему этого не могу делать я?»

Гвен почувствовала, как внутри нее поднимается старая детская злость по отношению к сестре. Всю свою жизнь, сколько она себя помнила, Луанда смертельно завидовала ей. Очевидно, ничто не изменилось.

«Миледи», – вмешался Штеффен.

Луанда бросила на него удивленный и снисходительный взгляд.

«Прошу прощения?» – спросила она.

Штеффен вышел вперед, нахмурившись.

«Вы будете обращаться к Гвендолин, которая теперь является нашей королевой, как «миледи», – сказал он, защищая Гвен.

Луанда удивленно посмотрела на него, после чего перевела взгляд на ряд лиц присутствующих мужчин и поняла, что он говорит серьезно. Она оцепенело взглянула на Гвен.

«Ты же не всерьез думаешь, что я буду держать ответ перед своей младшей сестрой?» – спросила Луанда, повернувшись к Кендрику.

«Ты будешь держать ответ перед ней», – мрачно сказал Кендрик. – «Если хочешь остаться здесь. Или, если хочешь, можешь покинуть ворота Силесии и сдаться на милость врага. Ты будешь уважать желание нашего покойного отца, как и мы все».

Бронсон протянул руку и положил ее на запястье Луанды.

«Луанда», – мягко произнес он. – «Твоя сестра проявила доброту и щедрость, приняв нас здесь. Я не вижу причины, почему бы нам не держать перед ней ответ».

Но глаза Луанды вспыхнули неповиновением и амбициями, как всегда.

«Отец всегда принимал плохие решения», – кипела девушка. – «Именно поэтому мы с самого начала попали в эту передрагу. Неужели ты на самом деле думаешь, что из всех людей именно ты способна править?» – спросила она Гвендолин. – «Разве тебе не стыдно даже пытаться? Не будешь ты ли чувствовать себя ужасно виновной, если ты потерпишь неудачу, если ты

приведешь всех этих людей к их смерти?»

«Мы в любом случае можем умереть, Луанда», – спокойно ответила Гвендолин. – «Вопрос не в том, умрем ли мы. Вопрос в том, как мы живем. И да, ответ на твой вопрос, я способна руководить этими людьми», – сказала она. В ней поднималась новая сила, ощущение того, что она способна это сделать, появившееся у нее впервые теперь, когда она защищала себя. – «Я не обязана отчитываться перед тобой. Как сказал Кендрик, если тебе это не нравится, наши ворота открыты, так что ты можешь уйти».

Луанда покраснела, развернулась и умчалась прочь.

Бронсон стоял, переминаясь с ноги на ногу, очевидно, смутившись.

«Прошу прощения за нее», – сказал он. – «Я уверен, что она не имела этого в виду. Мы прошли через множество испытаний».

«Она *на самом деле* это имела в виду», – ответила Гвендолин. – «Она всегда это имела в виду. Такова Луанда».

Бронсон опустил голову.

«Я, например, глубоко признателен вам за то, что вы принимаете нас здесь. Я поговорю с ней. Она изменит свое мнение».

Бронсон быстро поклонился и поспешил за своей женой.

Внезапно внизу началась какая-то суматоха и, бросив взгляд вниз с парапетов, Гвен увидела, что к воротам бежит какая-то женщина, бьющаяся в истерике. Двое стражников попытались удержать ее, и она закричала, замахав руками, стараясь пробежать мимо них.

«Дайте мне пройти!» – крикнула она. – «Вы должны пропустить меня! Я должна увидеть Королеву!»

«Пропустите ее», – выкрикнула Гвендолин.

Стражники обернулись и посмотрели вверх на нее, после чего ослабили хватку над женщиной.

Как только они это сделали, та пробежала через ворота и поднялась вверх по винтовой каменной лестнице, прямо к Гвендолин. Женщина, плача, пробежала мимо группы воинов и остановилась перед Гвен, опустившись на колени и склонив голову. Женщина рыдала и тряслась, и сердце Гвендолин разбивалось на осколки. Она нагнулась и осторожно помогла женщине подняться.

«Вам не нужно опускаться передо мной на колени», – сочувственно сказала Гвен.

«Миледи», – произнесла женщина между рыданиями. – «Вы должны помочь мне! Вы должны! Пожалуйста!»

«Что Вас беспокоит?» – спросила Гвен.

«Моя деревня... Она была эвакуирована. Прошел слух, что надвигается Империя. Все убежали. Но мои дочери находятся там, в Доме Больных. Они не могут ходить. Я не могу отнести их с собой, а другие покинули деревню слишком быстро. Некому мне помочь. Пожалуйста! Они мои дети!»

Сердце Гвен разбивалось внутри, она едва ли была способна понять страдания этой женщины.

«Мы получаем подобные отчеты со всего Кольца, о набегах на деревни», – сказал Срог.

«Мне жаль», – обратилась Гвендолин к женщине. – «И что Вы хотите от нас?»

«Пожалуйста, пошлите своих людей, пока еще не слишком поздно. Возьмите моих дочерей, принесите их сюда. Я не могу представить, что они умирают там одни от рук этих дикарей. Это слишком жестоко».

«Мы все тоже можем здесь умереть», – сказал Кольк.

«Если они умрут, то пусть, по крайней мере, умрут здесь со мной», – ответила женщина. – «Не дайте им умереть там в одиночестве. *Пожалуйста*. Вы женщина, Вы понимаете. Вы должны помочь мне!»

Женщина протянула руку и резко схватила ладонь Гвендолин, но вперед вышел Штеффен и откинул ее руку.

«Не прикасайся к нашей Королеве», – предупредил он ее, встав между ними.

«Все в порядке», – сказала Гвен.

Она протянула руку и погладила волосы женщины.

«Эта женщина обезумела от своего горя», – продолжила Гвен. – «Я очень хорошо понимаю ее».

Гвен подумала о своем отце, сдерживая слезы.

«Я сочувствую Вашим дочерям», – произнесла девушка. – «Я правда сочувствую. Но Вы также должны понимать, что мы получаем сообщения о грабежах деревень, об убийствах людей со всех уголков Кольца, и мы не можем отправить наших людей в каждую деревню. Кроме того, мы заканчиваем закреплять свои ворота и запираем этот город для блага всех силесианцев, для оставшихся жителей королевского двора и для тысяч людей, живущих здесь. Нам нужна любая помощь здесь. Более того, если бы мы сейчас оправили группу солдат за Вашими девочками, им бы не удалось вернуться живыми. Империя находится слишком близко от той деревни. Наши люди умрут, и Ваши девочки умрут вместе с ними».

Гвендолин вздохнула. Ей было ненавистно принимать такие решения, но она чувствовала себя обязанной искать благо для своих людей.

«Мне жаль», – заключила Гвен. – «Я сочувствую Вашим дочерям. Правда. Но началась война. И нужно принимать сложные решения».

«НЕТ!» – закричала женщина, снова зарыдав. Она бросилась лицом вниз на землю, крича и стеная. – «Вы не можете позволить моим дочерям умереть!»

Гвендолин отвела взгляд в сторону, посмотрела на горизонт, жалея, что вообще встретила эту женщину. Она начала испытывать на себе, что значит быть правителем, и это чувство ей не нравилось.

«Я пойду за ними», – раздался голос.

Обернувшись, Гвен увидела, как вперед вышел Кендрик, положив руку на рукоять своего меча.

Он стоял благородно, гордо и непоколебимо.

Гвендолин посмотрела на брата, тронутая и воодушевленная.

«Ты понимаешь, что если уедешь, мы не сможем снова открыть для тебя ворота», – тихо сказала она. – «Ты умрешь там».

Кендрик серьезно кивнул.

«Есть ли лучший способ умереть, чем во время такой службы?» – ответил он.

Гвендолин резко выдохнула, пораженная его рыцарством, его бесстрашием. В эту минуту она любила своего брата как никогда, тем не менее, она также ощущала глубокую грусть при мысли об этой миссии.

Остальные солдаты мрачно смотрели на него, но никто не мог возразить.

«Я присоединюсь к тебе», – сказал Атмэ, делая шаг вперед и встав рядом с Кендриком.

Кендрик кивнул в ответ своему другу.

«Спасибо! Спасибо!» – крикнула женщина, поднимаясь на колени и целуя их руки.

Гвендолин вздохнула.

«Кендрик, я не могу отказать тебе. Ты показываешь пример, как и всегда. Ты оказываешь имени нашего отца большую честь, принимая на себя эту миссию. У тебя есть мое благословение. Отправляйся и спаси этих девочек. Я оставлю эти ворота открытыми для тебя как можно дольше – вплоть до последней секунды, когда атакует Андроникус».

«Миледи, я восхищаюсь храбростью Кендрика, и я не могу не согласиться с его миссией», – серьезно сказал Срог. – «Но я должен предупредить, что нам нужно время для того, чтобы запечатать внешние ворота. Будет непросто сделать это за такой короткий срок. Вы должны осознавать, что ставите под угрозу весь город, соглашаясь с этой миссией и оставляя ворота открытыми».

Гвен отвернулась и посмотрела на горизонт. Где-то там находились дочери этой женщины – больные, одинокие. Она не могла не думать об этом.

«Я благодарю Вас за совет, милорд», – мягко сказала она Срогу. – «Я на самом деле понимаю о последствиях. Я не поставлю наших людей под угрозу. Ворота закроют, когда будет необходимо».

Девушка повернулась к Кендрику.

«Отправляйся. Найди этих девочек и возвращайся быстро. Я не хочу закрывать эти ворота, когда ты находишься снаружи».

Кендрик серьезно кивнул, после чего развернулся и поспешил вниз с парапетов. Атмэ последовал за ним.

Остальные мужчины разошлись, и Гвен, повернувшись, сама пошла вниз по каменной насыпи в дальнем конце парапетов, где она может какое-то время побыть наедине со своими мыслями, чтобы все это осознать. Кроме того, здесь ей также открывался лучший вид на двор, чтобы

наблюдать за тем, как уезжают Кендрик и Атмэ. Девушка стояла на своей вершине укреплений, наблюдая за тем, как они уезжают на горизонте, поднимая большое облако пыли.

Стоя там, чувствуя себя одинокой как никогда, она испытывала потребность в Торе. Чувство, что они вступают в битву, в которой не смогут одержать победу, не покидало ее. Гвен чувствовала, что их единственная надежда была в том, что Тор найдет Меч Судьбы и восстановит щит. Если ей предстоит умереть, она хотела умереть рядом с Тором.

Она закрыла глаза и изо всех сил помолилась Богу о возвращении Тора.

«Пожалуйста, Господи. Я знаю, что уже о многом просила тебя. Но я прошу тебя еще об одном – верни мне Тора».

«У Бога загадочный способ давать ответы».

Гвен не нужно было оборачиваться для того, чтобы узнать голос.

Повернувшись, она увидела, что позади, в нескольких футах от нее стоит Аргон. Он смотрел на горизонт, наблюдая за тем, как уезжает Кендрик. Его глаза сверкали.

Сердце девушки подпрыгнуло, когда она увидела друида.

«Я не думала, что еще когда-нибудь тебя увижу», – сказала она.

«Почему? Из-за того, что ты находишься в новом месте? Физические преграды для меня ничего не значат».

«Значит, ты будешь здесь с нами? Во время осады?» – с надеждой в голосе спросила Гвен.

«Я всегда здесь с вами. Иногда не всегда физически».

Гвен сгорала от желания получить ответы.

«Расскажи мне», – попросила она. – *«Я умоляю тебя. Тор в безопасности?»*

«Сейчас да».

«Будет ли он в безопасности?» – настаивала Гвен.

«Это вечный вопрос, не так ли?» – спросил Аргон, повернувшись к ней и загадочно улыбнувшись. – *«Его судьба неясна. Она предрешена, но вместе с тем ее можно изменить. Как и судьбы всех нас».*

«Выживет ли он?» – спросила девушка. – *«Увижу ли я его когда-нибудь снова?»*

Она приготовилась к ответу, надеясь и молясь, что он будет положительным.

«Если не в этом мире», – медленно произнес друид. – *«То в следующем».*

Гвен почувствовала, как ее сердце упало.

«Но это несправедливо!» – возразила Гвен. – *«Я должна снова увидеть его!»*

«Он выбрал свою судьбу», – сказал Аргон. – *«Ты выбрала свою. Иногда судьбы могут*

не переплетаться».

«А как насчет Империи?» – спросила Гвен. – «Атакуют ли они это место?»

«Да», – уверенно ответил он.

«Победим ли мы?»

«Победа относительна», – произнес Аргон. – «Существуют различные виды победы. Красные стены Силесии выстояли одну тысячу лет. Но даже эти стены должны упасть».

Плохое предчувствие, не покидавшее Гвен, все возрастало.

«Означает ли это, что этот город падет?»

Она *должна* знать. Но он не ответил, отводя взгляд.

«Но, безусловно, должен быть какой-то способ, чтобы остановить их», – сказала Гвен.

«Ты слишком много концентрируешься на здесь и сейчас», – ответил Аргон. – «Но есть и другие столетия. Столетия до вашего времени и грядущие столетия. Мы всего лишь помеха в колесах времени. Одни люди умрут, а другие будут рождены. Одни места будут разрушены, а другие построены. Ничто не длится вечно. Даже разрушение».

Гвен стояла, думая над словами друида. Она спрашивала себя, означает ли это то, что существует надежда.

«Я чувствую себя неполноценной», – произнесла Гвендолин. – «Словно все это каким-то образом является моей виной. Словно все эти люди одержат победу с лучшим правителем, чем я».

Друид обернулся и посмотрел на нее, его глаза обжигали.

«В Кольце никогда не было лучшего правителя, чем ты», – заявил он. – «И может никогда и не быть».

Ее сердце воспарило – слова Аргона подбодрили Гвен. Впервые Гвен почувствовала себя законным правителем.

«Скажи мне», – сказала она, отчаянно желая знать ответ. – «Как все это закончится?»

Аргон медленно покачал головой.

«Иногда перед величайшим светом наступает величайшая тьма».

Глава девятнадцатая

Крон заскулил и облизнул лицо Тора, пока тот, наконец, не открыл медленно глаза. Он обнаружил себя лежащим на песке лицом вниз. Песок был на его губах, на языке, в глазах.

Тор несколько раз моргнул, после чего медленно присел, вытирая песок. Потянувшись, он поцеловал Крона и погладил его по голове. Он осмотрелся по сторонам, пытаясь сориентироваться и вспомнить, где находится.

Под приглушенным светом первого солнца Тор увидел своих друзей, разбросанных по пляжу, лежа на спине вокруг него. К счастью, казалось, что они живы и, сделав быстрые подсчеты, он убедился, что здесь все его друзья. Все шестеро и еще один человек – девушка, чьи растрепанные волосы были раскинуты на песке.

Тор пытался призвать воспоминания. Внезапно нахлынули воспоминания – рабыня, та самая, которую спас Элден. Тор присел, прищурившись, вытянул уставшие мышцы, пытаясь вспомнить, что именно произошло.

Последнее, что помнил молодой человек, сводилось к тому, что, будучи объятым огнем, он прыгнул в ледяную воду реки. К счастью, Тор находился всего в нескольких футах от воды, когда он загорелся, и все это произошло так быстро, что он прыгнул в воду до того, как пламя смогло сжечь его. Тор проверил свою кожу и, хотя он весь был покрыт синяками и испытывал боль, а его мышцы изнывали, ожогов у него не было. Тор вздохнул с облегчением.

Он вспомнил дикую поездку вниз по реке, как все его друзья кубарем покатались в речном потоке, прыгнув вниз. Тор вспомнил, что когда он обернулся один раз, прямо перед тем, как удариться головой о бревно, то увидел группу воинов Империи, которые уже находились вверх по реке, и каждый из них был объят огромной вспышкой пламени.

Тор поднял руку и почувствовал большую шишку на голове, которая причиняла ему боль при прикосновении. Молодой человек понял, что он, должно быть, все время был без сознания. Им всем каким-то образом удалось выбраться на этот берег, где они, вероятно, провели ночь. Это был узкий, гладкий белый пляж рядом с бушующей рекой. Шум воды был неумолим и, поднявшись, Тор обернулся и посмотрел по сторонам, желая увидеть, что еще здесь находится.

На другой стороне пляжа была роща, за которой река раздваивалась, разбиваясь на спокойный, тихий поток. Роща переходила в глубокий и широкий лес, в который вела извилистая тропа. Казалось, что вода вынесла их на пересечение земли.

«А мы думали, что ты целый день будешь спать», – раздался голос, который Тор смутно узнавал.

Тор, а вместе с ним и Крон, развернулся и не поверил своим глазам, увидев, кто стоит позади него. Трое мужчин, членов Легиона, облаченных в сверкающую новую броню, сжимая в руках новое оружие, бросали на него взгляд, который он ловил на себе всю свою жизнь. Он вырос вместе с этими тремя молодыми людьми, считая их своими братьями – Дрейк, Дросс и Дарс.

Тор потерял дар речи.

Он не мог представить, что они здесь делают, и потер глаза, спрашивая себя, а не сон ли это. Но они все еще стояли здесь, и он понял, что это происходит наяву.

Тор поднялся на ноги с широко раскрытыми от удивления глазами, пытаясь осознать все это.

«Что вы здесь делаете?» – спросил он. – «Как вы сюда попали?»

Собратья Тора по Легиону и рабыня начали просыпаться, медленно поднимаясь на ноги, стряхивая с себя песок, собираясь вокруг Тора. Они все посмотрели на Дрейка, Дросса и Дарса с не меньшим удивлением.

«Мы прибыли сюда, чтобы помочь», – сказал Дрейк. – «Вскоре после того, как вы ушли, нас отправил сюда Кольк. Мы шли по вашему следу. После вашего ухода они почувствовали

свою вину из-за того, что шестеро из вас собираются сделать это в одиночку. Они хотели прислать вам подкрепление».

«Кроме того, они получили новые известия», – добавил Дросс, делая шаг вперед со свитком в руке. – «От вора, которого они поймали в связи с кражей Меча. Он признался в том, в какую именно часть Империи его отнесли. Он нарисовал для нас карту».

Дросс развернул перед ними свиток, и все они собрались вокруг него, рассматривая карту.

«Мы знаем, куда они идут», – сказал Дарс. – «Мы пришли, чтобы отвести вас туда и помочь вам вернуться живыми».

«А почему вы раньше не вызвались помочь нам?» – огрызнулся Рис, защищаясь.

«Вы пришли сейчас», – осмотрительно добавил Элден. – «Только когда вам приказали это сделать».

«Мы прекрасно справляемся и без вашей помощи», – вставил О'Коннор.

«Неужели?» – спросил Дрейк, с презрением окинув их взглядом с головы до ног. – «Мне кажется, что вы заблудились, вас смыло сюда, покрытых синяками после боя».

«Вам даже удалось подобрать по пути девчонку», – добавил Дросс, бросив в рабыню презрительный взгляд.

И хотя Тор держался настороженно, он был благодарен за то, что его братья находились здесь, и он хотел прекратить спор.

«Как вы нас нашли?» – спросил он.

«Хороший ищейка и большое количество королевского золота», – ответил Дросс. – «Нам удалось выйти на ваш след. Довольно бедственный след. Поразительно, что вы сбежали из Города Рабов таким образом. Мы сами его обошли, но, к счастью, водоскат ведет только в одну сторону, и нам нужно было только следовать за ним, чтобы найти вас. Сложно пропустить – вы все семеро растянулись на песке, как кучка пьяниц. Я бы сказал, что вас трудно было не заметить».

Трое братьев рассмеялись с издевкой.

«Странный способ разбить лагерь», – добавил Дарс.

Тор покраснел и увидел, как его собратья по Легиону закипели от гнева.

«Как они сказали», – сказал он, беря на себя полномочия. – «Нам не нужны ваши оскорбления или ваша помощь. Мы проделали весь этот путь собственными силами – без карты, без ищейки и без королевского золота».

Трое братьев удивленно посмотрели на него, и властность в голосе Тора впечатлила даже его самого. Всю его жизнь эти трое издевались над ним, но Тор не станет сейчас терпеть их издевательства, не позволит им взять контроль над их миссией в свои руки. Тор знал натуру своих братьев – и она не отличалась добротой. Какую бы помощь они ни предлагали, Тор был уверен в том, что это было связано только с тем, что они получили такой приказ, или ради получения собственной выгоды после возвращения. Он знал, что в глубине души они на самом

деле не заботились о нем.

Он ожидал, что их лица ожесточатся, что они станут спорить с ним, как поступали всегда, что попытаются унижить его. Но к его собственному удивлению, лицо Дрейка смягчилось, и он вышел вперед, понизив голос.

«Тор, мы понимаем, что ты расстроен из-за нас. На самом деле, это обосновано. Мы не были тебе хорошими братьями. Мы просим прощения за это. Мы пришли сюда не для того, чтобы унижать тебя или подрывать твой авторитет. Мы понимаем, что ты получил приказ относительно этой миссии. Мы искренне хотим помочь вам. Пожалуйста. На карту поставлена судьба всего Кольца, и карта, которую мы держим в руках, является бесценной».

Ласковый тон Дрейка и его уважение к его власти застigli Тора врасплох. Он никогда не видел своих братьев такими. Это было нереально, словно перед ним были другие люди.

Тор подумал о том, что сказал Дрейк, и понял, что в словах брата есть смысл. Судьба Кольца – вот, что является сейчас важным, какие бы личные разногласия между ними ни были. И, несмотря на прошлое, Тор всегда стремился дать людям другой шанс – особенно если они казались искренними.

Он медленно кивнул им в ответ.

«В таком случае», – сказал Тор. – «Мы будем рады видеть вас здесь».

Его братья удовлетворенно кивнули в ответ. Тор посмотрел мимо них на развилку реки и увидел, что их баркас стоял на якоре на берегу. Он напоминал длинное каноэ – достаточно большое для того, чтобы вместить, возможно, дюжину человек.

«Чтобы добраться до места назначения воров», – сказал Дросс, глядя на карту. – «Мы должны вернуться к реке и отправиться на юг. Она приведет нас к большому озеру, а потом к другим каналам. Это самый прямой путь, чтобы найти их, сократить дорогу и выиграть время. Если вы согласны, давайте отправимся немедленно – мы больше не можем тратье попусту время».

Все молодые люди развернулись и направились к лодке, когда вперед вышла рабыня.

«Вы ошибаетесь!» – выкрикнула она.

Они все остановились и посмотрели на нее.

«Воры не пошли бы в ту сторону», – сказала девушка. – «Меня не волнует то, что говорит ваша карта. Я знаю свои родные земли лучше вас. Вы видите тот лес?» – спросила она, повернувшись и указывая на рошу. – «Они пошли туда».

«А откуда ты это знаешь?» – спросил ее Дрейк.

«Потому что эта река ведет к смерти», – ответила рабыня. – «Они бы не выбрали этот путь. Этот лес – единственный безопасный способ пересечь глубокую пропасть. Он граничит с пустынными землями».

Тор посмотрел на деревья, после чего снова бросил взгляд на водоскат, удивляясь.

«А кто эта женщина, которая все знает?» – усмехнулся Дарс.

Элден вышел вперед и приобнял рабыню за плечо.

«Это девушка, которую я освободил из Города Рабов», – сообщил он. – «И я доверяю ей. Она вывела нас оттуда».

«Ты ее даже не знаешь», – сказал Дрейк.

«Я знаю ее достаточно», – ответил Элден.

«И как же тогда ее зовут?» – поинтересовался Дросс.

Элден покраснел, и трое братьев рассмеялись над ним.

«В этих землях нам запрещается носить имена», – выкрикнула девушка. – «Но я сама взяла себе тайное имя. Меня зовут Индра».

«Что ж, Индра, нас не интересуют твои племенные сказки. Мы – мужчины, и мы не боимся реки. Мы пойдем туда, куда ведут нас вены, и мы отправимся туда, куда ведет эта река», – решительно заявил Дрейк. – «Если ты боишься воды, ты можешь остаться на суше. Это миссия Легиона, никто не просит тебя присоединиться к нам».

Все трое братьев развернулись и направились к лодке и когда остальные посмотрели на Тора, он стоял, колеблясь. Логика подсказывала ему отправиться к лодке, тем не менее, что-то внутри него сомневалось в правильности этого решения.

Наконец, он подошел к Индре.

«Пойдем с нами в лодку», – предложил Тор. – «Если мы не найдем то, что нам нужно, мы всегда можем вернуться и пойти по твоему следу».

Девушка медленно покачала головой.

«Та река ведет к мраку и смерти», – сказала она, сбросив со своего плеча руку Элдена и побежав к лодке. Тем не менее, девушка присоединилась к остальным, когда они вошли в лодку. Но, прежде чем сделать это, она бросила на Тора сердитый взгляд.

«Просто будьте готовы», – предупредила Индра, и молодые люди сели в лодку. – «Вы отправляете свое судно в ад».

* * *

Они все плыли по спокойным водам большого озера, и Тор спрашивал себя, закончится ли это когда-либо. Молодые люди плыли уже несколько часов, пока, наконец, не оказались в уютной тишине, плывя в унисон с этим новым водоемом, который, казалось, тянулся вечно. Он был похож на океан, без единого клочка суши в поле зрения. Воды озера были тихими, здесь не было никакого ветра.

Тор все еще пытался осознать, что снова увидел трех своих «братьев», их новую доброту по отношению к нему и что это может означать для их миссии. Если их карта является точной, а не просто фантазией одного отчаявшегося вора, тогда их появление может быть удачей, как раз тем, в чем они нуждались для того, чтобы найти Меч и вернуть его в королевство. Но слова рабыни по-прежнему звучали в его голове, и молодой человек не мог не спрашивать себя с каждым взмахом весла, а в правильном ли направлении они плывут, не обманули ли его братьев тот вор и его карта.

«Откуда ты?» – спросил Элден девушку, которая сидела рядом с ним. Тор находился всего в нескольких дюймах от них, и не мог не слышать их разговор, несмотря на то, что Элден говорил тихо. Какое-то время Элден пытался привлечь ее внимание, но девушка казалась отстраненной. Тор видел, что эта девушка на самом деле нравится его другу. Он впервые видел Элдена таким.

«Из места, о котором ты никогда не слышал», – ответила рабыня. – «Из места, в которое ты никогда не захочешь отправиться. Это всего лишь очередной рабский город на периферии Империи. Они привезли нас к Городу Рабов около года назад. Не всех нас. Только меня. Мою семью они убили на месте».

Элден покачал головой.

«Ты больше не рабыня. Теперь ты свободна».

Девушка пожала плечами.

«Что означает быть свободной? Все жители Империи являются ее рабами. Покажи мне место, которое на самом деле является свободным».

«Кольцо по-настоящему свободно», – настаивал Элден.

Она хмыкнула.

«А надолго ли?» – возразила девушка. – «Скоро вы будете захвачены, как и мы, и станете подчиняться Великому Андроникусу. Как и все мы».

«Никогда!» – резко прервал ее Элден. – «Ты меня не знаешь. Ты не можешь так говорить».

Рабыня пожала плечами.

«Я знаю Андроникуса. Ничто не может его остановить. Ничто. Даже твое Кольцо с его Каньоном и пропавшим Мечом. Ты живешь фантазиями. А я реалистка».

«Ты цинична», – поправил девушку Элден. – «Очевидно, ты давно утратила свои идеалы, а я их не потерял. Я никогда не стану рабом. Я никогда не стану подчиняться Андроникусу. И мои люди никогда не падут. А если это случится, я погибну вместе с ними, сражаясь».

Индра пожала плечами, не впечатленная его словами.

«Тогда ты погибнешь», – сказала она. – «Как я сказала, как говорят все, ты станешь жертвой Андроникуса – так или иначе».

В лодке повисло мрачное молчание, в то время как они продолжали плыть все дальше и дальше в неизвестность. Единственным звуком был только плеск воды.

Второе солнце достигло своего пика, нещадно паля, отражаясь от всего. Озеро напоминало огромное зеркало, сияющее белым светом, отражающее солнечные лучи. Слово они плыли в небеса.

Как только Тор снова начал спрашивать себя, двигаются ли они в правильном направлении, внезапно на горизонте послышался тихий звук – настолько тихий, что сначала Тору показалось, что он его выдумал. Он был похож на музыку, на тихую далекую песню, которую пела какая-то женщина – то громче, то тише. Слово эту песню пел хор женщин. Это был

самый сладкий и самый мягкий звук, отражающийся от воды, который Тор когда-либо слышал. Тор спрашивал себя, не сон ли это.

Но судя по лицам всех присутствующих, которые вдруг перестали грести и посмотрели в том направлении, Тор понял, что он не единственный, кто слышит эту песню.

«Песня Сентион», – со страхом в голосе произнесла Индра. – «Вы должны развернуть лодку!»

«Что ты имеешь в виду?» – встревоженно спросил Тор.

Взгляд Индры был безумным, она смотрела по сторонам, словно пыталась выбраться из лодки.

«Тот остров», – сказала девушка. – «Это остров соблазнительниц! Эта музыка предназначена для того, чтобы завлекать прохожих. Мужчины не могут сопротивляться этой музыке. Как только они прибывают, их убивают и съедают. Вы должны немедленно развернуться!»

«Ты не знаешь, о чем говоришь», – сказал Дросс. – «Мы идем по следу Меча».

Но Тор ощутил странное чувство, охватившее его, почувствовал покалывание по всему телу – вожделение. Чем больше Тор слушал эту музыку, чем ближе они приближались, тем сильнее крепло это чувство, тем большая потребность в этой музыке возникала у молодого человека. Он никогда ничего подобного не испытывал, словно его тело было захвачено решающим желанием – вопросом жизни или смерти – слушать их песню. Тор убил бы кого угодно или что угодно, что встало бы у него на пути.

Его спутники – все, кроме Индры – очевидно, почувствовали то же самое, повернувшись к острову. Загипнотизированные, они с трудом продолжали грести, когда внезапно течение подняло и понесло их по направлению к музыке.

В поле зрения начал появляться небольшой остров, в центре которого находилось круглое низкое здание, сделанное из сияющего белого мрамора. На берегах острова стояла группа женщин в белых развевающихся одеждах, с длинными каштановыми волосами, ниспадающими по спине. Каждая из них, откинувшись и вытянув ладони, пела. Хор голосов становился громче, прилив все усиливался и, прежде чем Тор успел осознать что-либо, он и остальные молодые люди уже находились у края острова.

Сердце Тора бешено колотилось от желания быть с этими женщинами. Он не мог думать ни о чем другом. Он даже не мог думать о Гвендолин. Словно все его мысли были стерты.

«Разворачивайтесь!» – неистово крикнула Индра.

Но теперь ничто не могло их остановить. Течение становилось еще сильнее, подбрасывая их в направлении острова, и через несколько минут их лодка прочно вошла в песок. Несколько женщин ждали, чтобы вытащить ее на берег. Они протянули свои длинные нежные руки, и каждая из них, схватив край лодки, вытащила их.

Тор был загипнотизирован, ощутив прикосновение женщины, когда она взяла его за руку, улыбаясь и напевая все то время, пока вела молодого человека от лодки на песок. Тор позволил ей вести себя, не в силах сопротивляться, вверх по бесконечным мраморным ступенькам на остров. Рядом с ним рычал и скулил Крон, а Индра продолжала кричать. Но Тор едва ли мог слышать их – все звуки, кроме этой песни, заглушались, таяли. Он шел вместе со всеми своими собратьями по Легиону, и каждый из них позволял женщинам уводить себя.

Каждого молодого человека вела женщина, которая взяла его за руку, сладко улыбаясь, напевая, уводя их все глубже и глубже на остров. Пока они шли, Тор увидел, что остров покрыт самыми красивыми фруктовыми деревьями, которые ему когда-либо приходилось видеть – оранжевые, красные и желтые фрукты висели низко, ветви цвели, наполняя все место изысканными ароматами. Кроме того, здесь отдаленно пахло приготовлением пищи, отчего желудок Тора заурчал.

Тор услышал, как закричала Индра, после чего услышал, как она притихла с кляпом во рту. Обернувшись, Тор увидел, как женщины набросились на нее, связав ей руки за спиной и унося ее прочь. Какая-то часть Тора хотела помочь девушке, прекратить все это, но большая его часть находилась под такими сильными чарами, что он ушел бы на край света, если эти женщины отвели бы его туда.

Наконец, он нашел свой настоящий дом. И он хотел остаться здесь навсегда.

Глава двадцатая

Гвендолин стояла на верхних парапетах замка вместе со Штеффеном, пытаясь отыскать любые признаки появления Кендрика на горизонте. Все мужчины вокруг нее были заняты приготовлениями последней обороны. Группа воинов рядом с ней тяжело вздыхала, пока они толкали на место очередной железный котел, наполненный кипящей смолой. Лучники заняли свои позиции – их были сотни – стоя на коленях у стен, держа наготове луки и стрелы. Рядом с ними сидели дюжины слуг – юные мальчики, которые держали в руках факелы, готовые к тому, чтобы их поджечь.

На нижних парапетах находилось еще несколько сотен воинов, которые заняли свои позиции с длинными копьями. Среди них находились десятки воинов с пращами.

Внизу, во внутреннем дворе, собравшись за воротами, находились сотни солдат с мечами и щитами в руках – каждое оружие было немислимым. Армия Гвен росла с каждой минутой, и Силесия начала казаться неприступной. Гвен ощутила прилив оптимизма.

Но, снова взглянув на горизонт, девушка напомнила себе, что им предстоит. Всю свою жизнь она слушала истории об Андроникусе. Она знала, что хотя Силесия простояла тысячу лет, на этот раз все будет по-другому. Гвен закрыла глаза и помолилась о том, чтобы на нее снизошла сила, достаточная для того, чтобы выставить превосходную защиту. Чтобы ни произошло, выживут ли они или все умрут, она всего лишь хотела умереть с честью.

Открыв глаза, Гвен снова посмотрела на горизонт и опять начала расхаживать по площадке. Девушка была на грани нервного срыва, и тот факт, что Кендрик находился за пределами города, только ухудшал ее состояние. Она не могла представить, что ей придется закрывать ворота, пока брата нет в городе. Даже думать об этом было больно.

«От того, что вы смотрите на горизонт, он не приедет раньше», – сказал Штеффен.

Она обернулась, благодарная за то, что Штеффен находится рядом с ней. Он стал ее опорой во всем этом, всегда держался поблизости, всегда присматривал за ней, всегда был готов предложить добрый совет или поддержку. Он был мудр, несмотря на свою внешность, и Гвен все больше и больше считала его резонатором. Кроме того, Штеффен был тем человеком, которому она могла доверять больше остальных, который уже дважды спасал ее жизнь. Ей становилось комфортно, когда она делилась с ним своими самыми сокровенными мыслями.

«Не думаю, что я могу это сделать», – тихо сказала Гвен Штеффену. – «Я не смогу запереть

ворота, пока Кендрик находится там».

«Вам придется», – сказал Штеффен. – «Вот что значит быть Королевой – отдать предпочтение стране перед своей семьей. Ваш брат – это один человек, в то время как вы должны думать о своих людях, коих тысячи».

Продолжая расхаживать по площадке, Гвен понимала, что он прав. Девушка просто молилась о том, чтобы ей не пришлось оказаться в такой ситуации.

Когда прозвучала труба, Гвен развернулась, бросив взгляд вниз на дорогу, и спросила себя, чей приход предвещает этот звук. Ее сердце забило быстрее, потому что она надеялась на то, что это Кендрик скачет ко двору.

Но сердце Гвен упало, когда она увидела маленький караван и осознала, что это не брат. Это была лошадь и фургон, которые шли из королевского двора. Гвен удивилась, что кому-то удалось выбраться оттуда живыми.

Ей не терпелось узнать новости. Она сбежала вниз по извилистой каменной лестнице, пока не достигла пыльного внутреннего двора Силесии. Штеффен расчистил для нее путь между солдатами, и Гвен поспешила в центр, пока медленно открывались внутренние ворота.

Фургону подъехал к входу и остановился.

Несколько воинов приблизились к нему и открыли дверцу, и Гвендолин поразилась, увидев, кто вышел оттуда.

Перед ней стояла женщина, которую, в чем Гвен была уверена, она больше никогда не увидит снова.

Ее мать. Бывшая Королева.

И рядом с ней ее преданная служанка Хафольд.

Мать Гвендолин посмотрела на девушку – одна королева на другую – и Гвен ощутила противоречивый шквал эмоций. Она была одновременно и поражена, увидев ее, и почувствовала облегчение. Кроме того, она испытывала грусть и сострадание к состоянию ее здоровья, а также гнев от всех нахлынувших старых воспоминаний. Гвен к тому же почувствовала внезапный вызов – если ее мать прибыла сюда для того, чтобы попытаться рассказать ей, как править, Гвен не станет это слушать.

Но, прежде всего, Гвендолин недоумевала. Как могла ее мать, которая была так больна, стоять? И как она сбежала из королевского двора?

«Мама», – произнесла девушка.

Ее мать посмотрела на нее ничего не выражающим взглядом.

«Гвендолин», – сказала Королева как ни в чем не бывало. Я оказалась в странном и неблагоприятном положении из-за того, что вынуждена просить свою дочь позволить мне войти в ее двор. После разрушения королевского двора, единственного места, которое я называла домом, я оказалась без крова. За мной следует большая армия, и если ты закроешь передо мной свои ворота, я умру за ними. Как бы ты не относилась ко мне, разумеется, это не способ почтить память твоего отца».

Толпа воинов вокруг них притихла, и Гвендолин почувствовала, что все они смотрят на эту перепалку между матерью и дочерью. Девушка сделала глубокий вдох, когда у нее закружилась голова от смешанных чувств.

«Я не злопамятна, мама», – сказала Гвендолин. – «В отличие от тебя. Я бы никогда не отдала тебя на милость Империи, независимо от того, какой матерью ты была. Разумеется, ты будешь желанной гостьей за этими воротами».

Ее мать пристально посмотрела на нее, хотя ее лицо по-прежнему ничего не выражало, и слегка кивнула дочери.

«Как ты излечилась?» – спросила Гвендолин. – «Последний раз, когда я тебя видела, ты не могла ни говорить, ни пошевелиться».

«Я обнаружила, что она стала жертвой отравления», – сообщила Хафольд. – «Своего сына, Короля».

Толпа присутствующих ахнула, но громче всех ахнула Гвендолин. Она невольно покачала головой.

«Тогда мы должны отвести тебя к Иллепре, нашей целительнице, которая находится здесь с нами, и она предоставит тебе необходимую помощь для твоего окончательного выздоровления. Я приветствую тебя здесь, мама».

Ее мать кивнула, но осталась стоять на месте.

«Я слышала, что ты сейчас Королева», – сказала она.

Гвендолин настороженно кивнула в ответ, не зная, к чему клонит мать.

«Это то, чего хотел твой отец. Я боролась с этим, но теперь, наконец, я вижу, что это было мудрое решение. Возможно, его *единственное* мудрое решение».

После чего ее мать развернулась и прошла мимо нее в сопровождении Хафольд – слишком гордая, чтобы остановиться и сказать что-нибудь еще.

Зная, насколько гордой является мать, зная, что она никогда не слышала от матери ни одного доброго слова, Гвендолин понимала, насколько сложно Королеве дались эти слова. Она была тронута, в миллионный раз спрашивая себя, почему она и ее мать не могли стать ближе друг к другу.

Дверь фургона снова открылась и, обернувшись, Гвендолин удивилась, увидев, когда из другого выхода появился Абертоль, который медленно шел со своей тростью, опираясь на воинов.

Он повернулся и направился к Гвендолин своей характерной походкой. Приблизившись к девушке, он тепло улыбнулся ей.

Гвен сделала несколько шагов ему навстречу и обняла старика. Появление старого учителя и советника ее отца согрело девушке сердце. В некотором смысле, словно частичка отца вернулась к ней.

«Гвендолин, моя дорогая», – медленно произнес Абертоль своим древним голосом. – «Объятия с таким скромным стариком вроде меня не покажется вполне уместным на глазах у всех твоих

новых подданных». - Он произнес эти слова с улыбкой, отстранившись. - «Ты теперь Королева, в конце концов. Я очень горжусь тобой из-за этого. А королева всегда должна вести себя как королева».

Гвендолин улыбнулась в ответ.

«Верно», - ответила она. - «Но роль Королевы дает мне привилегию обнимать того, кого я хочу».

Абертоль улыбнулся.

«Ты всегда была слишком умной для твоего же блага», - сказал он.

«То, что я вижу Вас здесь, внушает мне самые худшие опасения», - угрюмо произнесла Гвендолин. - «Я слышала, что королевский двор подвергся нападению. Но зная, что Вы убежали со своими драгоценными книгами, я понимаю, что это на самом деле правда».

Лицо Абертоля упало, когда он серьезно покачал головой.

«Сожжены», - сказал он. - «Они все сожжены дотла. Мы сбежали прошлой ночью».

Гвендолин, чье сердце неистово колотилось, боялась задать следующий вопрос.

«А что с Домом Ученых?» - наконец, спросила она. Ее сердце колотилось, не переставая, когда она подумала о месте, которое было ее вторым домом, которое было самым священным для нее на всем белом свете.

Абертоль грустно опустил взгляд и, впервые в своей жизни Гвендолин увидела, как из его глаз покатались слезы.

«Ничего не осталось», - мрачно сообщил он. - «Тысячи лет истории, бесценные, драгоценные тома - все сожжено варварами».

Гвендолин застонала против своей воли. Она протянула руку к груди, схватившись за сердце.

«Осталось только несколько томов, которые я захватил перед тем, как сбежать. Это все, что я мог уместить в фургон. Тысячи лет истории, поэзии, философии - все это стерто с лица земли».

Абертоль снова и снова тяжело качал головой.

«Мы восстановим его», - сказала ему Гвен, ободряюще положив руку ему на плечо. - «Однажды мы все это вернем».

Она пыталась придать своему голосу уверенности, чтобы вернуть ему настроение, но даже она сама знала, что этому никогда не бывать.

Старик посмотрел на нее с сомнением.

«Ты знаешь, что движется на нас с горизонта?» - спросил он. - «Армия, больше тех, с которыми сталкивался твой отец».

«Я знаю», - ответила Гвен. - «И я знаю, кто мы. Мы выживем. Как-нибудь. И мы все восстановим».

Абертоль долго и пристально смотрел на нее, после чего, наконец, кивнул.

«Твой отец сделал правильный выбор», – сказал он. – «Очень, очень правильный».

Абертоль прищурился, тысячи морщин испещрили его лицо.

«Ты помнишь свою историю?» – спросил он. – «Эхолемы?»

Гвен покопалась в памяти, и вспомнила эту историю.

«Они столкнулись с большой осадой», – ответила девушка.

«Самая большая осада во всей летописи МакГилов», – добавил Абертоль. – «Их было всего сто человек, а они отбивались от десяти тысяч».

Глаза Гвен широко распахнулись, а ее сердце наполнилось надеждой, когда история начала всплывать в ее памяти.

«Как?» – спросила она.

«Они сражались единой силой», – ответил ее старый учитель. – «Не всегда одержать победу в битве помогает меч. Чаще всего они побеждают сердцем, мотивом. Книга древнего языка наполнена историями нескольких победителей против множества врагов».

Абертоль вздохнул.

«Когда будешь править этими людьми», – сказал он. – «Не полагайся на их оружие. Смотри на их сердца. Каждый из этих людей приходится кому-то сыном, отцом, братом, мужем. У каждого есть причина умереть, но кроме того у каждого есть причина и для того, чтобы жить. Найди причину жить – и ты найдешь свой путь к победе».

Он пошел прочь, но тут вдруг остановился и оглянулся.

«Самое главное, спроси себя – какова *твоя* причина для того, чтобы жить?»

Гвен стояла на парапетах одна, и в ее голове звучали слова учителя. Какова ее причина для того, чтобы жить?

Думая об этом, девушка осознала, что у нее две причины. Она опустила руку и погладила свой живот, после чего посмотрела на горизонт и мыслями обратилась к Тору.

В эту минуту она решила жить.

Несмотря ни на что – она будет жить.

Глава двадцать первая

Кендрик скакал по пыльной дороге вместе с Атмэ, в то время как на горизонте собирались большие громовые тучи. Небо гремело снова и снова, угрожая пролиться дождем. Вдали, наконец, появились очертания деревни, о которой им рассказала женщина, и Кендрик почувствовал облегчение.

Они скакали уже несколько часов, и опасения Кендрика все крепли, когда они продолжали удаляться от безопасности Силесии, приближаясь к надвигающейся армии, находившейся где-

то там и приближающейся им навстречу. Кендрик надеялся только на то, что они смогут найти деревню, девушек и вернуться в город до того, как люди Андроникуса доберутся до них, и до того, как ворота Силесии закроются перед ними.

Кендрик знал, что это безрассудная миссия. Тем не менее, он понимал, что она была самой его сутью. Он дал обет помогать тем, кто был беззащитен, и этот обет был для него священным. Для Кендрика это было важнее его личной безопасности, и миссии вроде этой, безрассудные или нет, должны быть осуществлены. Он слышал истории о жестокости Андроникуса и понимал, что его люди сделают с девушками. А этого рыцарь не мог допустить, даже если он умрет, сражаясь.

Кендрик поскакал быстрее, запыхавшись, выкладываясь на все сто. Все четче вырисовывавшаяся деревня воодушевила его. Она представляла собой маленькую точку на горизонте, всего лишь очередное фермерское село на окраине Кольца в форме круга, как и большинство подобных сел с несколькими десятками жилых домов и элементарной городской стеной. Кендрик и Атмэ обменялись понимающими взглядами и поскакали быстрее, воодушевленные, преисполненные решимости добраться туда до Андроникуса и спасти девушек.

Когда они приблизились, Кендрик услышал отдаленный стук и, подняв глаза, вдаль увидел представшую взору группу из дюжины воинов, которые скакали галопом в деревню с другой стороны. Его сердце забилось быстрее, когда он увидел, что они облачены в черный цвет Империи. Они были здесь. И они тоже направлялись в ту же деревню. Кендрик и Атмэ были ближе к месту назначения, чем воины Империи – но не намного.

Единственное, что утешало Кендрика, так это то, что он не увидел с ними всю армию. Это была, скорее, небольшая группа. Рыцарь тут же понял, что это передовой отряд, разведчики, который скачут вперед для того, чтобы доложить главной армии. Где бы ни были разведчики, главная армия всегда находилась поблизости – обычно всего в нескольких минутах.

Дело стало еще более неотлагательным и, закричав, Кендрик снова пнул своего коня, и оба рыцаря ворвались прямо через городские ворота. Они поскакали по узким улицам и смотрели из стороны в сторону, рассматривая все маленькие, скромные жилища. Весь этот город был покинут, являя собой город-призрак. Имущество было разбросано по всем улицам, и было ясно, что жители деревни бросали свои дома в спешке. Это было разумно с их стороны. Они знали, что надвигается.

Они скакали от квартала к кварталу, пока, наконец, Кендрик не заметил жилое помещение, которое было больше других, с красной звездой, нарисованной на нем. Дом Больных.

Рыцари подъехали к нему и, достигнув передней стороны, каждый из них спешил и поспешил внутрь через открытую дверь. Прежде чем они это сделали, Кендрик бросил взгляд через плечо и увидел, что разведчики приближаются, теперь они были всего в минуте пути от них.

Кендрик и Атмэ забежали в здание и помчались мимо рядов заброшенных кроватей. На мгновение Кендрик подумал, что это место пустое. Он спрашивал себя, ошиблись ли они местом или девушки уже перебрались в другое место. Его глазам понадобилось какое-то время для того, чтобы привыкнуть к свету, и тогда он услышал тихий крик.

Они обернулись и в дальнем углу комнаты увидели двух больных девушек, лежащих навзничь на кроватях. На вид им было около двадцати лет, и они слабо потянулись к ним.

«Помогите!» – выкрикнула одна из них.

Другая девушка была слишком больна даже для того, чтобы поднять свою руку.

Кендрик побежал по комнате и, подняв стонавшую девушку, перекинул ее через плечо, в то время как Атмэ схватил ее сестру. Затем они развернулись и выбежали из здания к своим лошадям.

Оба рыцаря посадили девушек на седла и приготовились запрыгнуть на своих коней, когда внезапно позади них появилась дюжина воинов Империи, которые набросились на них подобно буре. Кендрик понял, что времени нет – им придется сразиться.

Кендрик и Атмэ обернулись и бросились вперед, чтобы встретиться с ними, встав между группой воинов и девушками, вынимая свои мечи с характерным звоном и поднимая щиты.

Передний нападающий обрушил свой меч. Кендрик поднял щит и в последнюю секунду отразил удар, после чего замахнулся своим мечом и в тот же самый момент разрезал седло воина, отчего тот упал с коня и рухнул на землю. Другой нападающий замахнулся топором на голову Кендрика и тот пригнулся, после чего ударил его мечом в бок, и воин Империи, закричав, выпал с коня. Третий воин направил в него свое копьё, и Кендрик, развернувшись, выхватил оружие из его рук.

Кендрик поднес копьё к своему плечу и, бросившись вперед, сбил очередного воина с коня. Тот отлетел на следующего нападающего, отчего оба упали на землю. Затем Кендрик оттянул назад копьё, прицелился и метнул его, оно пролетело в воздухе и убило еще одного воина, проткнув его броню и пронзив грудь.

Теперь, оставшись без оружия, Кендрик был уязвим, и у него не было времени отреагировать, когда другой нападающий спрыгнул со своего коня и схватил рыцаря, после чего оба упали на землю. Они все катились и катились, сражаясь, и воин, вынув кинжал, поднял его высоко и направил к горлу Кендрика.

Кендрик в воздухе схватил его запястье и держал там, пока они сражались за власть. Воин нажимал изо всех сил, презрительно насмехаясь. Кендрик с трудом сдерживал его – кончик кинжала находился всего в нескольких дюймах от его лица.

Наконец, Кендрику удалось выкрутить запястье своего противника в сторону, затем он откатился и ударил его латной рукавицей в челюсть, сбив его на спину. После чего рыцарь еще раз ударил воина, окончательно нокаутировав его.

Краем глаза Кендрик заметил, как его атакует еще один воин, подготовившись ударить его в бок. Он быстро соображал, выхватывая кинжал, который выпал из руки солдата, развернувшись и бросая его. Нож полетел, вращаясь, и вонзился в горло нападающего, остановив его на месте. Он встал, застыв на мгновение, после чего замертво завалился на бок.

Атмэ тоже был занят. Оглянувшись, Кендрик увидел, что пять или шесть атаковавших его воина, мертвыми лежали на земле, все в разных положениях. Их кровь окрасила землю. Пока он смотрел на них, Атмэ покончил с шестым воином, изворачиваясь от удара меча. Развернувшись, он отрубил ему голову своим мечом. Кендрик и Атмэ оба постояли минуту-другую во внезапной тишине, тяжело дыша, рассматривая причиненный ими ущерб.

«Как в старые добрые времена», – сказал Атмэ.

Кендрик кивнул в ответ.

«Я рад, что *ты* был на моей стороне», – ответил он.

Раздался отдаленный звук рогов, и Кендрик почувствовал сильные толчки земли. Он посмотрел на горизонт и увидел малейший проблеск поднимающейся пыли. На этот раз эту пыль подняла не дюжина мужчин, а огромная армия, растянувшаяся, насколько хватало взгляда.

Ни один из них не стал попусту терять время. Они развернулись и побежали к своим коням. Кендрик оседлал своего коня позади больной девушки, крепко держа ее одной рукой, пока она безвольно болталась в седле, в то время как другой рукой он схватил вожжи. Атмэ сделал то же самое и через несколько минут они уже мчались из города через вход обратно на дорогу, которая вела в Силесию.

Кендрик думал о закрытии ворот, надеясь только на то, что еще не слишком поздно.

* * *

Гвендолин стояла на вершине небольшого холма за внешними воротами Силесии и ждала, глядя на горизонт, в то время как ее сердце бешено колотилось. Она вглядывалась в горизонт уже несколько часов, молясь о любых признаках появления Кендрика, в то время как они отсчитывали часы, минуты, когда ей придется закрыть ворота.

«Миледи», – сказал Штеффен, который все еще преданно стоял рядом с ней. – «Вы должны вернуться в город! То, что Вы будете ждать Кендрика здесь, не заставит его вернуться быстрее, и это только поставит Вашу опасность под угрозу. Пожалуйста, вернитесь в стены города».

Гвен покачала головой.

«Я не могу ждать в безопасности наших стен, в то время как он рискует своей жизнью там».

«Но, миледи, Ваши люди нуждаются в Вас. Они рассчитывают на Вас».

«Они также смотрят на меня как на пример», – сказала она. – «Образец бесстрашия. На войне это особенно имеет значение».

«Что ж, тогда если Вы не вернетесь внутрь, я тоже останусь здесь», – сказал Штеффен.

Он замолчал, и они оба продолжали стоять и смотреть.

Гвендолин знала, что Штеффен прав, знала, что это только вопрос времени, пока ей не придется отдать приказ закрыть внешние ворота. Ее сердце внутри разбивалось на осколки.

Девушка начала различать отдаленный грохот, и ее сердце неистово заколотилось, когда, подняв голову, она увидела, что весь горизонт окрасился в черный цвет. Перед ней растянулось больше войск, чем Гвен когда-либо видела в своей жизни, – тысячи и тысячи воинов, которые, казалось, тянулись через весь мир. В центре скакало две дюжины знаменосцев, размахивающих цветами Империи высоко над своими головами, звучали сотни труб.

«Миледи, у нас нет времени!» – крикнул Срог, подъезжая к ней с дюжиной войск. – «Мы должны закрыть ворота!»

Гвен оглянулась через плечо и увидела сотни своих людей, которые в спешке готовились к сражению, занимали свои позиции, растянувшись вдоль парапетов. После чего девушка обернулась и снова посмотрела на горизонт. До нее начала доходить реальность происходящего – здесь, наконец, был Андроникус. И все же, по-прежнему не было никаких признаков Кендрика и Атмэ. Ее сердце упало. Неужели его убили? Она никогда не слышала ни об одной неудаче брата. Как это возможно? Кендрик был их лучшим рыцарем. Если его убили, то какова надежда для всех них?

Гвен ругала себя за то, что позволила ему уехать. Она должна была приказать ему остаться на месте. Девушка любила его за то, что он жил согласно своему обету чести, но в этом случае рыцарство привело его к смерти.

«Миледи, Вы больше не можете здесь стоять!» – крикнул Штеффен, и она услышала тревогу в его голосе.

Гвендолин понимала, что время пришло. Армия приближалась, и через несколько минут для нее не останется шанса войти в стены своего собственного города. Но она просто не могла заставить себя сделать это. Не раньше, чем она убедится в том, что ее брату не удалось выжить.

«Миледи!» – убеждал ее стоявший рядом со Срогом Бром. – «Если мы будем ждать еще больше, наши люди умрут!»

Вдруг взгляд Гвендолин поймал маленькое облако пыли в стороне. Повернувшись, девушка увидела, как по небольшой проселочной дороге скачут Кендрик и Атмэ, везя с собой двух девушек. Ее сердце ликовало. Они галопом скакали к городу, опережая армию, приближаясь все быстрее. Рыцари находились в доброй сотне футов от них, и сердце Гвен воспарило, когда она увидела их живыми.

Им это удалось. Девушка с трудом в это верила. Они выполнили свою миссию!

Гвендолин почувствовала, как с ее души свалился огромный камень. Она развернулась, оседлала своего коня и начала скакать обратно к открытым воротам Силесии. Ее сопровождали Штеффен, Срог, Бром и дюжины воинов. Пока они скакали, все больше и больше войск, терпеливо ожидающих ее, заполняли собой пространство, и все вместе они ворвались обратно через внешние ворота. Как только они оказались внутри, дюжины мужчин, ожидающих этого, начали закрывать тяжелые железные ворота с двух сторон.

Они въехали как раз вовремя, ворота оставались открытыми перед ними только на несколько футов, и после это, отставая только на фут-другой, в город ворвались и Кендрик с Атмэ. В ту же секунду, когда рыцари оказались внутри, за ними захлопнулись тяжелые металлические ворота.

Они продолжали скакать через внутренние ворота, и за ними захлопнулись вторые шипованные железные ворота.

Когда Гвендолин ворвалась во внутренний двор, тысячи войск вокруг нее бросились занимать свои позиции, повсюду начался хаос, энергия в воздухе была безумной, а ожидание – осязаемым.

«ОБЪЯВЛЯЙТЕ ТРЕВОГУ!» – крикнула Гвен, после чего немедленно вокруг нее разразился хор рогов.

Жители города побежали в свои дома и закрыли двери и окна. Двор опустел. Оказавшись внутри, большинство жителей подбежали к своим верхним окнам, оставив их открытыми всего лишь на небольшую щель, чтобы смотреть на площадь. Они также держали наготове луки и стрелы. Гвен знала, что каждый оставшийся мужчина, женщина и ребенок Силесии был готов присоединиться к битве, чтобы умереть здесь.

Сердце Гвен наполнилось облегчением, когда к ней подъехал Кендрик. Вместе с Атмэ они передали больных девушек их матери, которая обняла своих дочерей со слезами радости на глазах, рыдая. Она схватила Кендрика за ногу.

«Спасибо», – произнесла женщина. – «Я никогда не смогу отплатить вам».

Гвендолин и Кендрик, спешившись, обнялись.

«Ты жив», – сказала девушка через плечо брата. Она была так счастлива, желая и для Тора такой же судьбы. – «И ты спас их жизни».

Кендрик улыбнулся.

«А нужно спасти еще больше», – ответил он.

У Гвен не было времени для того, чтобы ответить, потому что внезапно раздался ужасный стук во внешние ворота – такой свирепый, что он сотряс весь город.

Кендрик занял свою позицию вместе с остальными воинами Серебра, в то время как Гвен в сопровождении Штеффена бежала вверх по извилистым каменным ступенькам на вершину внутреннего парапета, желая получить лучший обзор.

Когда Гвен бросила взгляд вниз, раздался очередной ужасный треск, и девушка была потрясена увиденным – армия Андроникуса копошилась за пределами города, и дюжины воинов координированным наступлением пробили своими щитами внешние ворота, втиснув в них свои плечи.

Это было всего лишь прелюдией – эти мужчины отошли в сторону, и вперед выступили две дюжины мужчин, которые управляли длинным, толстым, железным тараном на колесах. Они бросились вперед, набрали обороты и, пока Гвендолин с ужасом наблюдала за их действиями, они пробили внешние ворота, оставив в них вмятину, сотрясая стены. Несколько камней вокруг нее загромыхали.

«Ждем Вашей команды!» – сказал Срог, встав рядом с девушкой.

«СЕЙЧАС!» – велела Гвен.

«ЛУЧНИКИ!» – крикнул Срог.

На нижних и верхних парапетах лучники оттянули свои луки и, найдя отверстия во всех закоулках в каменных стенах, прицелились ниже.

«СТРЕЛЯЙТЕ!»

Небо почернело от дождя стрел, тысячи из них пролетели в воздухе, найдя внизу цели в открытых воинах Империи.

Поднялись крики, когда дюжины войск Империи замертво рухнули на землю.

Но армия Андроникуса была хорошо дисциплинирована – сотни воинов встали на колени, выстроившись идеальными рядами, и выстрелили обратно в стены.

Гвен стояла там, пораженная, впервые присутствуя на настоящей битве. Она даже не думала о том, чтобы оказывать сопротивление. Девушка почувствовала, как сильная рука схватила ее за рубашку и потащила вниз, ударяя ее о камни. Гвен ощутила ветер от пролетевшей в воздухе стрелы, которая чудом не угодила ей в голову, и, обернувшись, увидела Штеффена, который лежал на земле рядом с ней. Она лежала там с бешено колотившимся сердцем, осознавая, насколько глупа она была, не опустившись раньше, как сделали вокруг нее все мужчины. Штеффен снова спас ей жизнь.

Но не всем так повезло. Молодой человек, практически ровесник Тора, стоял всего в нескольких футах от нее, пораженно глядя вниз на мужчин, когда в его горло вонзилась стрела. Он простоял еще секунду, после чего опрокинулся через край парашюта и упал на грудь тел вниз на пятьдесят футов.

«ЛУЧНИКИ!» – снова крикнул Срог.

И опять силесианцы подняли свои луки, натянули стрелы и выстрелили в воинов Империи, находящихся внизу.

Поднялись еще более громкие крики, и пало большее количество войск Империи.

Но тут раздался еще один залп.

Битва усилилась, стрелы летали в воздухе во все стороны, Империя начала нести тяжелые потери, в то время как большинству силесианцев удалось выжить, они смогли укрыться за толстыми каменными стенами. Но когда битва продолжилась, было убито все больше и большее количество силесианцев, пока они стреляли. Теперь около дюжины воинов Силесии были мертвы, а Империя потеряла сотни своих людей, хотя Силесия насчитывала меньше мужчин.

Все происходило настолько быстро, что Гвен едва понимала это. Все началось из ничего – дни покоя и бесконечного ожидания перешли к внезапной свирепой битве.

Империя еще подкатила таран к воротам, сделав в них еще большую вмятину и сотрясая землю, когда они ударили по ним.

Кендрик вышел вперед, сплотив Серебро.

«КОТЛЫ!» – крикнул он.

Кендрик бросился вперед в сопровождении Атмэ и дюжины воинов Серебра, и все вместе они водрузили огромный железный котел над краем стены. Минуту спустя через край хлынула кипящая смола, проливаясь на солдат, которые управляли тараном. Дюжина воинов Серебра в унисон перегнулись со своими луками и выстрелили подожженными стрелами.

Охваченные пламенем воины закричали, их остановили как раз перед тем, как они в очередной раз собирались протаранить ворота.

Но через несколько минут еще несколько дюжин войск просто оттолкнули загоревшихся солдат со своего пути и сами взяли за тараны.

Гвендолин поразило чувство безнадежности. Количество войск Империи казалось неограниченным, и независимо от того, скольких они убивали, все это казалось бесполезным. Вместо каждой погибшей сотни появлялось еще две. Все это время горизонт продолжал наполняться ими, их войска простирались, насколько хватало взгляда, ряд за рядом, отряд за отрядом. Они толпились, словно миллион рабочих муравьев. Смерть нескольких сотен воинов Империи даже не пробила брешь в их силах.

Тем не менее, на силесианцах сказывалась каждая смерть. По любым меркам они сражались невероятно хорошо, удерживая огромную армию группой мужчин – поэтому они ощущали каждую потерю – и Гвендолин увидела, что их ряды начинают редеть, а боеприпасы истощались.

Было очевидно, что Андроникус не испытывал никакого уважения к жизни, что он будет продолжать посылать людей на смерть, не задумываясь. Казалось даже, что это его стратегия – просто продолжать приносить в жертву столько людей, сколько он может, пока у силесианцев не закончатся стрелы, смола и копья. В конце концов, все это у них закончится. В битве с любым другим командиром у воинов Силесии был бы шанс, но какие шансы давала им борьба с Андроникусом, с человеком, который даже не заботился о своих собственных людях? Гвен не переставала спрашивать себя об этом. Неужели он настолько безжалостен, что жертвует тысячами своих воинов, не задумываясь?

Пока Гвен наблюдала за тем, как внизу умирает солдат за солдатом, она поняла, что Андроникус таков и есть.

Не успела девушка закончить мысль, как мельком краем глаза заметила, как в нее что-то летит, и на этот раз она пригнулась. Всего в нескольких дюймах над ее головой пролетел огромный пылающий камень. Он взлетел в воздух над парашютами и приземлился в городе. Упав, камень, подобно горячей комете, с невероятной силой сотряс землю. Приземлившись, он продолжал катиться и остановился, только врезавшись в каменную стену в порыве огня и пламени.

Внезапно в воздух взлетели десятки таких пылающих камней, один из которых врезался в стену над ее головой. Гвен, стоя на руках и коленях, смотрела через щель, как ряд катапульта выехал вперед с десятками воинов, вооруженных камнями. Они поджигали их какой-то жидкостью, сгибая веревки, пока те не становились туго натянутыми, после чего срезали веревки, чтобы выпустить камень.

Земля и стены вокруг Гвен сотрясались, когда эти камни пролетали в воздухе подобно стрелам. Повсюду раздавались крики, и десятки ее людей упали замертво.

«СТРЕЛЯЙТЕ В КАТАПУЛЬТЫ!» – крикнула Гвен. – «Цельтесь в людей на них!»

Ее крики передавались и повторялись верхним и нижним рядам вдоль парашютов, и все лучники обратили свое внимание от войск, управляющих таранами к тем, которые управляли катапультами. В них полетел град стрел, ранив и убивая большинство солдат.

Но люди Андроникуса, должно быть, предвидели их действие, потому что как только лучники встали и начали стрелять, будучи открытыми, они и сами подверглись обстрелу. Гвен с ужасом увидела, как в воздухе просвистели десятки стрел, пронзая их. Они начали кричать, и их тела опрокидывались через края, падая вниз.

«Я хочу присоединиться к вам!» – выкрикнул чей-то голос. – «Я хочу присоединиться к сражению!»

Обернувшись, Гвендолин поразилась, увидев, что приближается ее брат Годфри. Слегка обремененный избыточным весом, он тяжело дышал и пыхтел в своей полотняной броне. Его лицо покраснело от напряжения, а глаза широко распахнулись от страха.

«Пригнись!» – крикнула Гвен, и Штеффен дернул Годфри вниз как раз вовремя, когда над его головой пролетело копьё.

«Я хочу сражаться!» – крикнул он. – «Пожалуйста! Дайте мне возможность!»

Гвендолин посмотрела на Кендрика, и тот кивнул в ответ.

«Ты можешь присоединиться к моим людям», – сказал Кендрик. – «Ты когда-нибудь стрелял из лука?»

«Конечно!» – ответил Годфри. – «Отец всех нас заставлял брать уроки».

«Но ты их помнишь?» – настаивал Кендрик.

Годфри смотрел на него широко раскрытыми глазами, дрожа.

«Думаю, да», – сказал он.

«Возьми это», – произнес Кендрик, протянув брату запасной лук и полный колчан стрел. – «И займи позицию вдоль этой стены, вместе с лучниками. Пригнись и не раскрывай себя! Жди моей команды!»

Годфри сделал так, как велел ему Кендрик, поторопившись занять позицию. Он опустился на колени и дрожащими руками взял стрелу из колчана, после чего поместил ее в лук. Он так нервничал, что неумело обращался с оружием и выронил колчан, из которого посыпались все его стрелы.

Но затем Годфри пришел в себя, зарядил лук и на мгновение поднял свою голову над каменной стеной. Мимо него пролетела стрела, но она не задела его. Он снова опустился на колени, задрожав.

«Я сказал тебе оставаться внизу!» – крикнул Кендрик.

«Прости», – сказал Годфри. Казалось, что он вот-вот заплачет.

«Не поддавайся страху», – приказал Кендрик. – «Сделай глубокий вдох. Всегда держись ближе к земле».

Годфри закрыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов.

«ЛУЧНИКИ!» – крикнул Кендрик. – «ОГОНЬ!»

Годфри открыл глаза, прицелился через отверстие в стене, оттянул свой лук трясущимися руками и выстрелил. Он наблюдал за выпущенной стрелой через отверстие в стене.

Его лицо упало, когда он понял, что стрела пролетела мимо.

Но Годфри поставил следующую стрелу в тетиву, на этот раз его руки тряслись меньше, он опустился на колени, тщательно прицелился и выстрелил.

«Я попал в него!» - возликовал Годфри. - «Не могу поверить! Я на самом деле попал в него!»

Гвен была рада видеть, что Годфри покинул пивную и стал сражаться вместе с ними. Она так гордилась братом.

По другую сторону от нее, недалеко, находился ее новоиспеченный зять Бронсон, который благородно сражался вместе с другими, несмотря на то, что у него была только одна рука. Он нашел способ выпускать одну стрелу за другой в людей Андроникуса, устраняя многих из них. Луанда, как и рассчитывала Гвен, надежно укрылась где-то внутри нижнего города.

Ей не хватало только Тора, о чем ей было больно думать.

Внезапно раздался незнакомый шум, громкий скрип. Гвен вытянула шею и посмотрела через отверстия в каменной стене, чтобы узнать, что это такое. Ее сердце упало.

Десятки воинов Империи расступились, давая дорогу дюжинам мужчин, которые толкали вперед телеги с грязью, на вершине которых были сложены высокие деревянные лестницы. Должно быть, их была сотня, и они продвигали телеги все ближе и ближе к внешней стене.

«ФАКЕЛЫ!» - крикнул Кендрик.

Солдаты на нижних и верхних парапетах и их слуги зажгли факелы.

«ПОДОЖДИТЕ!» - приказал Кендрик.

Они все ждали, когда скрип телег становился все громче. Сердце Гвен бешено колотилось, когда большое количество лестниц все приближалось. Они находились всего в нескольких футах, и каждый импульс в ней кричал о том, чтобы отдать солдатам приказ использовать факелы. Но девушка оставила это Кендрику, позволив ему, ветерану битв, отдавать приказы своим людям.

Гвен все ждала и ждала, наблюдая за тем, как воины Империи опирали лестницы о стену, и на лбу у нее проступил пот.

«СЕЙЧАС!» - наконец, крикнул Кендрик.

Силесианцы издали громкий крик, наклонились и подожгли лестницы. Одна за другой деревянные лестницы начали гореть.

Но не всем силесианцам так повезло - некоторым из них, пока они стояли, пронзили стрелами грудь, глаза и горло, других убили при помощи копий и дротиков. Гвен в ужасе наблюдала за тем, как десятки ее людей падали через край, полетев вниз в хоре криков.

Многие лестницы были охвачены огнем, но вместе с тем многие еще оставались прислоненными к стенам, и на них уже были воины Империи, которые карабкались вверх как сумасшедшие.

Силесианцы приступили к действию под руководством Кендрика, который подбежал к ближайшей лестнице, поднял свой топор и, замахнувшись, нанес удар и скинул лестницу на землю.

Но Кендрик дорого за это заплатил - он закричал от боли, когда стрела пронзила его бицепс, и из него повсюду забрызгала кровь. Он протянул руку и выдернул стрелу, снова громко

закричав.

Его слуге повезло меньше – в горло ему вонзилась стрела, и он замертво рухнул на землю.

Солдаты на нижних и верхних парапетах подбежали к постоянно растущему числу лестниц, пытаясь скинуть их. Годфри – нужно отдать ему должное – встал и подбежал к одной лестнице, издав свой первый боевой клич. Казалось, что на него нашло нечто. Когда он приблизился, воин Империи как раз добрался до вершины, собираясь перелезть через каменную стену. Годфри бросился вперед и пронзил его своим копьем.

Воин Империи закричал, тупо уставившись на Годфри, который смотрел на него с не меньшим шоком. Он колебался какое-то мгновение, после чего начал падать назад. Но прежде чем это сделать, он протянул руку и, схватив Годфри за рубашку, дернул его вниз вместе с собой.

Годфри закричал, когда его потащили к краю. Молодой человек в последнюю секунду протянул руку и схватился за камень, подготовившись к падению. Он сопротивлялся изо всех сил, но его хватка ускользала. Гвендолин увидела, что ее брат вот – вот умрет.

Не раздумывая, Гвендолин приступила к действию. Она побежала вперед, схватила забытый меч с земли, подняла его и отрубила руку солдата, который тащил Годфри вниз.

Закричав, воин упал с лестницы, сбив за собой нескольких мужчин. Годфри попятился назад, освободился от захвата и посмотрел на Гвен широко раскрытыми от потрясения глазами.

«Лестница!» – крикнула девушка.

Она побежала вперед и схватила один конец лестницы, а он, оправившись, схватил другой. Штеффен, который находился прямо позади нее, встал посредине. Они втроем вместе напряглись и оттолкнули лестницу от стены, отчего та упала на землю.

Но лестниц было слишком много, а людей для того, чтобы быть повсюду одновременно, не хватало. Первая группа воинов Империи перепрыгнула через парапеты и вскоре те были наполнены ими. Сердце Гвендолин бешено заколотилось, когда она увидела бросившихся к ней со всех сторон мужчин.

«МЕЧИ!» – выкрикнул Срог своим людям.

Вокруг Гвен начался рукопашный бой, поглотивший внимание ее людей и заставивший их отказаться от нападения на солдат внизу. Это дало возможность воинам Империи освободиться для того, чтобы снова сконцентрироваться на пробивании железных ворот внешних укреплений. Таран снова и снова сотрясал стены – этой силы хватало на то, чтобы заставить Гвен и других людей отступить.

Пронизанные огромными вмятинами ворота начинали гнуться.

«Миледи, мы должны увести Вас внутрь для Вашей же безопасности!» – неистово крикнул Штеффен.

Но Гвендолин не хотела оставлять своих людей. Она собиралась посмотреть на стену, чтобы оценить нанесенный воротам ущерб, когда внезапно рядом с ней через перила перепрыгнул воин Империи, который протянул руку и ударил ее тыльной стороной ладони, отчего девушка отлетела назад. Мир Гвен наполнился болью, когда она покачнулась от сильного удара по ее лицу, поразившему ее.

После чего воин набросился на нее. Гвендолин в последнюю секунду откатилась в сторону, и воин, который собирался ударить ее, промахнулся, ударив по камню. Девушка сняла кинжал с пояса, развернулась и вонзила его в шею воина. Его тело обмякло.

Гвен онемела. Она с трудом верила в то, что только что убила человека. Ей стало дурно. Ее трясло изнутри.

Но у нее не было времени на то, чтобы обдумать это – к ней приблизился другой воин, который замахнулся своим мечом прямо на лицо Гвендолин. У девушки не было времени на реакцию – подняв руки, она приготовилась к мгновенной смерти.

В последнюю секунду раздался громкий звон и, открыв глаза, она увидела рядом с собой Штеффена, который отразил удар своим мечом всего в нескольких дюймах от ее лица, изо всех сил стараясь удержать меч подальше от нее. Гвендолин откатилась в сторону, схватила широкий щит, замахнулась и ударила воина по голове. Штеффен пнул его ногой, подпрыгнул на ноги и вонзил меч мужчине в горло.

Обернувшись, Гвен увидела солдата, который поднял копье и направил его в шею Штеффена. Она бросилась вперед и оттолкнула Штеффена с пути, спасая его, после чего в ужасе беспомощно наблюдала за тем, как копье теперь направлялось на нее.

Раздался звук разрезающейся древесины и, подняв глаза вверх, Гвен увидела стоявшего над ней Годфри с мечом в руке, который только что разрубил копье нападавшего воина до того, как оно нанесло удар девушке.

Годфри стоял там – казалось, он был потрясен тем, что только что сделал. Воин повернулся к нему и вынул короткий меч, собираясь ударить его. Годфри был настолько ошеломлен, что не мог быстро реагировать.

Прежде чем воин смог завершить свое нападение, он закричал и оступился. Позади него стоял Кендрик, который только что пронзил его спину своим копьем.

Штеффен развернулся, осознавая, что произошло, и посмотрел на Гвендолин.

«Теперь я *Ваш* должник, миледи».

Раздался очередной треск, стены сотряслись – такого громкого звука Гвен еще никогда не слышала. Он сопровождался громкими одобрительными возгласами среди воинов Империи.

Бросив взгляд вниз, Гвендолин с ужасом увидела, что внешние ворота были пробиты. Совсем скоро, несмотря на их укрепления, ворота падут.

Сотни и сотни воинов Империи были мертвы, но это не пробило брешь в их силах. Девушка посмотрела на горизонт и увидела орды мира перед ними, а еще больше воинов прибывало с каждой секундой. Под ними, с криком, через ворота начали врываться десятки воинов Империи.

«Отступаем к внутренней стене!» – крикнула Гвен.

Ее приказ передавался в нижних и верхних рядах, и ее люди начали отступать через узкие деревянные крутые переходы пятидесяти футов в высоту к внутренней стене.

Они все добрались до внутренней стены, обернулись и, в соответствии с инструкциями,

разрубили позади себя деревянные переходы, в результате чего все воины Империи, преследующие их, начали падать вниз навстречу своей смерти. Воины Империи, которым удалось взобраться на стены, теперь оказались в затруднительном положении на первом ряду парапетов, не в силах и дальше гнаться за ними. Они застряли. Это сработало – именно так, как они и практиковали.

Внизу воины Империи врывались через внутренние ворота – последнюю линию укрепления города. Но в спешке они не смотрели на землю достаточно внимательно – иначе они увидели бы ловушку, ложное покрытие, под которым находился заполненный водой ров.

Они все упали в воду, размахивая руками.

Тем не менее, даже это не остановило их – все больше и больше воинов Империи неустанно двигались вперед, безжалостно наступали на головы своих товарищей в воде, давили и топили их в воде, совершенно не обращая на это внимания. В отличие от большинства командиров Андроникус не остановится для того, чтобы потратить время на строительство моста – он пожертвует своими людьми, воспользуется ими в качестве моста.

К сожалению, это начало давать результаты – тела образовали человеческий мост, по которому смогли бежать остальные воины.

«ЛУЧНИКИ!» – крикнул Кендрик.

Дюжины силесианцев приготовили свои луки и стрелы, подожженные их слугами. Гвен бросила взгляд вниз на гладкую пленку масла, подготовленную на воде, и молилась о том, чтобы их план сработал.

«ОГОНЬ!» – крикнул Кендрик.

Они выпустили горящие стрелы в воду, после чего по поверхности воды распространилось огромное пламя. Поднялись крики, сопровождаемые ужасной вонью горящей плоти, когда воины внизу загорелись живьем.

Там, казалось, находилась, по меньшей мере, тысяча мертвых воинов, сваленных в кучу между стенами. Этого было бы достаточно для того, чтобы остановить любую другую армию, привести к окончанию любую другую осаду.

Но это не была любая другая армия.

Людей Андроникуса было не счесть, и они были незаменимы, как собаки. Это казалось невероятным, но появлялось все больше и больше людей. Они продолжали атаковать, не обращая внимания на свои собственные жизни, бросаясь прямо в пламя, мимо горящих тел.

Когда погибли эти воины, вместо них нападало еще большее количество воинов.

Тела воинов потушили пламя, и вскоре не осталось никакого другого способа остановить их. Люди Гвендолин бросали вниз все, что у них осталось. Но когда прошел еще один час, они истощили почти все свои запасы.

Но люди Андроникуса все равно продолжали прибывать.

Наконец, Империя выкатила вперед очередной таран прямо по телам своих воинов, и с большим рывком они направили его к внутренним железным воротам.

Вся стена сотряслась, и Гвендолин, оступившись, упала. Под ней ворота уже наполовину сорвались с петель.

Прежде чем Гвен и ее люди смогли перегруппироваться, таран снова нанес удар по внутренним воротам и они распахнулись с огромным треском.

Среди людей Андроникуса поднялись одобрителные возгласы, когда несколько секунд спустя они все ворвались во внутренний двор.

Гвен и ее люди обменялись полными ужаса взглядами. Люди Андроникуса находились внутри.

Теперь не осталось ничего, что могло бы их остановить.

Глава двадцать вторая

Тор шел рука об руку с женщиной в белых одеждах, которая вела его через небольшой остров. Он словно находился в состоянии транса. Перед ним другие женщины вели его братьев по Легиону. Они прошли через низкие арочные двери в круглое белое здание в центре острова. Когда Тор вышел с другой стороны, он оказался в круглом открытом внутреннем дворе, покрытом травой и высаженным экзотическим фруктовым садом. Он пытался осмыслить все происходящее, но был не в своем уме. Тор хотел сопротивляться, но, когда женщина вела его, он становился беспомощным от ее прикосновения, от ощущения ее кожи, от запаха ее волос. Она опьяняла его.

Прежде все, дело было в той музыке – она продолжала звучать в его ушах, заманивая его – которая могла заставить его сделать все, чего бы ни пожелала эта женщина. Какая-то смутная часть его знала, что он не должен быть здесь, знала, что он должен думать только о Гвендолин. О доме. О своей миссии. О миллионах других вещей – о чем угодно, только не об этом месте. Не об этой женщине.

Но как Тор ни старался, он не мог получить контроль над своим разумом. Музыка заглушала все его мысли.

Женщина привела его к гамаку и осторожно опустила Тора на него. Молодой человек откинулся назад и, слегка покачиваясь, посмотрел вверх, где увидел длинные узкие листья фруктовых деревьев, покачивающихся на ветру. Кроме того, он увидел небо и проплывающие мимо облака.

Тор почувствовал, как он расслабляется – настолько сильно, что ему казалось, словно он уже никогда не сможет снова подняться.

«Ты – великий и храбрый воин» – прошептала женщина, опускаясь на колени рядом с ним. Она пробежала своими мягкими ладонями по его волосам, по глазам. Звук ее голоса гипнотизировал его. Когда ее кожа коснулась его век, отяжелев, они закрылись.

«Кто ты?» – удалось спросить Тору хриплым голосом.

«Я – все и никто», – ответила женщина. – «Я – твоя самая большая фантазия и твой худший кошмар».

После ее последних слов Тор почувствовал тревогу. Часть его побуждала молодого человека вырваться из этого места, из рук этой женщины, пока у него еще есть шанс. Но Тор был слишком очарован – он не мог заставить свое тело следовать за разумом, который был захвачен

мыслями о ней.

Когда женщина закончила говорить, Тор почувствовал, как вокруг него начала обворачиваться толстая бечевка. Она обернула его плечи, затем руки, туловище и ноги, привязывая его к гамаку, словно он был извлеченной из моря рыбой. Тор открыл глаза и увидел, что он связан с головы до ног, что он не в состоянии пошевелиться, даже если бы захотел.

Женщина стояла над ним с улыбкой на губах. Тор, сбитый с толку, посмотрел вокруг и увидел, что его собратья тоже лежат связанными в гамаках.

«Храбрый воин», – шептала ему женщина. – «Пришел твой конец. Теперь ты станешь пищей для пира. Пира для нас».

В центре двора зажегся костер. Из боковой двери появились две служанки, которые несли связанного бечевкой человека, которого Тор не узнавал. Этот человек висел между двумя длинными палками, и служанки несли его все ближе к костру.

«Нет, пожалуйста, не надо!» – пронзительно кричал мужчина с широкими от ужаса глазами.

Служанки продолжали нести человека, который кричал, не переставая, пока они не подняли его и не поместили над пламенем, подперев его палку на острые выступы так, словно он был животным. Мужчина завизжал, когда они начали медленно поворачивать его снова и снова, обжигая огнем.

Тор пытался отвести взгляд, но не смог.

Через несколько минут, после того, как прекратились крики, они, наконец, вытащили его, полностью почерневшего, из костра. Они унесли его и положили на огромный мраморный сервировочный стол.

«Думаю, следующим мы должны зажарить вот этого», – сказала одна из женщин, показывая на Тора.

К Тору подошли еще две служанки, которые несли новый шест. Они опустили его, собираясь привязать молодого человека.

Скрывавшийся в тени Крон внезапно прыгнул вперед, зарычал и вонзил свои клыки в горло одной из служанок. Она опустилась на землю, закричав, когда Крон прижал ее вниз, встав всеми четырьмя лапами ей на грудь, не желая отпускать ее до тех пор, пока она не перестала двигаться.

Затем Крон развернулся и набросился на вторую служанку, которая попыталась убежать. Он вонзил свои клыки в ее голень, опуская ее вниз, после чего набросился на ее шею, сжимая челюсти и убивая девушку.

Одна из женщин взяла раскаленное копьё и ткнула им в Крона. Леопард завизжал, когда копьё ударило его в заднюю правую лапу, оставляя ужасный ожог на его бедре. Но после этого Крон обернулся, подпрыгнул в воздух и откусил руку женщины. Она закричала, роняя копьё на землю.

Другие женщины приблизились к Крону, который стоял перед Тором, не позволяя никому подходить к молодому человеку. Он зарычал, когда женщины подошли с копьями – каждая из них пыталась ткнуть леопарда.

«Крон, сюда!» – крикнула Индра.

Крон повернулся и побежал вокруг круглого двора, уклоняясь от копий, к Индре, которая лежала, растянувшись на земле со связанными лодыжками и запястьями.

«Крон, разорви веревки!» – крикнула девушка.

Леопард ее понял. Он набросился на веревки, вонзая в них свои клыки и яростно тряс их, пока они не разорвались.

«Теперь принеси мне тот нож!» – крикнула Индра, нервно оглядываясь через плечо, в то время как другие женщины начали набрасываться на нее.

Казалось, что Крон понял – он прыгнул к большому кинжалу, лежавшему на столе, схватил его своими зубами и побежал обратно к Индре. Она выхватила кинжал из пасти леопарда, протянула руку и разрешила связывавшие ее ноги веревки.

Индра откатилась в сторону как раз в ту минуту, когда первая женщина ткнула ее копьём, после чего перевернулась и вонзила кинжал ей в горло.

Женщина замертво рухнула на землю с широко раскрытыми глазами.

«Я не мужчина», – усмехнулась Индра. – «И я не люблю музыку».

Другие бросившиеся на нее женщины заколебались, увидев, с кем им предстоит столкнуться. Индра не стала ждать – она прыгнула вперед, выхватила копье из рук одной из женщин и, развернувшись, пронзила ее горло.

Затем девушка рванулась вперед и ударила кинжалом другую женщину в живот.

Не желая больше терять драгоценную энергию на противостояние с этими женщинами, Индра развернулась, побежала вместе с Кроном через двор прямо к Тору. Когда она приблизилась к молодому человеку, то увидела, что его глаза начали гаснуть, что свидетельствовало о том, что он все еще находится в трансе.

Индра быстро разрешила связывавшие его веревки, после чего разрешила веревку его гамака, и он упал, ударившись о землю с глухим стуком. Тор поднял на нее свои по-прежнему потускневшие глаза.

«Тор, послушай меня», – сказала девушка. – «Ты находишься в трансе. Ты понимаешь? Ты должен вырваться из него! Ты должен спасти других и себя, пока еще не слишком поздно. Пожалуйста. Ради меня. Вернись ко мне!»

Крон наклонился к Тору и принялся снова и снова облизывать его лицо.

Где-то глубоко внутри Тора всколыхнулась какая-то его часть. Он начал осознавать, что он потерял, что он ушел глубоко в другую реальность. Музыка сирен начала медленно утихать в его голове, и перед его глазами предстало женское лицо.

Индра... рабыня... она говорила с ним... рассказывала ему что-то... говорила ему подняться... идти... идти сейчас!

Тор покачал головой и вскочил на ноги. Внезапно он освободился от чар.

Тор почувствовал покалывание во всем теле, поднимающееся от пальцев ног до пальцев рук, почувствовал, как его окатила волна жара.

Когда первая женщина добралась до него, набросившись с копьем, Тор отступил в сторону, выхватил копье из ее рук, взял рукоятку и ударил ее по голове деревянным концом, сбивая ее с ног.

Затем молодой человек развернулся и воспользовался копьем как древком, чтобы выбить копья из рук других женщин, после чего снова развернулся и сбил их с ног. Он не хотел убивать ни одну из них, он всего лишь хотел остановить этих женщин и спасти своих друзей.

«Освободи других!» - крикнул Тор Индре.

Тор и Индра разделились. Крон побежал рядом с Тором, когда они отправились от одного члена Легиона к следующему, разрезая веревки и освобождая их. Они все оставались в состоянии транса, но когда Тор сбил с ног еще нескольких женщин, чары медленно рассеялись. Наконец, они стали достаточно легко поддаваться внушению, по крайней мере, для того, чтобы подчиниться приказу Тора.

«Следуйте за мной!» - крикнул Тор каждому из них.

Тор, Индра и Крон побежали вместе с остальными, ведя их, пока они все пересекали небольшой остров, возвращаясь в свою лодку.

Они все прыгнули в нее, и Тор протянул руку с кончиком копья и сильно оттолкнулся от берега. Находившаяся рядом с ним Индра делала то же самое.

Все остальные члены Легиона, наконец, освободились от чар и начали грести изо всех сил, сражаясь с приливом, пока они медленно отплывали от острова.

Оставшиеся на острове женщины подбежали к берегу, к кромке воды, и наблюдали за тем, как они уплывают. Обезумев, они начали пронзительно кричать и рвать на себе волосы. Их крики - намного ужаснее, чем звуки их музыки - эхом отражались от воды, преследуя Тора, пока течение, наконец, не подняло их и не отнесло прочь.

* * *

Тор был угрюм, продолжая молча грести вместе с остальными. Мрачное чувство распространилось по лодке, пока они гребли на протяжении нескольких часов, все больше и больше увеличивая расстояние между ними и тем островом. Они проплыли мимо переменчивой местности, и Тор не мог не задуматься над тем, насколько близко они находились от смерти. Он все еще до конца не понимал, что там произошло.

После того, как они покинули то место, в течение первых нескольких часов они все находились под действием адреналина, их страх и волнение побуждали их продолжать грести. Но сейчас, когда второе солнце начало отбрасывать длинные тени, волнение начало проходить, и Тор вместе со своими друзьями чувствовал себя опустошенным во всеобъемлющей тишине, которая опустилась на них. Плечи Тора налились усталостью, а его спина затвердела, в то время как он спрашивал себя, закончится ли эта гребля когда-нибудь.

«Как долго мы должны продолжать в таком духе?» - наконец, О'Коннор произнес вслух вопрос, который крутился в голове у каждого. Он опустил свое весло и вытер затылок. - «Это бесполезно. Мы никуда не движемся».

«И мы даже не знаем, куда направляемся», – добавил Элден, не менее разочарованный.

«Но мы знаем», – защищаясь, сказал Дрейк, поднимая карту.

«Ты и твоя глупая карта», – произнес Конвал. – «Карта воров. Откуда нам вообще знать, что она точная?»

«Она почти убила нас там», – добавил Конвен.

«Нам следовало бы послушать Индру с самого начала», – сказал Элден.

«Да, следовало бы», – согласилась Индра. – «Мы движемся в неправильном направлении. Я вам это говорила».

«Эта рабыня не знает, о чем говорит», – огрызнулся Дарс. – «Карта очень ясна».

«Не называй ее так больше», – бросил Элден, поворачиваясь к Дарсу, покраснев. – «Индра спасла жизнь каждого из нас на том острове, если ты забыл».

Дарс замолчал, и впервые в жизни Тор увидел, как тот отступал перед кем-либо. Возможно, потому, что Элден был больше и шире в плечах, несмотря на свой возраст, и было видно, что Дарс не хотел вступать в противостояние. Кроме того, Элден был гораздо самым горячим из всех, кого когда-либо видел Тор, и в эту минуту он убедился в том, что его друг на самом деле увлекся этой девушкой.

«Дело в том, что мы знаем, куда они несут Меч», – сказал Дросс. – «Эта карта ведет нас туда. И этот канал воды является единственной дорогой. Мы просто должны придерживаться курса».

«Я скажу тебе, куда эти воды несут нас», – мрачно произнесла Индра. – «Они несут нас к Земле Нежити – злой и неприветливой земле, к месту самой глубокой тьмы и смерти. Те, кто входит туда, никогда не возвращается. Никогда. Это наверняка. Разве вы не заметили течения?» – спросила девушка, глядя вниз. – «Они стали сильнее. Они тянут нас в одном направлении – к огромному водопаду. Как только мы спустимся к нему, обратного пути не будет. Это ваш последний шанс – поворачивайте сейчас же».

Молодые люди с опаской посмотрели друг на друга.

«И куда плыть?» – спросил Рис.

«Возвращайтесь туда, откуда мы начали», – ответила Индра.

Раздался коллективный стон трех братьев.

«Весь путь назад к началу?» – спросил Дросс.

«То есть ты говоришь нам бороться с этими течениями весь обратный путь и начинать все сначала, без карты, полагаясь только на твое слово?» – спросил Дрейк.

«И кто сказал, что у тебя нет своего собственного плана?» – добавил Дарс. – «Ты не являешься одной из нас. Неужели мы должны вложить свои жизни в руки дикой рабыни, профессиональной воровки?»

«Вы уже вложили», – заметила Индра. – «И вы выжили».

«Я бы скорее доверил свою жизнь ей, чем вам», – сказал Элден, бросив на Дарс насмешливый взгляд.

Группа молодых людей погрузилась в молчание.

Дрейк вздохнул.

«Так что ты хочешь, чтобы мы сделали?» – спросил он, повернувшись к Тору. – «Поскольку ты являешься руководителем этой миссии. Хочешь ли ты, чтобы мы начали все сначала, последовали за словами этой рабыни, этой незнакомки, которую мы даже не знаем, и проигнорировали эту карту из Кольца?»

Тор сидел в лодке, чувствуя, что взгляды всех присутствующих обращены на него. Он задумался. Какая-то часть его, в глубине души, чувствовала, что в том направлении, в котором они движутся, есть что-то неправильное. Но в то же самое время у него не было четкого ощущения. Что-то оставалось скрытым. Он не знал, что и почему пугало его. Тор даже не знал наверняка, что возвращение назад будет лучшим маршрутом. И даже если бы они хотели, течения становились слишком сильными, и все они были слишком уставшими. Он даже не видел, как все это возможно. По крайней мере, у троих братьев была карта, конечный пункт и план. К тому же, они не могли рисковать, теряя больше драгоценного времени на поиски Меча.

«Мы дадим вашей карте шанс», – сказал им Тор. – «До завтрашнего дня. Если к тому времени у нас не будет прогресса, какого-то определенного направления, тогда мы развернемся и отправимся по пути Индры».

Все присутствующие кивнули – они казались удовлетворенными, вернувшись к гребле.

«При условии, что все мы доживем до завтра», – зловеще произнесла Индра, когда они все замолчали. Единственный звуком в окружающем мире был плеск воды под их веслами.

* * *

Они гребли так долго, что Тору казалось, будто его руки отвалятся от тела. Второе солнце низко опустилось в небе, и когда Тору показалось, что он никогда больше не сможет еще раз поднять весло, широкий корпус воды сократился в узкий канал. По обе стороны от них показалась земля – огромная, пустынная земля с черной, скалистой почвой, которая растянулась насколько хватало взгляда. Она была похожа на бесконечные поля взрытой грязи. Казалось, что они прибыли к месту, в котором никто и ничего не жило, словно они подобрались к самому краю земли.

«Пустоши», – тихо и зловеще произнесла Индра. – «Водопады теперь уже близко».

Тор услышал отдаленные звуки бегущей воды, которые становились все громче, в то время как течения тоже усилились, толкая их к тому, что становилось рекой. Вскоре они все подняли свои весла, поскольку им больше не нужно было использовать их – теперь их несла вода.

Показался изгиб реки, и когда они обернулись, звуки падающей воды стали громче. Сердце Тора упало, когда вдаль он увидел пенящуюся воду – верный признак падения воды. Он начал ощущать брызги, влагу в воздухе даже отсюда. Индра была права – водопады.

Они все обменялись зловещими взглядами.

«Кажется, что вы снова ошиблись», – сказал Рис, поворачиваясь к Дрейку.

«Лучше вам быть правыми относительно этой карты», – угрожающе сказал Элден.

«Те водопады убьют нас!» – крикнул О'Коннор.

«Насколько крутым является падение?» – спросил Конвал.

Теперь все молодые люди смотрели на Индру, ожидая ответов.

«Я не знаю», – ответила девушка. – «Но если мы выживем, я уверяю вас, что водопады станут меньшей из наших бед».

Течение стало таким быстрым, шум и брызги такими сильными, что Тор и другие молодые люди крепко вцепились в борта лодки.

«Вы должны развернуться!» – сказал О'Коннор, пытаясь грести назад.

«Слишком поздно!» – крикнул Тор. – «Течение слишком сильное! Приготовьтесь!»

Лодка устремилась вниз по течению все быстрее и быстрее, и глаза Тора широко распахнулись, когда перед ним предстали водопады. Это была стена белой воды, хлынувшей вниз. Крон, находившийся рядом с Тором, начал скулить, и молодой человек приобнял леопарда одной рукой, крепко держа его.

«Все в порядке, Крон», – сказал Тор. – «Просто оставайся рядом. И если ты упадешь в воду, плыви обратно к нам».

Крон снова заскулил, словно отвечая ему, и через минуту желудок Тора начал падать, когда их лодка стала опрокидываться через край.

Тор бросил взгляд вниз и увидел огромное падение, как минимум, пятидесяти футов. Перед ними была стена белой воды, и времени на то, чтобы отреагировать, не оставалось.

Лодка опрокинулась, и все молодые люди начали кричать, падая прямо вниз по воздуху.

Тор погрузился в стену воды, падая с лодки, пролетев по воздуху, размахивая руками. Он начал теряться в мире падающей воды, когда он перевернулся кувырком через голову, и вода окатила его всего с головы до ног.

Он погрузился под воду, не зная, насколько. Его легкие разрывались, когда вода выстрелила ему в нос, его лицо пронзила боль от удара водопада.

Когда Тор, наконец, убедился в том, что его легкие вот-вот лопнут, вода подбросила его вверх. Он выплыл из воды, размахивая руками, жадно хватая ртом воздух, находясь где-то внизу по реке. Тор был дезориентирован, вода залила его глаза, уши и нос, и когда он пытался открыть глаза посреди этого рева, хлынул поток, и молодой человек не увидел ничего, кроме воды.

Течение засасывало его вниз, погружая молодого человека снова и снова, пока, наконец, не начало замедляться, и через несколько секунд он выплыл на поверхность, хватая ртом воздух, в состоянии оставаться на плаву. Тор плыл в воде, глядя по сторонам в поисках своих друзей. Они начали появляться на поверхности один за другим, высывая головы, хватая ртом воздух, размахивая руками, когда волна понесла их вниз по течению. Тор также заметил,

как из воды возникла Индра, к ней подплыл Элден, подхватив девушку. Тор неистово озирался по сторонам в поисках Крона, но не мог найти его.

«КРОН!» – крикнул он.

Тор поворачивался во все стороны и на мгновение, далеко внизу по течению он увидел на поверхности голову леопарда, которая затем снова погрузилась под воду. Тор прочитал в глазах Крона страх, которого он никогда не видел прежде. Это был взгляд беспомощности.

Их лодка, местами побитая, всплыла на поверхность недалеко от них, но, тем не менее, все еще целая, и все члены Легиона начали плыть к ней. Но сам Тор поплыл в другом направлении, туда, где он в последний раз заметил Крона.

«Плыви к лодке!» – крикнул ему Рис.

Но Тор проигнорировал его, он должен был добраться до Крона, особенно сейчас, когда леопарда уносило в участок течения, которое заставляло его плыть в противоположном направлении.

«Вернись!» – крикнул О'Коннор. – «Не плыви туда!»

Но Тор плыл изо всех сил, борясь с течением.

«КРОН!» – снова крикнул он.

В голове Тора мелькали образы того времени, когда он впервые нашел леопарда, о том, каким крошечным щенком он был, о той связи, которая образовалась между ними. Мысль о том, что он может потерять Крона, причиняла такую боль, которую Тор не смог бы выразить словами.

Внезапно Тор увидел, как одна лапа Крона появилась на поверхности, прежде чем снова погрузиться под воду. Тор нырнул под воду и поплыл к нему. Когда он открыл глаза под поверхностью кристально-голубой воды, он заметил, что Крон погружается на дно.

Тор поплыл глубже, его барабанные перепонки едва не лопались от давления. В следующую минуту он схватил Крона и поплыл к поверхности, потащив леопарда за собой.

Всплыв на поверхность, Тор и Крон сделали глубокий вздох. Крон хныкал, топчась в воде на одном месте против течения, Тор обернулся и оттолкнулся ногой, изо всех сил пытаясь дистанцировать их от разветвления. Но ему не удавалось добиться такого успеха, как ему хотелось бы.

Тор почувствовал руку на своем плече и, обернувшись, увидел подплывшего к ним Риса. Он оттолкнулся, и всем вместе им удалось отплыть, сражаясь с течением, направляясь к лодке.

Добравшись до лодки, Тор поднял Крона на борт. Он стоял на четвереньках, благодарный за то, что выбрался из воды, трясясь, как сумасшедший, после чего снова и снова стал откашливать воду. Тор и Рис держались за край лодки, пока она неслась обратно вниз по течению.

Обернувшись, Тор посмотрел назад, вверх на водопады, которые отсюда казались невероятно высокими, как гора. Он не мог поверить в то, что они выжили. Им просто повезло, что на дне не было скал, и что у его основания был глубокий бассейн воды.

Пока они держались, быстро плывя, Тор и Рис одновременно повернулись друг к другу, все еще потрясенные. Они вдруг расхохотались.

«Мы выжили, старина», – сказал Рис, не веря в случившееся.

Тор покачал головой.

«Каким-то образом нам это удалось», – ответил он.

Тор и Рис забрались обратно в лодку и, когда течение отнесло их всех вниз по реке, они заметили, что их весла плавали в воде. Они направили к ним свою лодку и каждый из них, опустив руку вниз, схватил по веслу. Наконец, к Тору снова вернулось ощущение контроля.

Хотя когда снова показался изгиб реки, чувство облегчение, которое начал испытывать Тор, превратилось в тревогу. Перед ними раскинулась новая цельная земля, и Тор тут же осознал – все то, о чем предупреждала Индра, было правдой. Он понял, что они совершили большую ошибку, приплыв сюда.

Преисподняя была самой темной, самой пустынной землей, которую Тор когда-либо видел. Через ее местность пробегала река, состоящая из черной вулканической грязи, в которой росли бескрайние поля коренастых черных деревьев, чьи мертвые ветки, скрученные в зловещие фигуры, были покрыты шипами. Это было похоже на лес, который сгорел и никогда больше не возродился, или же здесь никогда ничего не жило. Во всяком случае, ничего хорошего.

Даже небо здесь имело оттенок мрака, чего Тору не приходилось видеть. Темно-серый цвет сменился ярко-голубым, и среди всего этого появились черные тучи, угрожая наступающей бурей. Солнце тоже висело ниже, и на смену дневному свету пришли мрачные сумерки. Тору показалось, словно они отплыли днем, а приплыли в сумерках, словно их несло к земле, которой правит отчаяние.

Вокруг них возникли странные звуки, словно пение птиц смешалось с воплем и, оглянувшись по сторонам, Тор заметил стаи огромных черных птиц, которые сидели на ветках. Они напоминали воронов, но были в четыре раза больше, да и глаза у них были и на голове, и на груди. Вместо крыльев у этих птиц были когти, и они яростно трясли ими, откинувшись назад и выпятив свои грудные клетки, издавая странные звуки.

Все молодые люди наблюдали за ходом лодки, и Тору казалось, что в любой момент вся эта стая может наброситься на них. В некотором смысле то, что их жуткие глаза наблюдали за каждым их движением, было еще хуже.

Крон позади него зарычал.

«И что сейчас насчет вашей карты?» – насмешливо спросил Элден всех троих братьев.

Все трое сидели в задней части лодки, но теперь они выглядели контуженными, неуверенными в себе.

«Она все еще у меня», – сказал Дрейк, показывая ее. – «Она влажная, но читать можно. Я старался сохранить ее как мог».

«Почему в вашей карте не упоминается о водопадах?» – настаивал Рис.

«Это не топографическая карта», – усмехнулся Дрейк. – «Она нарисована заключенным, чтобы указать нам путь к Мечу».

«Или к нашей смерти», – сказал О'Коннор.

«Вы когда-нибудь задумывались над тем, что это могла быть ловушка?» – спросил Конвен.

«Я думаю, что кто-то делает из всех нас дураков», – добавил Конвал.

«Так что же вы предлагаете нам делать сейчас?» – спросил в ответ Дарс. – «Вернуться назад, подняться на те водопады и начать все сначала?»

Они все оглянулись, понимая, что это невозможно.

«У нас нет выбора», – сказал Дросс. – «Мы должны придерживаться карты».

В лодке снова воцарилось мрачное молчание.

«Кажется, все, что ты до сих пор говорила, является правдой», – обратился Тор к Индре. – «Расскажи нам больше об этом месте, в котором мы оказались».

Индра с опаской огляделась – она не выглядела счастливой, оказавшись здесь. Она долго хранила молчание, прежде чем заговорить.

«Легенда гласит, что это одна из семи сфер ада», – сказала девушка, глядя на мрачный пейзаж. – «Если верить легенде, то когда в аду не осталось больше места, дьяволы получили еще шесть сфер. Это было сделано в первые дни Империи – до Андроникуса, даже до его предков. Это место, куда не отправятся даже войска Империи. Эта река, которая протекает здесь, соединяет две разные земли Империи. Это кратчайший путь. Тем не менее, никто не является настолько глупым, что на самом деле пользоваться им. Люди выберут долгий путь – независимо от того, насколько долгим он будет».

Они снова замолчали, продолжая грести по извилистой узкой реке, а небо утопало в глубоких сумерках. Казалось, что они плыли в чей-то кошмар.

Раздался внезапный всплеск и, оглянувшись, Тор увидел множество горящих глаз над поверхностью воды, которые тут же исчезли.

«Вы это видели?» – спросил О'Коннор.

Они все начали рассматривать воду, когда все вокруг них наполнилось звуками небольших всплесков, и повсюду начали всплывать светящиеся желтые глаза.

Когда Тор наклонился для того, чтобы получше рассмотреть, внезапно из воды выпрыгнула рептилия размером с крупную рыбу с огромными светящимися глазами и длинными крокодилскими челюстями. Должно быть, эти челюсти достигали двух футов в длину, и они щелкнули прямо на Тора.

Тор отстранился назад в последнюю секунду, как раз перед тем, как челюсти едва не разрезали его пополам.

Крон зарычал на это создание, но затем и сам отстранился, когда другая тварь подпрыгнула в воздух и едва не укусила его. Тор поднял свое весло и стал бить рептилии, когда те начали выпрыгивать из воды вокруг них. Остальные молодые люди делали то же самое, нанося удары

рептилиям, когда они окружили лодку.

Одна из них прыгнула в воздух, и ей удалось вонзить свои зубы в руку Конвала.

«Снимите ее!» – закричал он, схватившись за эту тварь.

Конвен поспешил к брату, схватил челюсти создания и оторвал их от руки Конвала, после чего швырнул монстра обратно в воду. К счастью, он снял рептилию достаточно быстро для того, чтобы на руке его брата осталась лишь незначительная рана.

«Этих тварей тысячи!» – выкрикнул О'Коннор, когда он уклонился от одной из них, подпрыгнувшей в воздух прямо мимо него. – «Мы не можем сдерживать их вечно!»

Тор понял, что О'Коннор прав – эти создания окружали их, и теперь это только вопрос времени, пока они причинят какой-то серьезный ущерб. Нет никакого способа, чтобы отразить их нападение. Словно они направляются в логово пираний.

Но затем все эти твари внезапно развернулись, погружаясь под воду и уносясь прочь на полной скорости.

«Что они делают?» – спросил Элден.

«Кажется, что они убегают от нас», – сказал О'Коннор.

«Или от чего-то еще», – зловеще произнесла Индра.

Когда у Тора засосало под ложечкой, он понял, что девушка права. Эти монстры не стали бы уноситься прочь, если бы они не были напуганы, если бы они не убегали от чего-то. Отчего большего, чем они сами.

Внезапно накатил огромный прилив воды и, бросив взгляд вниз, Тор увидел, что вода начала пениться и покрываться пузырями.

Он знал, что нечто собирается атаковать их. Нечто большое.

«Приготовьтесь!» – крикнул он.

Перед ними произошел взрыв воды, после которого из-под поверхности воды вырвался огромный морской монстр, непохожий ни на что когда-либо виденное Тором. Это было огромное китообразное чудовище с челюстями двадцати футов в длину, заполненными рядами острых, как бритва, зубами. Его красные глаза торчали из его головы несколько футов шириной, а его изогнутый кверху нос достигал нескольких футов в длину с бритвами на конце.

Открытые челюсти монстра опустились на лодку, и рефлексы Тора побудили его действовать. Не раздумывая, он поместил в свою пращу камень, откинулся назад и метнул его изо всех сил, целясь чудовищу в нос. Тор вспомнил, что нос является самым чувствительным местом, чтобы ранить зверя, и он отчаянно молился о том, чтобы это оказалось правдой. Если же нет, то через несколько секунд они все окажутся в желудке чудовища.

Это был идеальный удар в полную силу и, когда камень ударил монстра, тот внезапно остановился на полпути вниз, откинулся назад и заревел.

Этот рев смог бы сотрясти землю, он был достаточно громким для того, чтобы сотрясти воду и раскачать их лодку. Тор едва удержался на ногах, когда он поднял руки и прижал их к своим

ушам.

Монстр всплыл еще выше, поднимаясь из воды еще на тридцать футов, обнажая ряды челюстей, тянущихся вдоль стороны его тела, сужаясь к точке – выглядели они так, словно кита скрестили с морской змеей.

Все члены Легиона приступили к действию, воодушевленные действиями Тора, бросая в зверя копья, которые вонзались в его тело. Элден бросил топор, вонзившийся в голову монстра, О'Коннору удалось выпустить три стрелы, каждая из которых с точностью угодила в один глаз.

Но, к удивлению Тора, зверь оставался равнодушным. Он просто вытащил все их оружие, словно это были зубочистки, используя свои разнообразные когти, после чего швырнул их в воду.

Разозлившись, монстр откинул назад свою голову, открыл пасть в два раза шире, и снова набросился на них, собираясь разрезать молодых людей пополам.

На этот раз не осталось ничего, чтобы остановить его.

Глава двадцать третья

Когда Гвендолин наблюдала за тем, как воины Империи прорвались внизу через ворота и хлынули в Силесию, она стояла, застыв. Она не могла поверить в то, что все случилось так быстро. Все их тщательно продуманные планы обороны были уничтожены в течение нескольких часов.

«Миледи, мы должны двигаться!» – неистово крикнул Штеффен рядом с ней, дергая ее за руку.

Гвен высвободила свою руку, инстинкты заставляли девушку приступить к действию. Она увидела, что Срог, Бром, Кольк, Кендрик, Годфри и другие отступали вместе с воинами вниз к задним ступеням парапетов, и девушка вспомнила их план насчет непредвиденных обстоятельств. Бессчетное количество раз она пересматривала этот план со своими генералами, и теперь казалось нереальным то, что она видела его исполнение.

Когда первый воин Империи прорвался через ворота, Срог повернулся к своим людям и крикнул:

«СЕЙЧАС!»

Несколько солдат вытащили огромные рычаги сверху, после чего внизу в земле открылся люк прямо возле ворот, в результате чего все солдаты – дюжины мужчин Империи – упали, закричав, в глубокую и темную яму. Огромная дыра помешала воинам продвинуться дальше через ворота в Силесию. Это выиграло для Гвен и для остальных драгоценное время, но девушка знала, что это не сдержит их надолго, и все они продолжают свое контролируемое отступление.

Осознав, что произошло, люди Империи перестали мчаться в город, остановившись у ворот, прямо перед ямой. Кроме того, они оказались в тупике, им некуда было идти. Не в силах вернуться назад, их собственные люди обратились в паническое бегство, торопясь войти в город, и толкая все больше и больше людей, крича, прямо в яму. Когда поток людей, наконец, закончился, они начали разворачиваться назад, пытаясь пробраться из ворот и отыскать другие способы оказаться в городе.

У Гвен и ее людей появилось время, нужное им для отступления. Гвен была рада видеть, что эта тактика сработала – это был последний штрих, который она добавила к военным планам. Это подарило им время для того, чтобы мобилизовать граждан, собрать стариков, женщин и детей, вывести их из домов через арочные ворота, ведущие вниз к нижней части города. Чтобы сэкономить время во время спуска, Гвен и ее люди установили железные сваи внизу и верху на стенах, и дюжины воинов одновременно схватились за них и весь пусть скользили вниз к Каньону, упорядоченно приземляясь на нижних уровнях.

План сработал точно так, как и было задумано, и в течение нескольких минут все силесианцы верхней части города оказались в безопасности за вторым набором городских ворот, спустившись к нижним уровням. Гвен стояла за воротами, ожидая, пока выйдет последний человек, чтобы убедиться в том, что никто не остался позади. Штеффен и Кендрик преданно стояли рядом с ней. Наконец, убедившись, что все спустились вниз, девушка прошла через четыре ряда тяжелых железных шипованных ворот, после чего те опустились за ней одни за другими. Сюда нелегко будет проникнуть, особенно потому, что они были встроены в каменные стены десяти футов толщиной.

Гвен присоединилась к воинам на следующей линии защиты на верхних парапетах за решетками, на краю Каньона. Она заняла позицию рядом со Штеффеном, Кендриком, Годфри, Срогом и другими мужчинами. Сотни силесианских лучников опустились на колени, рассчитывая удерживать эту последнюю позицию.

Внизу Гвен уже видела, как первое войско Империи взбиралось на стены во двор, опуская веревки и лестницы, чтобы за ними последовали остальные войска. Через несколько минут за ними последовали дюжины войск, которые уже бросились прямо на них по направлению ко второму ряду железных ворот. Но такое большое количество людей не могли войти в ворота одновременно, учитывая, что они не могли наброситься на них пешком, их путь был прегражден огромной ямой перед воротами.

Кендрик опустился на колени рядом с Гвен, держа в руках свой собственный лук, ожидая.

«НЕ СЕЙЧАС!» – крикнул он своим людям, и все стали ждать его команды.

Воины все приближались и приближались, и в воздухе висело напряжение.

«ОГОНЬ!» – крикнул Кендрик, поднимаясь со своим луком.

Сотни силесианских воинов, среди которых были Годфри, Штеффен, Срог, Бром, Кольк и даже Гвендолин – поднялись вместе с ним, и с неба упал град стрел, останавливая дюжины воинов Империи в пути.

Лучники тут же снова натянули тетивы и выстрелили еще раз. И еще раз.

Им удалось вывести из строя первый ряд мужчин, освободить от них двор, наполняя землю их телами. Империя была застигнута врасплох, ее воины не были готовы к контратаке после того, как они пробивали ворота.

Но независимо от того, сколько человек они убили, воины Империи продолжали наступать. Вскоре за ними по пятам прибыл дисциплинированный отряд лучников, которые опустились на колени, подняли свои щиты в унисон, чтобы отразить град стрел, после чего и сами начали стрелять из луков.

Гвен пригнулась, когда небо наполнилось стрелами, направленными в их сторону. Одна из них

пролетела прямо над ее головой, чудом ее не задев.

Некоторые из силесианцев оказались не такими быстрыми, как она, и, закричав, раненные, они упали с каменной стены, замертво бросившись вниз.

Поднявшись, Гвен снова выстрелила, и, к ее собственному удивлению, она попала прямо в горло одного из воинов. Она почувствовала, как чья-то рука тянет ее вниз, когда мимо ее уха пролетела стрела. Это был находившийся рядом с ней Штеффен.

«В низком росте есть свои преимущества, миледи», – сказал он. – «У Вас этих преимуществ нет. Следуйте за мной и пригнитесь».

Штеффен выглянул через край, перегнулся вместе со своим луком и сделал три коротких выстрела, выводя из строя трех солдат, приближающихся к воротам.

«Чтобы убить человека, не обязательно быть высоким», – сказал он Гвен. – «Если я чему-то и научился в своей жизни, то этому».

Битва продолжалась раунд за раундом, стрелы непрерывно летали с обеих сторон, крики раздавались и с одной, и с другой стороны, когда тела поднимались наверх. С каждым проходящим часом тела воинов Империи накапливались во дворе.

Тем не менее, все больше и больше солдат Империи взбирались на стены подобно насекомым. Единственная спасительная благодать для силесианцев заключалась в том, что Империя пыталась просочиться внутрь, не в силах прорваться через яму у ворот.

И в следующую минуту все изменилось. Гвен с ужасом наблюдала за тем, как отряд воинов Империи появился с длинными деревянными досками, которые они положили над ямой у входа. Один за другим они взобрались на доски, и вскоре им удалось накрыть их целиком, построив мост. Они не пытались спасти своих солдат, оказавшихся внизу. Вместе этого, для того чтобы сэкономить время, они душили их, построив мост над их головами.

Получив импровизированный мост, сотни воинов Империи ворвались во внутренний двор с головокружительной скоростью. Они все издали боевой клич, бросившись к воротам.

Сердце Гвендолин упало. У ее людей закончились стрелы, их ряды сокращались, и Гвен знала, что их время исчерпано. Они не могут продолжать удерживать линию, долго сдерживать такое большое количество людей.

Воины Империи расступились, когда две дюжины мужчин выкатили вперед огромный железный таран. Они бросились вперед и с грохотом ударили им в железные ворота. Земля под ногами Гвен сотряслась, когда металл согнулся.

Эти четыре пары железных ворот, которые казались непригодными для обороны, теперь уже доказывали свою уязвимость.

«КОТЛЫ!» – крикнул Кендрик.

Силесианские воины бросились вперед, и все как один начали лить огромные котлы расплавленной смолы через край.

Внизу поднялся крик, когда дюжины воинов Империи оказались облитыми густой жидкостью.

«ЛУЧНИКИ!» – крикнул Кендрик.

Лучники шагнули вперед, на этот раз вооруженные огненными стрелами, и выстрелили вниз на облитых смолой воинов, отчего те загорелись.

Внутренний двор наполнили крики, когда распространилось пламя, и еще несколько дюжин воинов погибло. У ворот возвышались груды тел. Этого было бы достаточно для того, чтобы остановить любую другую армию.

Но не Андроникуса.

Войска Империи продолжали наступать и наступать. Им не было видно конца.

Гвен в ужасе наблюдала за тем, как другие воины взялись за таран, который так сильно повредил первые ворота, что они слетели с петель. Войска Империи разразились одобрительными возгласами. Осталось пробить только три ряда ворот.

«Миледи, у нас почти закончилась смола и...», – поспешно сообщил Срог.

Но не успел он договорить, как раздался очередной грохот, такой сильный, что Гвендолин оступилась. Посмотрев вниз, девушка увидела, что воины Империи выбили вторые железные ворота.

«Время отступить в нижний город!» – сказал Срог.

Гвен поняла, что он прав. Она кивнула и Срог, не колеблясь, выкрикнул:

«ОТСТУПАЕМ!»

Воины Гвен развернулись и оставили свои посты, убегая вниз к лестнице в задней стене.

Гвен присоединилась к другим, торопясь вниз по каменным ступенькам, спускаясь пролет за пролетом, проходя мимо дюжин солдат, которые стояли на страже, заняв позиции на каждом уровне. Раздался очередной большой грохот и, когда Гвен обернулась, у нее засосало под ложечкой, потому что она увидела, как под напором тарана сдались третьи ворота.

Как только Гвен и другие воины успешно прошли в нижние уровни, они вытянулись вверх и повернули огромные рукоятки, после чего подняли минное поле железных шипов, которые выстрелили прямо в воздух, покрывая нижний город подобно щиту. Когда Империя с радостными криками пробила четвертые – и последние – ворота, они бросились вперед через арочные ворота, надеясь атаковать силесианцев.

Но им некуда было пойти. Нижний город был защищен сверху полем железных шипов. Несколько воинов не смогли вовремя остановиться и, когда они продолжали наступать, то налетали на пронзившие их шипы, болтаясь в воздухе. Из их тел потекла кровь.

Наконец, войска Империи остановились у самого края Каньона, глядя вниз на шипы, осознавая, что у них нет возможности спуститься в нижний город, кроме как пройти через эти шипы.

Гвендолин подняла глаза вверх и увидела, что Империя, наконец, не может продвинуться дальше. Наконец, силесианцы в безопасности.

Когда Гвен добралась до нижних уровней города, ее поприветствовали дюжины ее генералов, которые с нетерпением ожидали ее. Жители города толпились здесь, отчего воздух был наполнен взволнованным гулом.

«Здесь, внизу, мы в безопасности, миледи», – сказал Срог. – «Они не смогут пробраться сюда».

«Да, но надолго ли?» – спросил Кендрик, когда вокруг него собрались их войска.

«Столько, сколько нам нужно», – ответил Срог.

«До тех пор, пока у нас не закончится еда и запасы», – зловеще произнес Бром.

«Как долго мы сможем выжить здесь, внизу, без провизии?» – спросил Кольк.

Срог покачал головой.

«Мы никогда не проверяли. Может быть, неделю. Может быть, две».

«И что потом?» – задал вопрос Кендрик.

Срог медленно покачал головой.

«По крайней мере, мы в безопасности от их досягаемости», – сказал он.

«Но мы не в безопасности от голода», – добавила Гвендолин.

Девушка подняла глаза вверх вместе с остальными, увидела лица воинов Империи, которые смотрели вниз, и поняла, что рано или поздно они найдут способ спуститься сюда. А теперь, когда они были загнаны в угол, им некуда было бежать.

В конце концов, им придется встретиться с Империей – или умереть.

Глава двадцать четвертая

Тор стоял на борту лодки вместе с остальными, приготовившись к смерти, в то время как морское чудовище нависло над ними.

Он закрыл глаза, изо всех сил молясь Богу.

«Пожалуйста, Господи, дай мне сил остановить этого зверя».

Тор подумал о словах Аргона.

«Не пытайся взять верх над природой. Стань единым с ней. Используй силу природы. В конце концов, ты тоже являешься частью природы».

Тор почувствовал, как огромное тепло снизошло на его тело, поднимаясь от его ступней и проходя через его ноги, через туловище, через руки и переходя в ладони его рук.

Молодой человек открыл глаза и поднял свои ладони, направив их на зверя, когда тот опустил с разинутой пастью, собираясь убить их всех.

К удивлению Тора, от его ладони исходил шар света, который выстрелил в воздух, устремившись в пасть чудовища.

Монстр отлетел назад из воды на добрых тридцать футов прямо к берегу. Он извивался и бился о землю, извергая крики. Он размахивал когтями во все стороны.

Минуту спустя после трепки монстр замертво завалился на бок.

Все молодые люди повернулись и посмотрели на Тора в наступившей тишине. Хотел бы он иметь ответы на их вопросы. Хотел бы он понимать источник своих сил, понять, как использовать их в совершенстве в случае необходимости. И больше всего ему хотелось знать, кто же он такой.

Но Тор этого не понимал.

Он отличался от всех, кого знал. Но как?

Узнает ли он это когда-нибудь?

* * *

Медленное течение несло их дальше вниз по реке, глубже в самое сердце преисподней. Они все гребли изо всех сил, пытаясь увеличить расстояние между ними и монстром, в то время как небо становилось все более темным. Тор все еще стоял в задней части лодки, пытаясь понять, что только что произошло. Словно он не мог постичь какую-то другую часть самого себя. Ему потребовалось некоторое время для того, чтобы вернуться туда, где он был.

«Я знаю, кто ты», - сказала Индра, посмотрев на Тора взглядом, полным страха и благоговения. - «Ты - сын Друида. Избранный. Я слышала истории о тебе. Великие истории».

Тор моргнул, смутившись.

«Что ты имеешь в виду?» - спросил он. - «Ты ничего не могла слышать обо мне. Я из маленькой деревни внутри Кольца. Я всего лишь очередной член Легиона».

Индра категорически покачала головой.

«У наших людей есть легенды. Древние легенды. Они рассказывают о том дне, когда править придет Избранный. Они гласят, что он принесет с собой шары пламени и света, невиданную нами силу. Сын Друида. Он придет во время великого бедствия в мире, во времена великой битвы между светом и тьмой. Человек, который встанет между двумя мирами. Наша последняя надежда».

Тор посмотрел на нее, не уверенный в том, что Индра понимает то, о чем говорит. Он предположил, что девушка что-то перепутала, приняла его за кого-то другого.

«Полагаю, что ты ошиблась на мой счет», - сказал он. - «Я не являюсь одной из ваших легенд», - добавил Тор, наконец, присаживаясь и начав грести вместе с остальными.

«Я ни с кем тебя не путаю», - вызывающе произнесла Индра. - «Я знаю, что говорят легенды. И я знаю, кто ты».

Другие молодые люди обернулись и уставились на Тора, но он покачал головой.

«Я обычный парень», - настаивал он. - «Как и все остальные».

Это было все, чего он хотел - быть таким же, как и все остальные. Чтобы его не считали

другим.

Индра покачала головой, продолжая пристально смотреть на него, словно он был спрыгнувшим с неба пришельцем. Она сделала странный знак рукой через свое горло, грудь и голову, словно она молилась Тору. Или же защищала себя от него.

Она склонила голову, после чего отвернулась к воде.

Тор почувствовал холодок, с трудом понимая, что с этим делать. Впервые кто-то смотрел на него так. Словно он был богом.

Течение стало сильным, а ночь густой, и Тор взглянул на реку более внимательно, думая о том, какие еще монстры могут в ней скрываться. Впереди находилась небольшая гора, в которую продолжала бежать река, чьи волны пробивались в небольшой черный туннель в камне.

«Пещера Дьяволов», – прошептала Индра со страхом в голосе.

Все молодые люди посмотрели на нее с новым чувством уважения.

«Звучит не очень гостеприимно», – сказал О'Коннор.

Индра покачала головой.

«Это дом костей. Легенда гласит, что именно сюда дьяволы отправляются, чтобы перекусить».

Все члены Легиона переглянулись между собой, и на их лицах читалось опасение.

«Есть ли другой путь?» – спросил Рис, в то время как прилив усиленно продолжал толкать их.

Индра покачала головой.

«Мы могли бы оттащить лодку в сторону и попытаться выбраться на сушу», – сказал Элден.

Девушка снова покачала головой.

«На суше еще хуже», – сказала она. – «Вы видите почву?»

Тор и его собраты обернулись и посмотрели на берег.

«Это не почва», – добавила Индра. – «Это сотни миллионов червей. Плотоядных червей. В ту секунду, когда вы ступите на берег, вы лишитесь стопы».

Тор пристально рассматривал темную почву и увидел, что она на самом деле шевелится, хотя и едва заметно. Он сглотнул, в очередной раз поразившись этому месту.

«Наша карта говорит, что мы должны плыть по реке через пещеру», – настаивал Дросс.

Индра издала короткий смешок.

«Ваша карта говорит о многом. Но говорит ли она о том, как нам выжить?»

Течение стало сильнее, и вскоре решение было принято за них, когда она засосало их прямо в пещеру. Все молодые люди пригнули головы, чтобы не удариться о низкий каменный арочный вход. У Тора от страха засосало под ложечкой. Что это за место?

Когда они оказались в пещере, им показалось, что они вошли в совершенно другой мир. Сначала здесь было черным черно, потолок низко свисал над их головами. В пещере царила мертвая тишина, за исключением звука, производимого каплями воды, который эхом отражался от стен. Тор слышал, как тяжело дышат его собратья, звук усиливался, отражался эхом, и он сумел почувствовать страх каждого из них. Он и сам его испытывал. Оказавшись в темноте, молодой человек приготовился к нападению в любую минуту.

Через минуту пещера открылась, потолок над их головами стал возвышаться на десятки футов, а прилив тем временем продолжал нести их медленно через пещеру. Здесь было шумно, каждая капля воды эхом отражалась от высоких стен. Кроме того, вода была не единственным шумом здесь – шум производила также какофония насекомых и мелких животных. В пещере раздавались взмахи крыльев и странное воркование, которое Тор желал бы не слышать никогда. Затем прозвучали низкие и высокие стоны и завывания всевозможных насекомых. Каждый звук был зловещее предыдущего. Казалось, что они вошли в пещеру ужасов. А то, что они не были в состоянии что-либо рассмотреть, только усугубляло ситуацию.

Крон, находившийся рядом с Тором, зарычал, ошестившись. Тор поворачивался из стороны в сторону, так же как и его друзья, пытаясь что-либо рассмотреть в темноте и увидеть, сможет ли он что-нибудь разобрать.

Когда вода принесла их глубже внутрь, стены пещеры начали отражать мягкий свет, что слегка осветило их путь. Тор присмотрелся внимательнее, спрашивая себя, откуда исходит этот свет, когда вдоль стен он заметил тысячи насекомых, цепляющихся за камни, которые шипели на них. Их светящиеся зеленые глаза открывались, когда они проходило мимо, отражая свет. Тор со страхом осознал, что они просыпались. Они напоминали тысячи небольших свечей в темноте, но, по крайней мере, насекомые давали им достаточно света, чтобы они могли что-то разглядеть.

«Кто это?» – спросил Элден Индру, находясь на страже, опасаясь того, что насекомые могут их атаковать.

«Пещерные паразиты», – ответила девушка. – «Они несут в себе жало сотен пчел. Вам не нужно беспокоиться – они липнут к стенам. Если вы не спровоцируете их».

«А как узнать, что мы их спровоцировали?» – спросил О'Коннор.

«Их глаза станут светиться», – ответила Индра.

Тор сглотнул.

«Как они делают сейчас?» – спросил он.

Девушка кивнула в ответ.

Шипение продолжалось, и пещерные паразиты поползли по стенам, некоторые из них выгибали свои маленькие головы в сторону лодки.

Когда пещера осветилась, Тор смог смутно разглядеть ее пропорции – она была огромной, ее сводчатые потолки парили на высоте десятков футов. Река сужалась и проходила через центр пещеры. С потолка свисали огромные сталактиты, кроме того такие же большие сталактиты поднимались с пола пещеры.

Откуда-то из глубины пещеры раздался низкое тихое рычание. Тор и его друзья обернулись,

но ничего не увидели.

«Мне не нравится это ощущение», – сказал Рис, крепче сжимая рукоять своего меча.

«И мне», – сказал Конвал. Он вынул свой меч, и громкий металлический звон эхом пролетел по пещере снова и снова, словно в эту минуту была извлечена дюжина мечей.

«Тебе не следовало это делать», – отругала его Индра. – «Теперь ты спровоцируешь их».

«Спровоцирую кого?» – спросил Конвал.

Из глубин темноты к ним начали направляться дюжины теней. Они напоминали человеческие скелеты, сплошные кости без плоти, но их кости были черными, а глаза светились белым цветом. Каждый из них нес белый длинный меч – блестящий, отражающий свет воды. Тор увидел, что те мечи тоже были сделаны из костей – на вид, из человеческих костей.

«Армия нежити», – произнесла Индра со страхом в голосе.

Тор медленно обернулся и увидел, что из каждого уголка пещеры появились сотни этих созданий, этих скелетов нежити, которые держали в руках мечи из костей, направляясь прямо к ним.

«Нежити?» – переспросил Элден. – «Их нельзя убить?»

«Нет», – ответила Индра. – «Они уже мертвы. Единственные, кого можно убить, – это мы».

Раздался громкий стук костей, и внезапно нежить бросилась прямо на них, подняв свои мечи.

«Что ж, если нам предстоит умереть», – сказал Тор. – «То это произойдет на суше, когда мы высоко поднимем свои мечи. В АТАКУ!» – приказал Тор.

Все как один девять членов Легиона спрыгнули с лодки на сухой берег. Крон спрыгнул вместе с ними. Они все извлекли свои мечи и храбро бросились на нежить.

Раздался громкий звон оружия, когда мечи столкнулись с мечами, звук усиливался, эхом отражаясь от всего внутри пещеры. Члены Легиона были обучены этому, их учили сражаться с противником, который превосходит их числом, их учили, как выстоять против свирепых воинов. И, несмотря на то, что эти теньевые скелеты были свирепыми, тем не менее, они были еще и обычными воинами, и не являлись достойными соперниками для компетенции Легиона.

Тор и его собратья обменивались ударами со скелетами, и когда меч Тор встретился с мечом одного из них, он был приятно удивлен, увидев, что его стальное оружие разбило оружие соперника, сделанное из костей. Затем он повернулся и полоснул скелет перед собой, после чего все его кости сломались и кучей посыпались на землю.

Тор изворачивался в разных направлениях, отражая удары, парируя, разрушая мечи и разбивая скелет за скелетом, оставляя у своих ног груды костей.

Все его собратья по Легиону вокруг него делали то же самое, ловко поражая воинов перед собой.

Крон присоединился к ним, прыгнув в битву, рыча, набрасываясь на одного скелета за вторым, сбивая их на землю, превращая их в кучу костей.

После того, как битва длилась около часа, берега были покрыты грудями костей. Хотя Тор и его друзья были в синяках и царапинах, тяжело дышали, чувствуя себя истощенными, никто из них не был тяжело ранен.

Они все посмотрели друг на друга и перегруппировались, запыхавшись. Впервые с момента их появления в Империи, Тор был полон надежды, даже оптимизма. Они испытали на себе худшее из того, чему могла подвергнуть их Империя, и они выжили.

«Мы победили», – сказал О’Коннор. – «Я не могу в это поверить».

Они все развернулись и направились обратно к лодке, но в эту минуту глаза Индры, которая стояла там, все еще были наполнены страхом, когда она смотрела через их плечи.

«Не хвались слишком рано, воин», – предупредила Индра.

Позади них раздался звук, от которого у Тора волосы встали дыбом на затылке. Это был стук тысячи костей.

Тор медленно обернулся, опасаясь увидеть то, что находится позади него.

Молодой человек ужаснулся, увидев, что все кости побежденных скелетов начали медленно подниматься с земли, восстанавливаясь. По одной кости за раз, и вскоре вся армия нежити вернулась к жизни.

«Как я сказала», – сказала Индра. – «Вы не можете убить того, кто уже мертв».

Тор наблюдал широко раскрытыми глазами за тем, как вся армия снова начала собираться, подготавливаясь к еще одной атаке. Все то сражение, вся их победа – все было напрасно. Эти монстры просто будут продолжать восстанавливать себя до тех пор, пока они не утомят Тор и его людей настолько, что убьют их всех. Они могли быть не такими хорошими бойцами, но у них было то, чем не обладал ни Тор, ни его друзья – бесконечная выносливость. И Тор знал, что, в конце концов, выносливость всегда одерживает верх.

«Назад к лодке!» – крикнул Тор, медленно отступая вместе с другими.

Все как один они развернулись и запрыгнули обратно в лодку, сильнее оттолкнув ее от берега, начав грести изо всех сил. Течение подняло их, и вскоре они уже мчались вниз по реке, удаляясь от этого берега. Тор и его люди пригнулись, вошли в очередной канал, покинув каверзную пещеру, как раз вовремя ускользнув от досягаемости наступающей армии.

Впервые в своей жизни Тор почувствовал, что победа была бессмысленной и, когда они вошли в следующий туннель тьмы, он тщетно спрашивал себя, какие еще ужасы ожидают их за поворотом.

Глава двадцать пятая

Гвендолин стояла на широкой каменной площадке нижней Силесии в окружении своих генералов, солдат и жителей города. Они все смотрели на бескрайние просторы Каньона в зловещей тишине, наблюдая за тем, как на небо опускается второе солнце. Все это время они не слышали ни звука от людей Империи, и после долгой взволнованной паники толпа медленно погрузилась в глубокую тишину. В воздухе повисло напряжение, каждый из них потерялся в своем собственном мире, глядя на небо, столкнувшись с собственной смертностью. Это была тишина тысячи душ в центре урагана, людей, которые знали, что им некуда пойти,

кроме как навстречу своей смерти.

Тишина со стороны Империи пугала Гвендолин даже больше, чем их нападение. Она знала, что Андроникус находится где-то наверху, замышляя что-то, и это только вопрос времени, пока он его реализует. Андроникус был самым безжалостным воином из всех, которых Гвен когда-либо видела. Хуже всего было то, что даже если бы он ничего не сделал, кроме смерти для них все равно нет никакой другой возможности. Как долго они проживут здесь внизу, пока не исчерпаются их запасы провизии? Помимо верхней части города, иного пути у них нет. А верхняя Силесия не была вариантом.

Разумеется, Андроникус это знал. Он взял их всех за горло. Он заставит их переждать. Позволит им запаниковать. Вероятно, Андроникус упивается этим прямо сейчас. Он добился именно того, чего хотел.

Гвен полагала, что ей следовало быть довольной собой, по крайней мере, за то, что ей удалось отразить их нападение, а также за свое участие в первой в жизни битве, за то, что они вывели из строя столь многих воинов Империи, за то, что они спасли большое количество своих людей при эвакуации. Но Гвен вовсе не была собой довольна. Она чувствовала, что потерпела поражение.

Срог, Бром, Кольк, Годфри и другие солдаты стояли поблизости, а рядом с Гвен находились Штеффен и Кендрик. Они все смотрели на Каньон с мрачными лицами. Она хотела бы знать, что сказать, чтобы подбодрить присутствующих людей, хотела бы знать, куда отправиться отсюда.

«Ты помнишь тот день с нашим отцом», – тихо спросил Кендрик с ностальгией в голосе, глядя на небо. – «Когда он пытался научить тебя размахивать мечом? Ты отказалась. Ты сказала, что мечи для слабых людей».

Гвендолин улыбнулась.

«Только смутно», – сказала она. – «Должно быть, я была очень молода».

Кендрик улыбнулся в ответ.

«Отец так разозлился», – продолжал он. – «Он закончил все наше обучение в течение дня. Тогда казалось, что ты сказала самую глупую в мире вещь».

Он вздохнул.

«Но знаешь, теперь, когда я стал старше, я осознаю, что в твоих словах заключалась великая мудрость», – добавил Кендрик. – «Победу в самых простых битвах можно одержать при помощи мечей. Победу в самых сложных приносят другие средства – стратегия, логика, сила воли».

«Уверена, что я не думала об этом, когда была младше», – улыбнулась девушка.

Улыбка не сходила с губ Кендрика.

«Уверен, что ты не думала. То, что ты сказала, было мудрым не по годам. Даже тогда».

Он повернулся и посмотрел на сестру.

«Я просто хочу, чтобы ты знала, что ты блестяще сражалась во время этой битвы», – сказал

Кендрик. – «Мы убили такое количество воинов, которое в двадцать раз превышает наши ряды, и потеряли гораздо меньше наших людей, чем могло бы случиться. Для любого другого руководителя это была бы победа, о которой он вспоминал бы все время. Ты не должна чувствовать себя плохо. Их было слишком много, чтобы какая-нибудь армия смогла одержать победу».

«Он прав, миледи», – сказал Штеффен рядом с ней.

«Более правдивые слова и сказать невозможно», – добавил Срог.

«Спасибо, брат мой», – сказала Гвен Кендрику. – «Я хочу, чтобы ты знал, что я всегда думала о тебе, как о своем брате. О своем *настоящем* брате. У нас один отец. И этой крови достаточно для меня».

Кендрик посмотрел на нее, и в его глазах Гвен видела, что ее слова многое означают для брата.

«А что теперь, миледи?» – спросил Срог. – «Боюсь, что у нас больше нет других планов на случай непредвиденных обстоятельств, кроме этого. Сейчас люди рассчитывают на Вас. Теперь решение за Вами».

«Если мы сдадимся Андроникусу, ничего хорошего это нам не даст», – сказала Гвендолин. – «Мы все знаем о его репутации – он не оставляет своих пленников живыми. Мы должны переждать».

«А если голод доберется до нас первым?» – спросил Бром.

Гвен вздохнула.

«Тогда мы будем сражаться с другим видом смерти», – ответила она. – «Или у вас есть другие идеи?»

Они все стояли в мрачном молчании, слушая завывание ветра. Ни одному из них нечего было добавить.

Наконец, Кендрик прокашлялся.

«Когда мы вступили сначала в Легион, а потом в Серебро», – сказал он. – «Мы дали клятву – клятву сражаться даже тогда, когда нет никакого шанса на победу. Это был обет чести, обет славы. Это как раз то, что мы выполнили сегодня. Не победа, а слава. И иногда, после того, как прошла победа, остается только слава, и поют именно о ней, а не о победе. Иногда слава является величественнее».

В то время как они сидели в тишине, наблюдая за энотерой, которая покачивалась от порыва завывающего ветра, внезапно воздух расколол громкий голос.

«Гвендолин, я взываю к тебе!» – прозвучал голос, эхом отразившийся от стен Каньона.

Все присутствующие повернулись и растерянно посмотрели друг на друга, после чего подняли глаза вверх, все как один, и Гвендолин увидела, откуда доносится этот голос. По ее спине пробежал холодок.

Андроникус.

Он стоял в окружении сотен своих людей, высунувшись с края Каньона, глядя на нее сверху с триумфальной улыбкой на губах.

«Гвендолин, правительница Западного Королевства Кольца, сейчас осталась только ты. Королевского двора больше нет. МакКлауды – мои узники. Ты единственная, кто осмеливается бросать мне вызов».

Он сделал паузу.

«Несмотря на то, что ты слышала обо мне, я не дикарь. На самом деле я самый рассудительный человек. Сегодня ты храбро сражалась здесь. Лучше, чем я ожидал. И за это я восхищаюсь тобой. За это я хотел бы вознаградить тебя. Я могу использовать таких ценных командиров, как вы, в своей армии, и я могу использовать таких ценных воинов, какими являются силесианцы».

«Я никогда не оставляю в живых пленников. Но сегодня благодаря твоей храбрости я сделаю исключение. Если ты сдашься мне, ты лично, тогда я пощажу весь твой город от разрушения. Я позволю жить всем вам, включая ваших солдат. Я даже освобожу каждого из вас. Вы будете жить в мире в моей Империи, и я оставлю Силесию в покое».

«Все, что я прошу взамен, это чтобы ты присягнула мне на верность. Чтобы ты поклялась служить мне, стала правительницей под моим командованием. Я буду относиться к тебе честно и справедливо. Ты займешь в моем дворе любую должность, которую только пожелаешь. Разумеется, это невелика цена – твоя личная жертва за благо твоего народа».

«Это доброе и щедрое предложение. Будь мудрой, прими его от лица тысяч душ вокруг тебя. Оглянись вокруг, посмотри на их лица. Они живы. Если ты не подчинишься мне, они встретятся с гневом великого Андроникуса».

«Не думай слишком долго. Если ты не дашь мне ответ этим утром, я пролью огонь на вас, подобно которому вы никогда не видели. И к тому времени, когда завтра зайдет второе солнце, от Силесии ничего не останется. Даже в книгах по истории, которые я уничтожу».

Наконец, голос Андроникуса перестал греметь. Какое-то время он еще разносился эхом на ветру, но потом исчез, вернувшись туда, откуда доносился. Когда Гвен подняла глаза вверх, он и его люди отступили от верхней площадки, исчезнув из поля зрения.

Гвен повернулась и посмотрела на своих людей, которые посмотрели на нее в ответ широкими от удивления глазами.

«Не делайте этого», – серьезно произнес Срог.

«Ты не можешь ему доверять», – сказал Кендрик.

«Это вероломное предложение», – добавил Штеффен.

«Я ни за что не хотел бы, чтобы Вы служили ему, спасая мою душу», – сказал Кольк.

«Я тоже», – подтвердил Кендрик.

Гвендолин стояла, задумавшись. Она знала, что Андроникусу нельзя доверять. Тем не менее, его слова казались искренними. А какой у них на самом деле выбор? Как он сказал, если они откажутся, они все будут мертвы. Она и сама это понимала. Если не от его руки, но каким-то

другим способом.

«Я с радостью уйду к нему в рабство, чтобы спасти жизни каждого из вас», – сказала Гвен. – «Я чувствую, что должна принять это предложение».

«Вы не можете, миледи!» – выкрикнул Кендрик. – «Я даже слышать об этом не хочу!»

«Я никогда не позволю Вам жертвовать собой из-за меня!» – сказал Срог. – «Скорее, я предпочту умереть, сражаясь».

«Неужели жизнь настолько ценна для Вас?» – спросил Бром.

«Не моя жизнь», – ответила Гвен. – «А ваша. Всех вас. С моей стороны было бы эгоистично отклонить это предложение и позволить вам всем умереть».

«На кону Ваша честь!» – сказал Срог.

«Мы достойно сражались», – ответила девушка. – «Единственный человек, который окажется в рабстве, – это я».

«Твое рабство – слишком высокая цена», – произнес Кендрик. – «Это несправедливо, если ты станешь жертвовать собой ради всех нас».

«Я с Кендриком», – сказал Срог.

«И я», – эхом повторили остальные.

«Мы не позволим Вам пойти, миледи», – сказал Штеффен. – «Один за всех и все за одного».

Среди присутствующих мужчин поднялись одобрительные возгласы. Гвен была тронута их преданностью. Тем не менее, предложение Андрикуса камнем легло на ее плечи. Ее жизнь за всех остальных. Это было то, что она с радостью отдаст.

* * *

Гвендолин стояла одна на краю Точки Каньона, наблюдая за тем, как последний свет дня освещал Каньон. Это был красивый закат, сверкающий в клубящемся тумане, пылая красным цветом, который, казалось, поджег весь мир. Он был мрачным и фаталистическим. И отвечал ее настроению.

Пока Гвен наблюдала за ним, часть ее чувствовала, что она смотрит на последний закат в своей жизни. Особенно после того, как она, наконец, пришла к решению.

Гвендолин прошла по городу, внимательно рассматривая лица всех мужчин, женщин, детей и юных воинов. В их глазах она видела надежду. Они смотрели на нее так, словно у нее был давно потерянный ответ, словно она была их спасительницей. Девушка осознала, что ей был дан шанс, уникальная возможность в последний момент вовремя спасти этих людей. Ее жизнь за их жизни. Это будет большой честью. Возможно, она оказалась в этом месте и в это время по этой причине, всего лишь для одного этого мгновения, для этого решения. Может быть, именно поэтому ей было предназначено править – чтобы принять одно решение, которые спасет тысячи жизней.

Гвендолин приняла решение. Она знала, что сделает. Не то, что сделают ее советники, не то, что сделал бы ее отец или что сделал бы Кендрик. Но то, что сделает *она*. Только это имело

сейчас значение.

Рано на рассвете, когда все еще будет темно, когда рядом с девушкой не будет никого, кто бы остановил ее, она поднимется наверх. Одна. Она сама сдастся Андроникусу. Гвен согласится на его условия, будет служить ему и добровольно сдастся для большего блага.

Пока Гвендолин стояла там, глядя на последний закат в качестве свободной женщины, она подумала о Торе. Она опустила руку вниз и, потрогав свой живот, подумала об их ребенке. Девушка хотела, чтобы этот ребенок жил. Для этого ребенка, если не для кого-то другого, ей хотелось избежать большего кровопролития. Она может быть рабыней Андроникуса, но этот ребенок будет свободным.

Всматриваясь в закат, Гвендолин вынуждена была признать, что часть ее надеялась на то, что появится Тор вместе с Мечом и спасет ее от всего этого. Она отдала бы что угодно, и ее сердце бешено заколотилось при мысли об этом.

Но в глубине души Гвен знала, что это всего лишь мечта. Тор ушел, и он был далеко отсюда. Она была совсем одна. Ей было предназначено стоять одной. Быть женщиной, которой, как рассчитывал ее отец, она станет. Гвен, наконец, поняла, что именно это и означает быть правителем - находиться в окружении людей, но, тем не менее, быть совершенно одинокой.

«Не всем мечтам суждено осуществиться», - раздался голос.

Обернувшись, Гвен увидела, что за ней стоит Аргон, который смотрел на закат. Она затерялась в собственном мире, и часть ее даже не удивилась, когда она увидела друида. Сейчас лишь немного имело для нее значение, с тех пор как она приняла решение. Она повернулась к закату вместе с ним.

«Ты приходишь тогда, когда я больше не нуждаюсь в твоём совете», - сказала Гвен Аргону.

«Я пришел не для того, чтобы дать тебе совет», - ответил он. - «Но чтобы засвидетельствовать свое почтение. Я не предвидел твое решение. Ты очень храбрая. Твой отец гордился бы тобой. Ты лучшая из всех правителей МакГилов».

«Ты поэтому пришел?» - спросила девушка, чувствуя, что друид сказал не все.

«Нет», - ответил Аргон. - «Я пришел также и для того, чтобы попрощаться».

Гвен обернулась и посмотрела на него, но он продолжал смотреть на Каньон.

«Ты покидаешь нас?» - спросила Гвендолин, пораженная страхом. Но в следующую минуту ее поразил еще больший страх. - «Или это я покидаю вас?»

Аргон продолжал смотреть вдаль, не отвечая. Его лицо ничего не выражало.

«Полагаю, что как только я стану подданной Андроникуса, вам следует найти нового правителя МакГилов достаточно скоро», - сказала Гвен.

Аргон покачал головой.

«Времена меняются», - произнес он.

Внезапно Гвендолин ощутила жгучее желание получить ответ.

«Скажи мне только одну вещь», – взмолилась она. – «Тор... Он в безопасности? Он жив?»

Она больше не волновалась о своей собственной безопасности, сейчас ее волновала только безопасность Тора.

«Он жив, да».

Гвендолин пристально посмотрела на друида.

«Ты не говоришь, в безопасности ли он», – настаивала она.

Аргон продолжал хранить молчание, не отвечая. Сердце девушки разбивалось.

«Можешь ли ты спасти его?» – умоляла Гвен. – «В какой бы опасности он ни находился. Пожалуйста. Я отдам тебе все, что угодно. Можешь ли ты сохранить ему жизнь?»

Аргон обернулся и посмотрел на Гвен, и его глаза горели прямо сквозь нее.

«Я уже однажды спас Торгина. Для тебя. И теперь твоя судьба требует чего-то взамен».

Аргон сделал три шага вперед и положил руку ей на плечо. Его рука прожгла ее насквозь, словно само солнце прикоснулось к Гвендолин.

«Ты заставила богов гордиться», – произнес друид. – «Для тебя всегда будет зарезервировано почетное место».

Как раз тогда, когда Гвендолин собиралась освободиться от его горящих рук, он вдруг исчез.

Она обернулась и посмотрела по сторонам, но не увидела никаких признаков друида. Гвен снова была одна здесь, наверху, на краю скалы – впервые в своей жизни она чувствовала себя такой одинокой.

Девушка подняла глаза вверх и посмотрела на стену Каньона, поднимающуюся к верхнему городу, и поняла, что ей нужно сделать.

Пришло время сделать первый шаг.

Глава двадцать шестая

Лежа на земле, беззащитный, Эрек приготовился к удару, когда монстр собирался опустить свои когти на его лицо. В его голове мелькали образы, когда он готовился встретиться со своей смертью – времена, когда он был мальчиком, его дни в Легионе, его жизнь рыцаря. Но ни дно изображение не мелькало так сильно, как образ Алистер. Готовясь к смерти, у Эрека оставалось только одно сожаление в жизни – что он не может провести с ней больше времени.

Но когда монстр опустил вниз камень, вдруг что-то случилось. Воздух прорезал резкий свет, и монстр отлетел назад, сбитый с ног, когда ему в грудь ударил шар света и пронес его на половину поля боя.

Эрек несколько раз моргнул, сбитый с толку. Он не понимал, что только что произошло.

Через поле боя пролетел второй шар света, после чего следующий, и чудовища полетели в разных направлениях, очищая безопасный периметр вокруг него.

Эрек развернулся и, подняв глаза вверх, увидел стоявшую над ними Алистер.

К его удивлению, он увидел, что девушка вытянула ладонь, из которой вырывались шары света. Ее голубые глаза светились, и она казалась потусторонней со своими длинными светлыми волосами, которые ниспадали вниз к нему.

Эрек не знал, что и думать.

Он с трудом поднялся на ноги и встал рядом с ней, пока Алистер продолжала метать шары света на всех монстров на поле боя, спасая его друга Брандта до того, как чудовищу удалось разрезать его пополам. Через несколько минут по всему полю прошла волна разрушения, все монстры взлетали в воздух.

Чудовища, которые еще не были подвергнуты ударам, посмотрели на них с новым страхом и начали осторожно отступать, после чего развернулись и убежали.

Обернувшись, Эрек посмотрел на Алистер с совершенно новым уважением и удивлением. Имеет ли это отношение к загадке ее рождения? Кто же она на самом деле? Откуда у нее эта сила? И почему она хранила ее в секрете?

Рыцарь едва мог подобрать слова, в горле у него пересохло, когда он повернулся к девушке. Задавая свой вопрос, он испытывал страх:

«Кто ты?»

Глава двадцать седьмая

Когда первое солнце поднялось над Каньоном, открывая самый великолепный восход, который Гвендолин когда-либо видела, наполняя вселенную красными и оранжевыми оттенками, обвивая облака тумана. Гвен поднялась по винтовой лестнице, вверх пролет за пролетом, чувствуя, словно она взбирается на небеса. Девушка дрожала изнутри, ее сердце неистово колотилось от волнения, ноги становились тяжелее с каждым шагом. Она не чувствовала себя более одинокой с тех пор, как покинула королевский двор и комфорт своей семьи, свою армию, людей, все то, что она знала и чем дорожила.

Гвен приготовилась встретиться с Андроникусом одна, чтобы сдать ему в рабство ради своих людей и всех тех, кого она любит. Гвен боялась, что если бы она обдумала этот шаг более тщательно, то могла повернуть назад. Девушка добралась до последней площадки перед вершиной, где встретила нескольких воинов Силесии, которые встали по стойке смирно, удивившись ее появлению. Они поприветствовали свою королеву.

«Миледи», - сказал один из них. - «Что вы делаете здесь наверху? Все в порядке?»

Гвен прокашлялась.

«Все хорошо», - ответила она, пытаясь скрыть свой страх и звучать уверенно.

«Куда Вы идете, миледи?» - спросил другой солдат.

«На вершину», - сообщила девушка.

Воины обменялись взглядами, полными страха.

«На вершину, миледи?» - переспросил один из них. - «Вы знаете, что там ждет армия

Андроникуса?»

Она кивнула.

«Я очень хорошо это знаю. А теперь прошу меня простить».

Воины растерянно посмотрели друг на друга, колеблясь, и в какой-то момент показалось, что они могут не пропустить ее, но затем они, наконец, уступили и отошли в сторону.

Когда Гвен прошла мимо воинов, она повернулась и встретилась с ними лицом к лицу, помня, что они рассчитывают на нее, как на своего правителя.

«Вы все сделали удивительную работу», - сказала она. - «Я благодарю вас за вашу службу».

«Миледи», - произнес один из стражников, прокашлявшись, бросая на нее серьезный встревоженный взгляд. - «Если Вы позволите мне сказать, что бы Вы ни собирались сделать, Вы не должны. Все мы готовы сражаться не на жизнь, а на смерть, за Вас».

Гвен улыбнулась ему в ответ.

«Я знаю, что вы готовы», - ответила она. - «И именно поэтому я делаю это».

Не говоря больше ни слова, Гвен развернулась и одна поднялась на последний пролет ступенек, двигаясь по кругу, пока, наконец, не добралась до верхнего уровня. Она стояла там, в поле шипов, которые торчали прямо к небу, в своей последней защите от орд Империи и, подойдя к небольшой платформе в середине, вытащила тяжелую веревку.

Когда девушка медленно тянула веревку раз за разом, платформа поднималась все выше и выше над шипами. С каждым рывком она ощущала, как ее сердце уходит в пятки, ожидая того, что может стать ее смертью.

Наконец, Гвендолин взобралась на вершину над шипами и сделала шаг на площадку верхней Силесии, где стояли дюжины воинов Империи. Они все обернулись и посмотрели на нее широко раскрытыми от потрясения глазами. Они стояли, открыв рот от изумления, не зная, что делать.

Гвен сделала несколько гордых шагов вперед, подняв подбородок и грудь, осознавая, что она представляет Кольцо. Все, что она делает, отражается на ее людях, и девушка решила быть храброй и сильной.

Гвен отыскала взглядом воина, который по виду занимал важную должность, подошла к нему и хладнокровно посмотрела на него.

«Отведите меня к Андроникусу», - приказала она своим самым властным голосом.

Изумленные воины Империи посмотрели друг на друга так, словно в их среде появился призрак.

Затем, наконец, главный солдат кивнул в ответ. Он развернулся и пошел рядом с Гвен, и за ними отправились несколько других воинов.

Их группа шла вперед. Сердце Гвен бешено билось, когда она пересекала внутренний двор Силесии. При виде двора ее сердце разбилось - он был разрушен, разорен, сожжен дотла, и теперь верхний город был наполнен тысячами воинов Империи, которые слонялись

из стороны в сторону. Когда они проходили мимо, все солдаты с обеих сторон вскочили на ноги, уставившись на Гвендолин так, словно она была зверем в зоопарке, агнцем, отправляющимся на заклание.

Сердце Гвен наполнилось нарастающей тревогой. Теперь было слишком поздно повернуть назад. Теперь она целиком и полностью находится в их власти.

Девушка молилась Богу о том, чтобы ее решение оказалось верным, чтобы она поступила правильно. Она молилась о том, чтобы Андроникус на самом деле сдержал свое слово.

По всему лагерю распространился шепот, когда они все прошли через городские ворота в огромный лагерь за стенами города. Гвен охватил страх от представшего перед ней зрелища – насколько хватало взгляда, здесь расположились тысячи воинов Империи. Они все обернулись и уставились на появившуюся Гвен, после чего среди воинов поднялся большой шум.

Воины вели Гвен через остатки подъемного моста по направлению к огромной черной палатке, разбитой в центре лагеря, которая, как предположила девушка, принадлежала Андроникусу.

Когда они приблизились к палатке, вдруг открылись створки, и оттуда вышел, низко пригнувшись, а затем высоко подняв голову, Андроникус. Он был облачен в черный плащ, под которым не было рубашки, на его шее висело ожерелье из высушенных голов. Гвен увидела на нем новое дополнение – голову Лорда Култина, наемника Гарета. Девушка попыталась отвести взгляд.

Подходя к Андроникусу, она шла как можно увереннее. На его лице появилась большая торжествующая улыбка. Он представлял собой скорее зверя, чем человека, возвышаясь в два раза больше любого нормального человека, которого она когда-либо встречала. Глядя на его длинные клыки и когти, ей было сложно поверить в то, что он ходит на двух ногах.

«Так, так, так, мой маленький ягненок», – произнес Андроникус своим глубоким голосом, который рычал и гремел в его груди. – «Ты, в конце концов, все-таки согласилась на мое предложение».

В лагере наступила тишина, когда Гвендолин прокашлялась.

«Ты поклялся не причинять вреда моим людям или мне, и позволить нам жить на свободе», – сказала она. – «Если я присягну тебе на верность и стану служить тебе. Это предложение, которое я готова принять».

Улыбка Андроникуса стала шире, в то время как его глаза сверкали, когда он смотрел на нее сверху вниз.

«Ты очень храбрая», – сказал он. – «Ты готова принести себя в жертву ради своего народа. Это очень благородная черта на самом деле. Ты поступила мудро, приняв мое предложение. Ты можешь начать преклонять колени передо мной и клясться Империи в верности».

Мысль о коленопреклонении перед этим монстром и принесение клятвы ему на верность разрывала Гвен изнутри. Каждый мускул в ее теле кричал ей не делать этого. Но девушка заставила себя подумать о своих людях, находящихся внизу, о тех страданиях, которым они подвергнутся, если она этого не сделает, поэтому она медленно заставила свои колени согнуться и опуститься перед ним.

«Наклони голову», – раздался хриплый голос одного из слуг Андроникуса.

Гвендолин медленно опустила голову.

«Повторяй за мной», – сказал слуга. – «Я, Гвендолин, дочь короля МакГиля, правительница Западного Королевства Кольца...»

«Я, Гвендолин, дочь короля МакГиля, правительница Западного Королевства Кольца...»

«Настоящим признаю, что великий Андроникус является единственным правителем вселенной...»

«Настоящим признаю, что великий Андроникус является единственным правителем вселенной...»

«Никогда не было правителя величественнее, и никогда не будет...»

«Никогда не было правителя величественнее, и никогда не будет...»

«И я навсегда клянусь в своей верности ему».

Когда Гвендолин произносила эти последние слова, они практически застряли у нее в горле, и она почувствовала волну тошноты, распространившейся по ее телу. Она помедлила, спрашивая себя, сможет ли справиться с ней.

«И я навсегда клянусь в своей верности ему».

Гвен это сделала. Ей удалось произнести эти слова. Наконец, дело сделано. Девушка подняла голову и посмотрела на Андроникуса.

Из его горла раздался громкий грохот, похожий на мурлыканье. Это был звук удовлетворения.

«Очень хорошо», – сказал он. – «На самом деле очень хорошо. Ты станешь самой послушной подданной. Теперь ты можешь подняться».

Гвендолин поднялась и холодно посмотрела на него в ответ.

«А теперь ты можешь позволить моим людям уйти», – произнесла она.

Улыбка Андроникуса стала шире, когда он поднял руку и стал перебирать пальцами свое ожерелье из высушенных голов.

«Что ж, да, что касается этого», – начал он. – «Видишь ли, иногда мне нравится быть честным. А иногда я получаю огромное удовольствие ото лжи. В данном случае, мне жаль это говорить, но я предпочитаю последнее. Я многое обещаю. Некоторые обещания я выполняю, а некоторые – нет. Боюсь, что ты застала меня не в тот день».

Сердце Гвендолин бешено заколотилось. Внутри она кричала на себя. Как она могла быть настолько глупой?

«Что касается твоих людей», – продолжал Андроникус. – «Что ж, возможно, я не убью их всех – из-за того, что ты сегодня здесь сделала. Но я убью большинство из них. Остальных же я обращаю в рабство. Боюсь, что больше они не будут знать, что такое свобода. Но, тем не менее, лишь некоторые люди».

Он вздохнул.

«А что касается тебя, моя дорогая», – сказал Андроникус. – «Тебе следует знать, что в моих рядах нет достойного места для тебя. Кроме меня, других руководителей нет, потому что все руководители являются моими рабами. Включая тебя».

Андроникус кивнул, и вперед выбежали два воина, которые грубо схватили ее за плечи.

«Отпустите меня!» – крикнул Гвен, сопротивляясь. – «Ты обещал. Ты обещал! Где твоя честь?»

Андроникус искренне рассмеялся.

«Честь?» – переспросил он. – «Я утратил ее много лет назад. И я рад, что это произошло. Не могу представить, сколько битв я проиграл бы без нее».

Его смех утих.

«Боюсь, моя дорогая, что тебе нужно показать пример. Особенно жестокий пример. Видишь ли, единственный путь для каждого, кто осмелится бросить мне вызов, – это извлечь урок».

Андроникус обернулся.

«МАККЛАУД!» – крикнул он.

К ужасу Гвендолин, из его рядов вышел старший король МакКлауд с обезображенным лицом, половина которого была заклеена эмблемой Империи Андроникуса.

«Пришло время преподать урок девчонке МакГил», – сказал Андроникус. – «Я бы и сам это сделал, но я получаю большее удовольствие, наблюдая за тем, как мои враги мучают друг друга. На самом деле это одно из моих самых больших увлечений».

«Я сделаю все, что Вы скажете, милорд», – смиренно ответил ему МакКлауд.

«Я знаю, что сделаешь», – холодно усмехнулся в ответ Андроникус. – «Ты по-своему разберешься с этой женщиной. Может быть, тебе повезет, и она родит тебе сына. А я стану наблюдать за всем этим».

На лице МакКлауда появилась широкая улыбка, когда он окинул Гвен взглядом с головы до ног, словно она была его добычей.

«С большим удовольствием, милорд», – произнес он.

Гвендолин закричала и начала сопротивляться, когда МакКлауд бросился к ней. Ей удалось освободиться от хватки двух солдат, развернуться и побежать.

Но Гвен не убежала очень далеко. Она оказалась на расстоянии всего лишь несколько футов, когда МакКлауд схватил ее сзади, бросил на землю лицом вниз, лег на нее сверху, выбивая из нее воздух.

«НЕТ!» – закричала Гвендолин, извиваясь.

Но он был слишком силен для нее. Вскоре толстые, грубые руки МакКлауда уже разрывали на ней одежду, и девушка почувствовала, как холодный зимний ветер жалит ее голую кожу.

Она услышала одобрительные возгласы людей Андроникуса, в то время как сама она продолжала кричать, сопротивляясь изо всех сил, желая и молясь о том, чтобы оказаться в другом месте. Гвен могла бы поклясться в том, что где-то высоко над головой она услышала Эстофелеса, который кружил и кричал.

Гвен закрыла глаза, пытаясь заставить все это исчезнуть, представляя себя в другом месте. Она представляла себя с Тором. С их ребенком. В поле летних цветов. В раю, далеко-далеко от ужасов этого мира.

Глава двадцать восьмая

Тор стоял один в огромном поле алых цветов, освещенном кроваво-красным закатом. Где-то высоко над его головой кружил и кричал Эстофелес. Впереди, на расстоянии, находилась одинокая фигура, которая, обмякнув, лежала на траве. Он не мог сказать, кто это был.

Тор направился к этому человеку, и его сердце бешено колотилось в пути. Небо темнело с каждым его шагом, и он почувствовал нарастающее плохое предчувствие. Что-то внутри Тора подсказывало ему, что это было тело кого-то, кого он любил.

Когда он приблизился, то по ниспадающему белому кружеву, раскинутому на земле, понял, что это женщина. Его охватил ужас, когда Тор увидел ее длинные светлые волосы, раскинутые по плечам, и молодой человек понял, что эта женщина, еще до того, как он добрался до нее.

Гвендолин.

Трясущейся рукой Тор схватил девушку за плечо и медленно перевернул ее, опасаясь увидеть то, что может обнаружить. У него перехватило дыхание при виде представшего перед ним зрелища.

На земле лежала Гвендолин – ее тело было в крови, а сама она не шевелилась.

Тор начал бесконтрольно плакать, не в силах остановиться. Он наклонился, поднял ее на руки, поднялся и, откинувшись назад, закричал.

«НЕТ!» – крикнул Тор.

Его крик взлетел вверх, отражаясь эхом, достигая самих небес, когда он держал в руках ее безвольное тело, тело девушки, которая была любовью всей его жизни. Единственной женщины, которая значила для него больше любого другого человека, кого он когда-либо знал. Женщины, на которой он собирался жениться. Так или иначе, она была мертва. А Тора не было там, чтобы ее спасти.

«НЕТ!» – снова крикнул он.

На крик молодого человека ответил визг Эстофелеса, который, покружив, начал опускаться вниз с выпяченными когтями, которые он направил на лицо Тора.

Тор проснулся, тяжело дыша, сев прямо. Пока он осматривался по сторонам, его сердце неистово билось в груди. Дезориентированный, молодой человек пережил сложные минуты, различая, что было явью, осознавая, где он находится.

Постепенно Тор понял, что он все еще находится в лодке, что он уснул в ней, как и все его братья по Легиону. Вся их группа лежала здесь, погрузившись в сон, в то время как лодка

медленно плыла вниз по реке, унося их на медленном течении. Тор пытался вспомнить, спрашивая себя, как долго они спали, как далеко они отплыли и куда теперь направляются. Ему казалось, что это путешествие длится уже целую вечность.

Тор сделал глубокий вдох, думая о своем сне, о Гвендолин, пытаясь прогнать от себя ужасное видение. Оно казалось таким настоящим. Слишком реальным. Это видение напугало его.

Тор знал, что это всего лишь сон, тем не менее, в то же самое время он чувствовал, что за этим кроется нечто большее. Молодой человек ощущал всеми фибрами своей души, что Гвендолин находится в опасности, что с ней случилось нечто ужасное.

Это разрывало его изнутри. Больше чем когда-либо ему хотелось выпрыгнуть из лодки и побежать к ней, чтобы спасти девушку от чего угодно.

Но Тор находился очень далеко, и он ничего не мог с этим поделать. Он никогда не чувствовал себя более беспомощным. Где-то в глубине души он ненавидел себя за то, что отправился в это путешествие. Следовали ли ему остаться позади?

Тор выпрямился, и Крон сел рядом с ним, заскулив, опираясь головой ему в грудь, пока Тор гладил его. Крон продолжал скулить, и Тор понял, что леопард тоже чувствовал это, тоже знал, что с Гвендолин что-то произошло. В конце концов, Крон был привязан к Гвен почти так же, как и Тор.

Тор почувствовал, как у него засосало под ложечкой. Ему казалось, что он бросил Гвен в ту минуту, когда она нуждалась в нем больше всего.

Тор поднял глаза вверх и увидел, что здесь, на этой стороне мира, поднимается очередной рассвет. Он начался как мрачный день. Нигде не было видно солнца, на небе были только большие черные облака, сквозь которые пытался пробиться приглушенный свет. Они проплывали мимо огромного пространства пустошей, на которых не было ничего, кроме мертвых черных деревьев, жутких птиц, которые наблюдали за ними. Очевидно, что они не пели по утрам. Вместо этого птицы молча смотрели на них, их сверкающие глаза медленно следили за лодкой.

Тор посмотрел прямо перед собой и удивился, увидев, что река подходит к концу. Через несколько футов их лодка врезалась в сушу, напугав его и разбудив остальных.

Члены Легиона друг за другом присели от этого толчка и испуганно осмотрелись по сторонам. Не теряя ни минуты, Тор поднялся на ноги, подошел к передней части лодки и выпрыгнул на сушу. Крон следовал за ним по пятам. Остальные молодые люди пошли за ним.

«Где мы?» – спросил Рис, прыгая на сушу рядом с ним, удивленно оглядываясь по сторонам.

«Здесь оканчивается река?» – спросил О’Коннор.

«Понятия не имею», – ответил Тор.

Трое братьев тоже выпрыгнули из лодки. Держа в руках карту, Дрейк озирался по сторонам.

«Именно сюда ведет нас твоя драгоценная карта?» – не без сарказма спросила Индра.

«Мы находимся именно там, где и должны быть», – ответил Дрейк в свою защиту.

«И где же конкретно?» – спросила девушка. – «В центре небытия?»»

«Вообще-то, наше место назначения уже близко», – сообщил Дросс, наклонившись. – «Согласно этой карте, мы уже недалеко».

«Следуйте за нами», – сказал Дрейк, отправившись в путь вместе со своими двумя братьями.

«Мне не нравится это место», – сказал Конвал Конвену, встав рядом с братом.

Тор думал о том же самом. Из-за клубящегося тумана было сложно увидеть, что же находится впереди. Он только мельком смог увидеть деревья и бесплодную пустошь.

Через несколько минут туман, наконец, рассеялся, и Тор увидел перед ними огромную круглую поляну. Пейзаж резко перешел от грязи к фиолетовой траве, словно одна земля была разграничена другой. Казалось, что они стоят на перекрестке – в одной стороне была фиолетовая земля, а в другой – желтая пустыня.

«Что это за место?» – спросил Элден.

«Похоже на пересечение земель», – поделился мыслями Рис.

«Перекресток мертвых», – сообщила Индра. – «Отсюда земля ведет к трем местностям. Это край преисподней».

«Что теперь?» – спросил Тор, повернувшись к Дрейку.

Но произошло что-то странное – когда Тор обернулся, чтобы посмотреть на Дрейка, он увидел, что трое его братьев вдруг начали отступать, сделав несколько шагов назад, подальше от остальных.

Прежде чем Тор смог понять, что происходит, снова поднялся туман и, он вдруг увидел, что на них надвигается сотня воинов Империи.

Не успел Тор отреагировать и вынуть свой меч, как он почувствовал, что на него набросились сзади несколько воинов, которые схватили его и бросили на землю.

Все остальные члены Легиона вокруг него тоже попали в засаду.

В мгновение ока их схватили и связали, и молодые люди оказались беспомощными. Их захватили в плен.

Всех, кроме Дрейка, Дросса и Дарса. Воины Империи не тронули их.

Трое братьев вышли вперед и встали над Тором. На губах каждого из них была ехидная улыбка.

Тор не мог поверить своим глазам. Его предали собственные братья.

«Я доверял вам», – обратился Тор к Дрейку.

Тот улыбнулся и покачал головой.

«Ты всегда был лишен здравого смысла», – ответил он.

«Но почему?» – спросил Рис. – «Почему вы предали нас? Почему вы предали своих братьев

по Легиону?»

«Вы не являетесь нашими братьями», – ответил Дросс, после чего повернулся к Тору. – «А особенно ты. Половину нашей жизни мы ждали того дня, когда увидим тебя мертвым. И теперь этот день настал».

«Попрощайся, братик», – сказал Дарс.

Он вынул свой меч с характерным звоном, в то время как воины Империи крепко держали Тора.

Тор пытался сопротивляться, но это было бесполезно. Было что-то в этих веревках, что лишало его силы. Он не мог набраться сил даже для того, чтобы извиваться.

Ему не оставалось ничего другого, кроме как беспомощно наблюдать за тем, как вперед вышел Дарс, который высоко поднял свой меч, устремив его к открытой шее Тора. Тор понял, что пришел его конец.

В этом мире у него осталось только одно желание – он хотел снова увидеть Гвендолин.